И.Ф.Лукьянов

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ „СВОЙСТВО“

И. Ф. Лукьянов

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ „СВОЙСТВО“

(значение для исследования проблемы отражения)

МОСКВА «МЫСЛЬ»
1982

ББК 15.1
Л 84

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты: доктор философских наук *И. С. Нарский*
доктор философских наук *Л. Н. Суворов*

Л $\frac{0302020100\text{-}039}{004(01)\text{-}82}$ 29-82

© Издательство «Мысль», 1982

ВВЕДЕНИЕ

К необходимости рассмотрения существенного объективного содержания категории свойства автор пришел в процессе исследования отражения как всеобщего свойства материи[1]. Теория отражения диалектического материализма является одним из важнейших разделов марксистской философии. В ней заключена сущность диалектико-материалистического взгляда на отношение мышления к бытию, сознания к материи, дающего научное решение основного вопроса философии.

В марксистской философской литературе проблеме отражения посвящены многочисленные исследования, в которых рассматривается как теория отражения в целом, так и отдельные ее аспекты[2]. При этом оказывается, что формы отражения в живой и неживой природе настолько многочисленны и многообразны (так как зависят от конкретных особенностей объектов), что трудно это многообразие уложить в сколько-нибудь стройную систему, если не найти правильного подхода к его определению. Поэтому специальным предметом многих исследований становятся анализ сущности всеобщего отражательного свойства материи, попытки определения отражения как философской категории. По мере развития философии и других наук решение этого вопроса приобретает все большее значение, поскольку, как известно, всякое определение, означая вычленение, искусственное изолирование, огрубление тех или иных сторон единого мирового процесса, вместе с тем содер-

---

[1] См. *Лукьянов И. Ф.* Отражение — всеобщее свойство материи. Опыт логико-гносеологического исследования. Кн. 1. Логико-методологические проблемы определения категории «отражение». Депонирована в ИНИОН АН СССР, июль 1979. — 209 с. Кн. 2. О сущности категории «отражение». Депонирована в ИНИОН АН СССР, июль 1980. — 270 с. Данная публикация представляет собой сокращенное изложение второй книги указанной монографии.

[2] См., например: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969; Ленинская теория отражения и современная наука, т. 1—3. София, 1973; *Медведев Н. В.* Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М., 1963; *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе. М., 1969, и др.

жит в себе кратко сформулированный итог той степени проникновения в сущность явления, которая достигнута на современном этапе развития науки и одновременно намечает пути его дальнейшего изучения.

В работах авторов, исследующих проблему отражения с позиций диалектического материализма, в основном последовательно проводится ленинская точка зрения на отражение как на всеобщее свойство, лежащее «в фундаменте самого здания материи».

Они предлагают различные ответы на вопрос: «Что такое отражение?», предпринимают попытки определения отражения как философской категории. При этом обнаруживается множество вариантов определений [3]. Неоднозначность трактовок объективного содержания всеобщего свойства отражения затрудняет дальнейшее развитие ленинской теории отражения. Сущность отражения как всеобщего свойства материи по-прежнему остается в центре внимания философского анализа.

В ранее опубликованных работах автор уделил особое внимание разработке методов поиска существенных отличительных признаков отражения как особого свойства материи. Определенный интерес в этой связи представляет анализ сущностного содержания понятия «категория материалистической диалектики» [4].

Коротко суть заключается в следующем. При изучении того или иного предмета или явления мы стремимся понять его сущность, найти законы его развития связи с окружающим миром. Раскрыть сущность какого-либо предмета познания (или, что то же самое, понятие о нем) значит определить его в соответствии с положениями диалектической и правилами формальной логики, ибо основная логическая функция понятий состоит в мысленном выделении по определенным признакам интересующих нас в практике и в познании предметов. Однако, когда речь идет об определении философских категорий, встает весьма важный вопрос: а разрешима ли эта задача в принципе? Важность этого вопроса определяется тем обстоятельством, что существует берущая начало еще от Аристотеля традиция

---

[3] См. *Лукьянов И. Ф.* Отражение — всеобщее свойство материи. Опыт логико-гносеологического исследования. Кн. 1. Логико-методологические проблемы определения категории «отражение», с. 16—134.

[4] См. там же, с. 173—202.

считать, будто философские категории в силу своей всеобщности неопределимы средствами классической и современной логики.

С подобным пониманием объективного содержания категорий материалистической диалектики согласиться нельзя. Нельзя согласиться и с мнением, что однозначные определения категорий как предельных, а потому и наиболее сложных понятий, бесполезны [5]. Напротив, как показывает практика, чем сложнее объект, тем важнее роль таких определений. Их отсутствие, как правило, приводит к терминологическим неясностям и произвольному обращению с изучаемым объектом. От того или иного теоретического понимания сущности категорий диалектики, например, существенным образом зависит подход ко многим вопросам конкретного научного знания.

Функции философских категорий в решении реальных познавательных задач заключаются в том, что то или иное препятствие, на которое наталкивается в своем поступательном движении человеческое познание, рассматривается через призму накопленного человечеством опыта, аккумулированного в тех или иных категориях как средствах философского метода. Но что именно в них фиксируется? В ходе исторического развития философской мысли уже были выработаны необходимые предпосылки для ответа на этот вопрос.

Так, Кант, характеризуя категории трансцендентальной логики как специфические понятия, отмечает, что в трансцендентальной логике речь идет не о логической форме, а о содержании и что категории трансцендентальной логики, выступая в качестве формы знания, оказываются в то же время и материей логического знания [6]. Эта формулировка — предпосылка будущего отождествления логических форм и их содержания Гегелем: «...форма и содержание сами суть одно и то же тождество» [7].

Гегель, отмечая диалектичность самой диалектической логики, писал, что она в известном смысле выступает как формальная наука, поскольку отвлекается от конкретного содержания, которое является предме-

[5] См. Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973, с. 378—379.

[6] См. *Кант И.* Соч. в шести томах, т. 3. М., 1964, с. 315.

[7] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 2. М., 1971, с. 86.

том изучения частнонаучных дисциплин. Однако по сравнению с той наукой, которую мы называем «формальной логикой», диалектическая логика есть логика содержания. Все ее законы и категории относятся не к мыслительным формам как таковым, а к развитию окружающего нас мира и содержания нашего знания о нем. Гегель впервые в истории философии рассматривает формы философского мышления как формы, несущие содержательное знание, ставит задачу раскрыть специфику содержания этих форм и достаточно отчетливо намечает направления решения этой задачи. «Логическая идея... — пишет Гегель, — имеет своим содержанием себя как *бесконечную форму*... имеет своим содержанием лишь то, что определение формы есть ее собственная завершенная целокупность, чистое понятие... определенность выступает не в виде *содержания,* а всецело как *форма»* [8].

Выписывая гегелевское определение диалектической логики как содержательной науки, В. И. Ленин замечает: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы... формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [9]. В этом ленинском замечании и заключается основа ответа на поставленный вопрос. Материалистическая диалектика описывает объективную реальность в категориях, которые, отходя от непосредственной данности конкретных предметов, раскрывают природу тех или иных сторон этих предметов глубоко, полно и в необходимой всеобщности. Категории диалектики отображают только всеобщие формы объективного существования живого, реального содержания этих сторон, но не само содержание как таковое. Вследствие именно такой своей всеобщности категории диалектики не могут иметь одинакового проявления в различных формах движения материи. Отсюда необходимость рассмотрения конкретного проявления сущности категорий диалектики как единства особенного и общего.

В. И. Ленин много раз подчеркивал, что диалектика, являясь наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, должна пониматься, вместе с тем, в ее конкретности, что ее законы и кате-

---

[8] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 289—290.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

гории выступают не в виде каких-то абстрактных принципов, якобы лишенных всякого содержания и приложимых одинаковым способом к чему угодно, а всегда сугубо конкретно, в неразрывной связи со специфическим характером того предмета, к которому применяется в данном случае диалектика; в понимании материалистической диалектики всеобщее не есть только нечто абстрактное, но есть такое всеобщее, которое воплощает в себе, т. е. охватывает в обобщенном виде, все богатство особенного и единичного.

Важнейшая функция категорий диалектики заключается в том, что они дают первоначальное знание о всеобщих формах объективного существования тех или иных сторон познаваемого предмета, определяя тем самым общее направление исследования предмета и очерчивая общие границы, в которых оно должно осуществляться. Посредством своего объективного содержания диалектика направляет мысль исследователя по тому пути, на котором, пользуясь конкретными теоретическими положениями и конкретно-научными методами, раскрывающими закономерности развития познаваемого предмета, он проникает в сущность конкретного содержания тех его сторон, всеобщие формы объективного существования которых отображаются категориями диалектики.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующее определение понятия «категория материалистической диалектики»: *категория материалистической диалектики — это такая логическая форма мысли, содержанием которой является всеобщая форма объективного существования той или иной стороны объективной реальности.*

Данное определение раскрывает всеобщность и универсальность категорий диалектики; обосновывает возможность применения категорий диалектики во всех областях познания и их высокую методологическую эффективность; показывает ложность позитивистских утверждений о «бессодержательности» философских категорий и «ненаучности» марксистско-ленинской философии в целом; демонстрирует возможность и необходимость исследования объективного содержания категорий диалектики; является исходной основой для поиска видовых отличительных признаков категорий диалектики и объективным критерием специфичности и

существенности, поскольку содержит требования, которым должны отвечать их существенные отличительные видовые признаки.

Рассматривая пути и методы исследования проблемы отражения [10], автор пришел к выводу, что наиболее эффективным направлением анализа сущности отражения как всеобщего свойства материи является его логическое определение через ближайший род и видовое отличие. Выдвигая эту идею, автор опирался на четко сформировавшееся в философии представление об атрибутах материи (движении, связи, пространстве, времени, отражении) как ее всеобщих свойствах. Из этого представления с логической необходимостью следует положение о том, что категория «свойство» является ближайшим родовым понятием для всех атрибутивных категорий материалистической диалектики. Кроме того, выявляется объективная необходимость познания сущностного содержания категории свойства, поскольку без знания сущности ближайшего родового понятия «свойство» принципиально невозможно научное определение категории «отражение», обозначающей специфическое всеобщее свойство материи.

На всем протяжении истории развития философской мысли категория свойства обычно рассматривается в неразрывной связи с категорией качества, причем нередко свойство раскрывается как то или иное (основное или неосновное) качество, а качество в свою очередь как то или иное (существенное или несущественное) свойство (или единство свойств), в связи с чем возникла необходимость анализа и этой категории.

Анализ категории качества имеет и определенное самостоятельное значение. Современная общественная практика выдвигает как весьма актуальную задачу философское осмысление практических проблем качества. Ее возникновение обусловлено тем, что проблема улучшения качества работы приобретает первостепенное значение в решении главной задачи одиннадцатой пятилетки — дальнейшего повышения благосостояния советских людей [11]. Качество, таким образом, становится

---

[10] *Лукьянов И. Ф.* Отражение — всеобщее свойство материи. Опыт логико-гносеологического исследования. Кн. 1. Логико-методологические проблемы определения категории «отражение», с. 135—172.

[11] См. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 38.

объектом управления, поскольку улучшение качества невозможно без создания эффективной системы его планирования и регулирования. Выявление сущностного объективного содержания категории «качество» имеет важное методологическое значение, ибо только на этой основе становится возможным в дальнейшем раскрыть внутреннюю связь качества с количеством, а следовательно, и измерить качество: управлять, планировать и регулировать можно только то, что измеримо.

Эта проблема составляет весьма важный, но вполне самостоятельный предмет исследования, в рамках которого сделано уже многое [12]. Автор не имеет возможности входить в детальное обсуждение данной проблемы и поэтому в ходе исследования, опираясь на марксистско-ленинское учение о диалектике категорий «качество» и «количество», там, где это требуется, раскрывает лишь свою точку зрения, свое понимание тех или иных вопросов.

Вместе с тем истинное понимание категорий качества и свойства практически немыслимо без правильного подхода к их первоначальным формам, сыгравшим немаловажную роль в их дальнейшей исторической судьбе. Поэтому, прежде чем приступить непосредственно к анализу категорий качества и свойства, необходимо было рассмотреть в общих чертах эволюцию этих понятий в ходе исторического развития философской мысли, по крайней мере в тех пунктах, где данные категории подвергались наиболее глубокому анализу.

Исходя из этих соображений в главе 1 рассматриваются трактовки содержания категорий качества и свойства в философских учениях античности (Аристотель), Нового времени (Локк) и домарксистской идеалистической философии (Гегель). Рассматривая понимание категорий свойства и качества великими мыслителями прошлого, автор стремился к тому, чтобы не подменять исторический анализ анализом ретроспективным, т. е. таким анализом, при котором их взгляды использовались бы лишь для подкрепления его соб-

---

[12] См., например: *Кедров Б. М.* Учение марксистской диалектики о качестве, количестве и мере. — Под знаменем марксизма, 1941, № 3; *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966; *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972; *Шляхтенко С. Г.* Категории качества и количества. Л., 1968, и др.

ственных установок, понятий и исканий, поскольку такой подход по существу деформировал бы прошлое и навязывал ему чуждые контуры. Поэтому главная задача анализа заключалась в том, чтобы в процессе выявления содержания, вкладывавшегося в категории качества и свойства философами прошлого, не исказить его привнесениями современных воззрений. Мы не проводим здесь более глубокой разработки истории развития категорий свойства и качества, поскольку введение подробного исторического материала значительно увеличило бы объем книги и осложнило бы понимание проблемы, не являясь в то же время необходимым для этого понимания.

Одной из важных задач главы 1 является рассмотрение результатов основных исследований категорий свойства и качества, опубликованных в современной марксистской философской литературе. В работе дается анализ ряда определений этих категорий, который свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся внутреннего, наиболее существенного их содержания, разработаны еще недостаточно.

В главе 2 анализируется сущность категорий качества и свойства и рассматривается их роль в познании объективной действительности. Результаты анализа позволили автору уточнить представления об обозначаемых категориями качества и свойства областях объективной действительности и сформулировать соответствующие определения.

Относительно выделения видообразующих признаков отражения следует отметить, что ближайший род не содержит в себе каких-либо указаний на реальную область действительности, включающую в себя видообразующие признаки, и, следовательно, знание его отнюдь не означает знания специфики входящих в его объем видов. Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на то, что знание общего не дает знания специфики особенного и единичного. «С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания», — писал Ф. Энгельс, — я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать...»[13]

---

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 146.

Сформулированное выше логическое определение понятия «категория материалистической диалектики» является исходной основой для поиска видовых отличительных признаков всеобщего свойства отражения, а также объективным критерием их существенности и специфичности.

Опираясь на сформулированное определение категории свойства, автор в третьей главе книги делает попытку рассмотреть сущность и соотношение категорий «движение», «пространство», «время» и «отражение» как всеобщих свойств материи. Главная задача исследования на данном этапе состояла в том, чтобы приблизиться к пониманию общих объективных условий, обеспечивающих проявление всеобщего отражательного свойства материи и того философского содержания, которое несет в себе категория «отражение». Без такого обоснования было бы трудно доказать правильность нашего подхода к проблеме. Естественным результатом исследования является попытка дать определение категорий «движение», «пространство», «время» и «отражение» в общетеоретическом, философском плане. Таким образом, взятый вначале, в силу необходимости, широкий круг вопросов постепенно сужается и исследование проблемы завершается рассмотрением ключевого вопроса — вопроса о сущности всеобщего свойства отражения.

Автор ограничивается рамками только этой задачи, хотя ясно осознает ее недостаточность. Поскольку в ходе анализа отражательного свойства материи рассматриваются главным образом вопросы логико-методологического и общетеоретического характера, многие аспекты этой проблемы не могли быть разработаны достаточно четко и глубоко, в рамках данной работы. Разумеется, такая постановка вопроса сужает проблему, в частности ограничивая рассмотрение материалов частных наук. Самое общее решение проблемы отражения не следует, конечно, считать завершенным: ее главная задача состоит в том, чтобы раскрыть в меру возможностей, создаваемых достижениями современной науки и техники, историческое развитие внутреннего содержания связи материи и отражения как ее всеобщего свойства.

Известно, что изолированно взятый момент всеобщего полностью не характеризует природу понятия. Столь

же важным моментом понятийного мышления является отражение специфики связанных общим отношением членов класса или ряда, образующих реальную область объективной действительности. Как отмечал еще Гегель, «познание, ограничивающееся лишь понятием просто как таковым, еще не полно и дошло еще только до *абстрактной истины*» [14]. Задача познания заключается не только в том, чтобы за внешней видимостью вскрыть сущность предмета, но также и в том, чтобы, опираясь на познанную сущность, объяснить формы ее проявления. Поэтому познание движется не только от отдельного к всеобщему, но и от всеобщего к особенному и единичному, т. е., опираясь на знание всеобщего, постигает конкретную действительность. Философский анализ всеобщего содержания категории отражения в связи с этим не может быть отделен от анализа исторически развивающихся форм его проявления, а должен найти свою «жизнь» в реальной действительности, в фактах частных наук, изучающих механические, физические, биологические и другие формы отражения. «...То, что... достигнуто диалектическим путем, — писал Ф. Энгельс, — надо «подтвердить... на примере истории...»[15], поскольку «логическое развитие ... нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [16].

Однако анализ исторического развития отражательного свойства материи выходит за пределы данной работы и является предметом специального исследования. Тем более автор не ставит задачу дать полный, всесторонний анализ категорий движения, пространства и времени и оценивает этот раздел работы лишь как попытку их рассмотрения с общетеоретических философских позиций. Подробный анализ этих фундаментальных категорий материалистической диалектики возможен лишь в крупных специальных работах, раскрывающих предмет в его реальной целостности, а не рассматривающих какой-то отдельный, хотя бы и наиболее существенный его аспект.

Автор, естественно, не претендует на окончательное решение затронутых вопросов. Это частица большой и

---

[14] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 3, с. 25.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 257.
[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 499.

важной работы, которую уже проводят и которую еще предстоит провести философам-марксистам в разработке конкретных проблем ленинской теории отражения и ее защите от нападок буржуазных критиков и ревизионистов. Понимая известную неполноту настоящей работы, автор выражает надежду, что она послужит материалом, который поможет в дальнейшем с большей ясностью и определенностью разработать поставленные в ней вопросы.

Предлагаемый подход к исследованию проблемы отражения не заменяет и не отвергает другие подходы, существующие в литературе. Проблема отражения весьма сложна, и для ее разрешения требуется соединение усилий многих исследователей. Вместе с тем не всегда оказывается возможным сразу выявить плодотворность того или иного подхода, для этого требуются дальнейшие исследования.

Вполне допустимо, что некоторые наши выводы являются спорными, носят дискуссионный характер. Автор надеется, однако, что положения, развиваемые в данной работе, достаточно согласованы между собой и по крайней мере от одного недостатка — логических противоречий — более или менее свободны. Вместе с тем автор предвидит возможность критики не только формы изложения материала, но и главным образом его содержания, поскольку по большинству обсуждаемых вопросов существуют различные точки зрения, а каждый автор (в том числе и автор данной работы) считает, что истинна именно его точка зрения: иначе бы он ее не выдвигал и не развивал. Мы полагаем, что констатация естественных в такого рода работах разногласий не может считаться критикой, это лишь борьба мнений, критика же должна указывать на прямые недостатки исследования и мышления.

Безусловно, нельзя полагать, что в данной работе все сформулировано в окончательной форме. Обсуждение этих вопросов может способствовать творческому развитию марксистской теории познания в ее применении к современным проблемам отражения. Поэтому все аргументированные критические замечания, направленные на позитивное решение затронутых вопросов, будут приняты автором с благодарностью.

ГЛАВА 1

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ КАЧЕСТВА И СВОЙСТВА

В философии категория свойства, равно как и развивающаяся в тесном единстве с ней категория качества,— древнейшие философские категории, которые занимают важное место среди категорий материалистической диалектики, обозначающих всеобщее содержание и связь тех или иных сторон вечно изменяющейся и развивающейся материальной действительности. Несмотря на большую историю, проблема свойства и качества пока еще далека от окончательного решения. На протяжении развития философской мысли в категории качества и свойства вкладывалось разное содержание.

Как отмечал Ф. Энгельс, с зачатками положительных наук мы встречаемся впервые у греков александрийского периода [1]. К этому времени основные философские категории были сформулированы в первоначальной форме и сыграли свою роль в развитии положительного знания. Категории свойства и качества начинают употребляться вне связи с определенной конкретной ситуацией, сами становятся предметом исследования, хотя и не выходят еще за рамки эмпирического знания, сохраняют многие черты старых представлений и далеко не сразу освобождаются от них.

Аристотель

Свое категориальное значение качество впервые получает в философии Аристотеля. Здесь оно рассматривается в числе десяти высших родов высказываний или категорий, в которые могут включаться или под которые могут быть подведены все явления бытия и научные понятия. В центре внимания философии Аристотеля стоит категория сущности. Остальные девять кате-

[1] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 20.

горий свою значимость получают от сущности, являясь ее акциденциями. Колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом естественно сказались и на его учении о категориях. Не останавливаясь на этом вопросе специально, укажем, однако, что главные, так и не преодоленные Аристотелем трудности, осложнившие вопрос об объективном бытии, были связаны, как отмечал В. И. Ленин, с переходом от общего признания существования природы вне нас к характеристике ее содержания, с отношением общих понятий к индивидуальным единичным явлениям [2].

Категория сущности, по Аристотелю, вырабатывается на основе непосредственного познания бытия и означает единство в многообразии материального мира. Определение любого предмета достигает цели лишь в том случае, когда в нем содержится указание на его сущность. От понимания категории сущности поэтому зависит понимание всех остальных категорий и связанных с ними философских проблем [3].

Поскольку сущность есть реальная основа остальных категорий, то «все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих» [4], т. е. все остальные категориальные определения неотделимы от сущности и сами по себе лишены смысла. «Одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно состояние сущности, третье — потому, что оно путь к сущности, или уничтожение и лишенность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находящееся в каком-то отношении к ней, или оно отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности, почему мы и о не-сущем говорим, что оно *есть* не-сущее» [5].

Сущность определяется как объективное индивидуальное бытие. Отмечая главные свойства сущности, Аристотель указывает такие из них, как способность к отдельному существованию и данность в качестве «вот этого», единичного предмета. Причем сущность, по Аристотелю, есть то, что существует в первую очередь и дано не как специальное бытие, т. е. не как специаль-

---

[2] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 326—327.
[3] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1. М., 1976, с. 188.
[4] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 2. М., 1978, с. 56.
[5] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 120.

ный предикат другого бытия, существовавшего ранее, но как бытие в своей непосредственности. Поскольку эта сущность, которую Аристотель называет «первой сущностью», есть чувственно воспринимаемая материальная вещь, которая находится в известном отношении к другим вещам, движется, развивается в пространстве и во времени, то «очевиднее всего, как полагают, сущность присуща телам...» [6].

Таким образом, Аристотель понимает под первой сущностью объективную действительность материального мира; этим определяются материалистические тенденции в его учении о сущности. Аристотель прямо указывает, что о «первом» можно говорить в различных смыслах, но между различными родами сущего первое место и по времени, и по понятию, и по познанию занимает «первая сущность» и тому, кто хочет познать сущее, надо выяснить природу «первой сущности» [7].

Сущности не могут существовать отдельно от вещей, не могут быть даны вне отдельных предметов [8]. Древнегреческий мыслитель был глубоко убежден в том, что независимое от отдельных вещей существование может быть признано только за сущностью самой природы, которая образует единую истинную сущность всех вещей материального мира.

«Первая сущность», воспринимаемая чувствами, подвержена изменению, в основе которого лежит субстрат, материя, т. е. то, что находится в основе единичных вещей и без чего «не было бы ничего вообще». Подчеркивая органическую связь материи с сущностью, Аристотель пишет, что «если материя *есть* именно потому, что она невозникшая, то тем более обоснованно, чтобы *была* сущность — то, чем материя всякий раз становится: ведь если не будет ни сущности, ни материи, то вообще ничего не будет...» [9]. Вместе с тем Аристотель различает два аспекта сущности — онтологический и логический. «...О сущности говорится в двух [основных] значениях: в смысле последнего субстрата, который уже не сказывается ни о чем другом, и в смысле того, что, будучи определенным нечто, может быть отделено [от материи только мысленно], а таковы образ, или форма, каждой

[6] Там же, с. 188.
[7] Там же, с. 187—188.
[8] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 4, с. 227.
[9] Там же, с. 110.

вещи»[10]. Онтологический аспект содержится в указанном выше аристотелевском понимании первой сущности как субстрата или материи: «И субстрат есть сущность... это материя»[11]. Логический ее аспект раскрывается в его учении о вторых сущностях.

«...Вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, — и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида — «живое существо». Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например, «человек» и «живое существо»[12]. По Аристотелю, «первые сущности», как более совершенные по существованию и в своем существовании более независимые, в большей мере являются сущностями, чем «вторые» сущности. Диалектический характер взаимосвязи между «первыми» и «вторыми» сущностями состоит в их взаимоопределяющем отношении: «вторые» сущности существуют лишь благодаря «первым» сущностям; а «первые» сущности познаваемы, умопостигаемы лишь с помощью «вторых» сущностей.

Аристотель отличает чувственно воспринимаемую сущность от того, что в ней является абстрагированной от чувственности мысленной сущностью. Первую он называет существованием или индивидуумом и рассматривает как реальное («первая» сущность), вторую называет видом и родом и рассматривает как логическое («вторая» сущность). В «Категориях» Аристотель указывает на то, что «вторые» сущности, так же как и «первые», означают некоторую данную вещь, но в отличие от «первых» сущностей «вторые» сущности сказываются не об одном предмете, а о многих единичных предметах, которые они характеризуют со стороны качества. Таким образом, «вторые» сущности устанавливают качество в отношении «первой» сущности, т. е. указывают на некоторую определенность сущности. При этом качественными признаками «вторых» сущностей являются черты, общие для множества вещей, совокупность которых и составляет общую определенность, осуществляющуюся в вещах. Эта определенность и есть «вторая» сущность, содержащая в себе всеобщее и необхо-

[10] Там же, с. 157.
[11] Там же, с. 224.
[12] *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 55—56.

димо существующее. «Вторые» сущности, по Аристотелю, дают понятийное знание о «первых» сущностях как о подлежащих, о которых они сказываются. Аристотель рассматривает, таким образом, сущность и с онтологической (Физика), и с гносеологической (Метафизика) стороны.

Исследуя «первые» сущности с точки зрения онтологии, философ рассматривает их как материальную основу бытия. При исследовании же «вторых» сущностей Аристотель рассматривает логическую определенность «первых» сущностей, т. е. гносеологическую трактовку этого бытия. Поскольку мышление в процессе определения предметов выделяет их всеобщие и необходимые признаки и включает последние в понятия о предметах (а это древнегреческому философу уже было известно), постольку «вторые» сущности, с его точки зрения, являются логическими определениями «первых» сущностей. Сущность вещей, согласно Аристотелю, постоянно пребывает в них при всех изменениях их случайных сторон или характеристик, в связи с чем предмет заключает в себе только отдельное (или «первую» сущность), а видовые и родовые понятия — сущность многих предметов (или их «вторую» сущность).

Таким образом, категория сущности, по логике Аристотеля, выступает как единство онтологических и гносеологических характеристик бытия. В этом единстве представлено логически оформленное и гносеологически определенное материальное бытие. «Первая» сущность у Аристотеля является первоосновой бытия и мысли об этом бытии. «Первые» сущности, являясь основанием для всего остального, принимают определения видов и родов, т. е. «вторых» сущностей. «И прежде всего скажем о ней кое-что, исходя из ее определения (logikos), что суть бытия каждой вещи означает то, что эта вещь есть сама по себе» [13]. Это означает, по Аристотелю, что «суть бытия имеется только для того, обозначение чего есть определение» [14], а определение, по Аристотелю, — это обозначение сути бытия вещи [15].

Важнейшая задача науки, согласно Аристотелю, состоит в определении понятий, выражающих «первую» сущность, или единичные, индивидуальные моменты бы-

[13] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 191.
[14] Там же, с. 192.
[15] См. там же, с. 195.

тия. Не выражая всего богатства мира, его многосторонности, понятия, имеющие дело с единичным, служат для обозначения строго частных сторон бытия, его индивидуальных признаков. Поэтому наименее общими понятиями являются те, которые относятся к отдельной сущности — индивидуальному бытию. Определение такого рода охватывает «вот эту определенную вещь» [16]. Отдельная сущность, выступая предметом понятия, дает наиболее точное, но ограниченное определение. В этих понятиях наименования получают, определяя их и выражая в данной их индивидуальности части вещей, те части, с упразднением которых «устраняется и целое» [17], т. е. упраздняется эта конкретная индивидуальность, хотя сам предмет как предмет, относящийся к данному виду, может сохранять свое существование. И хотя целостный момент бытия, существующий в виде отдельного предмета, как первая и важнейшая сущность всегда богаче понятия, его выражающего, наука должна стремиться через совокупность понятий, дающих определение частных признаков бытия, достигнуть возможной полноты охвата индивидуального бытия. Понятие есть прежде всего определение целого. Если же несколько природных тел объединены одним общим понятием, то это предполагает отсутствие существенной разницы между ними. Здесь тела могут различаться уже только по случайным своим сторонам.

Перечисление свойств, присущих целой группе явлений, строго отличающих одну группу от другой, и фиксация их в понятии — следующая ступень образования общих идей. В отличие от понятий о признаках и частных явлениях понятия, будучи высказаны о виде, представляют собой уже более совершенную и высокую ступень обобщения. Это, по выражению Аристотеля, первоначальные, специфические черты бытия, охваченные в определении. Выразив наиболее общие (всеобщие), существенные черты в понятии, человек создает представление о роде. Отличая друг от друга явления, объединенные в роды, через видовые отличия, можно увидеть, из каких видов состоит род. Те же признаки индивидуального бытия, которые не выражены ни в роде, ни в виде, носят название частных, и понятие о них

[16] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 211.
[17] См. там же, с. 157.

не может быть строго научным. Но даже в том случае, если бытие выражено во всех понятиях рода и вида, оно остается несравненно более богатым и многосторонним, чем логическая мысль, выражающая это бытие.

Род — своеобразное верховное понятие в логической системе Аристотеля: «...поскольку мы каждую вещь познаем через определения, а начало определений — это роды, необходимо, чтобы роды были началами и определяемого» [18]. Если, например, изучаются живые существа, ученый прежде всего должен решить, какие свойства присущи всем животным, т. е. он должен познать род. Если сравнить род с видовым отличием, отношение будет таково: везде, где есть видовое отличие, необходимо дан и род; там же, где есть родовое понятие, далеко не всякий раз дается видовое отличие [19]. И вид, и род, указывает Аристотель, — это не реально существующие предметы, но признаки, отвлеченные от них и мыслимые человеком. Однако понятия вида и рода — не только абстракции: в них зафиксировано то, что есть в единичных телах, но понятия «высказываются о многих единичных предметах» [20].

В этом смысле род может быть определен как потенция видов [21], а виды — как имманентные формы единичных вещей. Во «вторых» сущностях вскрывается не отдельное качество, как, например, «белое», «образованное», а отношение качества к «первой» сущности. При этом род дает более общее определение, чем вид, через него достигается больший охват предметов. Реальные, единичные вещи природы как единство формы и материи лежат в основе вида и рода: они неизбежно должны составлять некоторое множество.

Какую же роль Аристотель отводит качествам [22] в образовании «вторых» сущностей? Качества, говорит Аристотель, помогают выразить видовые отличия тел,

---

[18] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 107.

[19] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 149.

[20] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 59.

[21] *Аристотель.* О частях животных. М., 1937, с. 34.

[22] Первый шаг к познанию сущности человек делает, высказываясь о ее качественной стороне. Это достаточно ясно представлял себе Аристотель и критиковал, например, преувеличение роли количества, а с ним и математики у Демокрита, пифагорейцев и Платона, благодаря чему его «физику» принято называть «качественной», однако в целях всестороннего рассмотрения качественных изменений Аристотель в данной работе предпослал им анализ количества.

через качества определяется «субстрат», который мы называем материей [23], через качества и сами сущности приобретают определенность и устойчивость. И именно потому, что категория качества выражает богатство отношений и изменений бытия, она высказывается во многих значениях, отсюда подвижность, текучесть, гибкость этой категории. «Качеством, — писал Аристотель, — я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то» [24].

Однако выражение «то... благодаря чему» содержит в себе некоторую неопределенность. Попробуем разобраться, какой смысл вкладывается в него самим Аристотелем.

Раскрывая в процессе практической деятельности содержание предмета, т. е. то, чем этот предмет является, человек устанавливает связь предметов между собой, которая выражается прежде всего в совпадении их качеств, что позволяет объединить предметы по видам, вскрывать их единство [25].

Рассматривая содержание категории качества, Аристотель перечисляет те стороны, характеристики предметов, которые могут выступать в роли «качеств» или в роли качественных признаков, через которые устанавливается «вторая» сущность, дается качественное определение предметов. Во-первых, в роли качественных признаков могут выступать свойства и состояния предметов. При этом свойство, отмечает Аристотель, означает качество продолжительное и относительно устойчивое, оно подвергается изменению «с большим трудом». Состояние — качество менее устойчивое, более быстро изменяющееся, движущееся и исчезающее. Это «такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные [состояния]» [26]. Состояние или расположение в своей способности к быстрому изменению содержит возможность превращения в противоположность, «становясь из теплого холодным или из здорового больным». Аристотель под-

---

[23] См. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 177.

[24] *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 72.

[25] См. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 3. М., 1981, с. 148—149.

[26] *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 73.

черкивает всеобщий характер текучести качеств как состояний, замечая, что так же обстоит дело и «в остальных случаях»[27].

Будучи изменчивыми, подвижными и текучими, качества как «состояния сущностей» присущи предметам лишь случайным, «привходящим» образом и не выражают их внутренней природы, в связи с чем качественные изменения вещи (в этом понимании качества) не затрагивают ее сущности, которая по своей сути остается неизменной. Именно поэтому сущность, будучи тождественной и единой по числу, может получать противоположные определения, т. е. из белой становиться черной, из теплой — холодной и т. д. «О сущности же говорится как о способной принимать противоположности потому, что она сама их принимает: она принимает болезни и здоровье, бледность и смуглость; поскольку она сама принимает каждую из таких противоположностей, о ней говорили как о способной принимать их»[28]. С другой стороны, состояния могут оказаться неустранимыми, более внутренними и устойчивыми, «почти недоступными изменению», переросшими в свойства. В этом смысле свойства являются такими качествами, которые всегда бывают одновременно и состояниями. Считается, что это значение свойств показывает и их историю, ибо они вырастают из состояний, из их способности к изменению. Состояния же, как легко подвергшиеся изменению, не могут быть названы свойствами, хотя и содержат в себе возможность превратиться в них.

Второй вид качества, по Аристотелю, заключается в возможности, природной способности или неспособности к чему-либо, например к определенной деятельности, к изменению и т. д. «Каждое из них называется таким не потому, что кто-то находится в каком-то состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность или неспособность легко что-то делать или ничего не претерпевать... Твердое называется так потому, что оно имеет способность не поддаваться легко раздроблению, а мягкое — потому, что не имеет способности к этому»[29].

---

[27] См. там же.
[28] Там же, с. 61—62.
[29] Там же, с. 73—74.

В особый вид качеств Аристотель выделяет так называемые «пассивные качества», называя их иногда чувственными качествами. «Пассивные качества», по Аристотелю, — это те качества, основная особенность которых заключается в способности быть воспринимаемыми, т. е., воздействуя на органы чувств, вызывать различные ощущения. К таким качествам древнегреческий философ относит сладость, горечь, кислоту, белизну и все им сродное [30]. Предметы, включая в свое содержание одно из названных качеств, могут быть определены сообразно данному признаку. Например, «мед называется сладким, так как он наделен сладкостью, и тело называется белым, так как оно наделено белизной» [31]. «Пассивными» же Аристотель называет эти качества потому, что они производят в органах чувственного восприятия «пассивное» (чувственное) состояние.

Аристотель подчеркивает в чисто материалистическом духе, что ни чувственный, ни пассивный характер этих качеств не превращает их в «условные качества». Они строго объективны и принадлежат во всех своих проявлениях самим предметам. У Аристотеля нередко можно встретить утверждения, что ощущающие органы сами по себе не порождают ощущения и не вызывают ощущения без внешнего побуждения, что агенты, вызывающие реализацию у ощущающей способности, воздействуют извне, что для факта ощущения требуется ощущаемый предмет, находящийся вне воспринимаемого субъекта, и т. д. [32]

И наконец, последний, четвертый вид качества Аристотель связывает с характеристикой фигуры и присущей каждому предмету формы. Кроме того, сюда же относятся прямота, кривизна и то, что им подобно.

«В самом деле, — пишет Аристотель, — ведь по ним в каждом случае называют что-то таким-то и таким-то, ибо вещь называют такой-то и такой-то благодаря тому, что она треугольная или четырехугольная, или благодаря тому, что она прямая или кривая, и равным образом по внешнему облику что-то называют таким-то и таким-то» [33]. Что же касается редкого и плотного, шероховатого

---

[30] См. там же, с. 74.
[31] Там же.
[32] См. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 407—429.
[33] *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 75.

и гладкого, то, по мнению Аристотеля, хотя на первый взгляд они и могли бы иметь значение качественных, но, очевидно, к подразделению качеств не относятся, поскольку каждое из них скорее выражает известное положение частей. Вместе с тем философ не исключает возможности того, что «можно было бы, пожалуй, указать и какой-нибудь другой вид качества» [34].

Если в «Категориях» Аристотель называет четыре указанные группы сторон или характеристик предметов, которые могут выступать в роли качеств (признаков) в определениях, то в «Метафизике» он сводит их к двум: качества — как видовые отличия сущности и качества — как ее преходящие состояния [35]. Здесь Аристотель подходит к рассмотрению этой категории с другой стороны: если в «Категориях» он рассматривал стороны и характеристики предметов, которые вообще могут выступать в роли качественных признаков (качеств), предметов познания, то в «Метафизике» выявляет условия, которым эти стороны и характеристики должны отвечать, чтобы могли быть использованы как видовые качества (качественные признаки) в логических определениях.

Аристотель особо подчеркивает, что видовые качества — это относительно устойчивые стороны или характеристики предмета, выступающие как видовое отличие сущности. Качество как видовое отличие сущности есть нечто устойчивое, пребывающее в вещах: оно появляется в вещи и исчезает из нее лишь в результате развития, т. е. с возникновением и уничтожением качества связано возникновение и уничтожение самой вещи как качественно определенной. Поэтому-то форма, являющаяся у Аристотеля наравне с материей вечной, реализуясь в материальном субстрате, приводит к возникновению отдельных вещей и создает им возможность получить качественные определения через те видовые отличия, которые выделяют эти вещи как виды из всех остальных видов, принадлежащих тому же роду.

Отсюда одно из важнейших условий, которым должны отвечать стороны или характеристики, чтобы выступать в роли качественных признаков в логических определениях предметов, — их относительная устойчивость. Устойчивость, по Аристотелю, — это та необходимая

---

[34] Там же, с. 76.

[35] См. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 165—166.

черта, которая дает возможность познать видовое отличие в сущности, т. е. сформулировать видовые и родовые понятия о предметах как «вторых» сущностях. «Однако вторые сущности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность»[36]. Именно этим объясняется, почему данный смысл качества выступает у Аристотеля как самый основной: это такое качество, которое входит в состав сущности. Аристотель подчеркивает, что и состояния предметов должны обладать некоторой устойчивостью, чтобы определять собой характер предмета: в противном случае они не приобретают особенностей качества.

Аристотель также четко отмечает различия между сущностью и качеством, указывает отличительную сторону сущности: сущность, оставаясь той же самой, может принимать благодаря изменению тех или иных качеств различные, в том числе и противоположные, определения[37]. Качеством Аристотель называет только то, благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определенными, т. е. относит его не к сущности самой по себе, а к тому или иному определению сущности как нечто устойчивое, пребывающее, входящее в состав сущности.

Итак, по Аристотелю, сущность — это нечто такое, что, будучи значительно более емким, чем качество, включает его в свой состав как часть, сторону, характеристику целого, участвующую в образовании на основе этого целого той или иной качественной определенности. Аристотель, таким образом, вполне четко различает сущность, качественную определенность и качество предмета. Категория свойства же, не получая конкретного определения, понимается Аристотелем как внутреннее, устойчивое, с трудом поддающееся изменению качество предмета.

Колебания и противоречия древнегреческого философа при характеристике содержания категорий «качество» и «свойство» обусловлены непоследовательностью, с которой решается им основной вопрос философии — вопрос об отношении бытия и мышления. У Аристотеля

---

[36] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 2, с. 59.
[37] См. там же, с. 62.

нет никаких сомнений в реальности внешнего мира[38]; объективная природа — сама собой разумеющаяся и безусловная предпосылка человека[39]. Переход от бытия к мышлению, от материи к сознанию — вот где камень преткновения для великого ученого древности, вот где с особой яркостью выступают важнейшие пункты его колебаний между идеализмом и материализмом[40]. Многочисленные сторонники и противники великого древнегреческого мыслителя за две с лишним тысячи лет бесконечных споров предложили десятки различных вариантов объяснения важнейшего раздела теоретических убеждений философа — учения о категориях, комментируя его, как правило, с ограниченных, метафизических философских позиций. Основная ошибка интерпретаторов заключалась в откровенно идеалистическом толковании этого учения.

Локк

Ф. Энгельс писал, что в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений. Так же обстояло дело и с категориями качества и свойства. В философском учении Аристотеля о категориях в зародыше скрыты все противоречия и разногласия, затронуты многие вопросы, каждый из которых разросся впоследствии в проблему. Для примера можно указать на проблему первичных и вторичных качеств, однокачественности и многокачественности предметов, соотношения качества и свойства и т. д. Если в общих чертах проследить дальнейший ход развития философской мысли, то можно убедиться, что в различных философских системах фиксируются те или иные особенности этих категорий, которые при одностороннем их истолковании, раздувании отдельных черточек приводят к неверному, а в ряде случаев к извращенному, идеалистическому пониманию.

В связи с абсолютизацией отдельных моментов категорий качества и свойства создаются неправильные взгляды и на содержание тех категорий, которые тесно связаны с пониманием качества и свойства как катего-

---

[38] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 327.
[39] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 3, с. 77—78.
[40] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 258.

рий познания. Так, у стоиков качество и свойство понимаются только как то, что превращает материю в некоторый конкретный предмет. Такое понимание качества и свойства становится широко распространенным в средневековой философии. Позднее существовала тенденция сближения категорий качества и свойства с категорией сущности.

В философии Нового времени категории качества и свойства рассматриваются в различных аспектах, чаще всего с точки зрения деления качеств на «первичные» и «вторичные». Наиболее развернутую форму проблема первичных и вторичных качеств приобрела в философии Д. Локка. Как известно, компромиссное решение Локком политических и религиозных вопросов опиралось в качестве теоретической основы на такую же компромиссную позицию в философии и в свою очередь вело к последней. А вместе с тем основным ядром его философских воззрений был материализм: внешние вещи, по Локку, существуют вне и независимо от субъекта. Таким образом, исходной посылкой философских рассуждений Локка являлось признание существования объективного мира [41]. Взгляды Локка на качества (с точки зрения деления их на первичные и вторичные) рассматриваются более или менее подробно во многих философских работах [42]. Для нас особый интерес представляет рассмотрение внутреннего основания поставленной Локком перед наукой (вполне в духе материализма) задачи: не ограничиваться описанием внешне наблюдаемого, а понять, как явления в каждом конкретном случае определяются самой сущностью объектов.

Рассматривая содержание категории «сущность», Локк, так же как и некоторые другие философы того времени (например, Гассенди и Бейль), вводил различие между реальной и номинальной сущностью. Номинальная сущность, по Локку, есть зафиксированная в общей идее данного рода совокупность воспринятых человеком простых идей как первичных, так и вторичных качеств. При этом, чем более преобладают в номинальной сущности идеи первичных качеств, т. е. те идеи, которые, по мнению Локка, соответствуют природе предметов, тем

---

[41] См. *Локк Д.* Избранные философские произведения в двух томах, т. 1, 1960, с. 376.

[42] См. *Нарский И. С.* Философия Джона Локка. М., 1960; *его же.* Западноевропейская философия XVIII века. М., 1973.

более деление на виды и роды приближается к их реальному природному делению.

Относительно реальной сущности предмета Локк отмечал, во-первых, что она может быть только формой, размером и связью его плотных частиц, т. е. фактически видел реальную сущность предмета в том, что в современной науке носит наименование структуры[43]. Реальная сущность, по Локку, — это «есть то, что она есть»[44], иными словами, это реальное внутреннее строение, основание всех тех свойств, которые чувственно воспринимаются человеком. «Под этой «реальной сущностью»,— пишет Локк, — я подразумеваю реальное строение вещи, представляющее собой основание всех тех свойств, которые соединены в номинальной сущности и оказываются постоянно существующими вместе с ней, — отдельное строение, которое каждая вещь имеет внутри себя, без всякого отношения к чему-либо внешнему»[45]. Однако распределение субстанции на предметы в практике человеческой деятельности, пишет Локк, ведется не по «реальным», а по «номинальным» сущностям, ибо ее одну обозначает название, признак вида[46].

Необходимость и неизбежность определения в практической деятельности человека того или иного предмета по «номинальной» сущности обусловлены, по Локку, тем, что сложные идеи субстанций как совокупность простых идей их качеств не могут быть адекватными предмету, поскольку «качества и силы субстанций, из которых мы составляем их сложные идеи, так многочисленны и разнообразны, что никакая человеческая сложная идея не содержит их все»[47].

В обыденной жизни, отмечает английский философ, довольствуются знанием вещей по их чувственным качествам и часто оказываются лучше знакомыми с их отличительными признаками, умеют различать их для своей пользы[48]. Подчеркивая, что именно этим путем человечество в основном познавало окружающий мир, Локк писал: «...общие названия, которые в ходу у различных

---

[43] См. *Локк Д.* Избранные философские произведения в двух томах, т. 1, с. 379.

[44] Там же, с. 416.

[45] Там же, с. 439.

[46] См. там же.

[47] Там же, с. 381.

[48] См. там же, с. 448.

народностей, созданы не философами, не логиками и не теми, кто беспокоится о формах и сущностях; во всех языках более или менее широкие термины по большей части получили свое начало и значение от людей неученых и необразованных, распределявших и называвших вещи по тем чувственным качествам, которые они в них находили для того чтобы в случае, если этих вещей нет налицо, обозначать их для других, когда необходимо было говорить о виде или об отдельной вещи»[49]. Поэтому-то «номинальная сущность какого-нибудь одного вида субстанций не одинакова у всех людей, даже для тех видов, с которыми мы знакомы всего ближе»[50]. Вместе с тем, поскольку в основе номинальных сущностей лежат чувственные признаки, т. е. явления, «номинальные сущности субстанций хотя и считаются копиями с природы, но все они или большинство из них очень несовершенны, потому что состав этих сложных идей у разных людей очень различен...»[51]. Номинальную сущность нельзя считать подлинной сущностью предмета, так как *«сущности видов, имеющих одно и то же название, бывают очень различны»*[52]. На основании этих умозаключений Локк делает вывод, что в силу их несовершенства названия субстанций пригодны для гражданского, но не для философского употребления.

То, что Локк называет «номинальной сущностью», есть фактически «качественная определенность» предмета. Она, по его словам, отличается от реального строения — «реальной сущности» — субстанций, того строения, от которого зависит и «номинальная сущность», и вообще все свойства данного вида[53]. Так, «номинальная сущность» золота — это сложная идея, обозначаемая словом «золото», которая может включать в свой состав самые различные признаки, например: желтое тело, определенного веса, определенной ковкости, плавкости и твердости. Реальная же сущность золота — строение незаметных частиц, от которого зависят эти и все другие свойства золота.

Таким образом, раскрываемые Локком основные моменты проблемы категорий качества и свойства с точки

---

[49] Там же.
[50] Там же, с. 448—449.
[51] Там же, с. 453.
[52] Там же.
[53] См. там же, с. 436.

зрения рассматриваемых в данном разделе ее аспектов заключаются в следующем. Во-первых, Локк во всех рассуждениях о содержании «реальных» и «номинальных» сущностей не различает значения категорий «качество» и «свойство», употребляя их в одном и том же смысле, т. е. фактически отождествляет их. Во-вторых, английский философ-материалист видит самое глубокое содержание «реальной сущности» предмета в его внутреннем строении, т. е. в том, что современная наука называет «внутренней структурой» предмета. И в-третьих, «номинальная сущность» предмета, по Локку, — это знание тех качественных признаков (качеств или свойств предмета, что, как было сказано выше, для Локка означает одно и то же), руководствуясь которыми человек может выделять данный предмет (как качественно определенный) из бесконечного множества других предметов окружающей действительности.

Гегель

Наиболее глубоко и всесторонне с позиций диалектики проблему качества и свойства в домарксистской философии разработал Гегель. Мы рассмотрим эту сторону учения Гегеля в той лишь ее части, которая непосредственно связана с нашей задачей. При этом, естественно, учитывается, что Гегель показывает движение познания только как движение понятий внутри абстрактного мышления, т. е. идеалистически, и что «логику Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik*...» [54].

Изложение «Логики» Гегель начинает с характеристики наиболее абстрактной категории — «чистого бытия», лишенного всяких определений и потому равного «ничто». Диалектическое движение «чистого бытия» и «ничто» заключается в их взаимопереходе, или в «становлении». Результатом «становления» является «наличное бытие» как бытие с некоторой определенностью. Это бытие конечное и ограниченное. «Наличное бытие есть *определенное* бытие; его определенность есть *сущая* определенность, *качество*» [55]. Своеобразие сущей опреде-

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 238.
[55] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 169.

ленности, качества, по Гегелю, состоит в том, что оно едино с бытием: «...качество вообще не отделено от наличного бытия, которое есть лишь определенное качественное бытие»[56], так, что нечто перестает быть тем, «что оно есть», когда оно теряет свое качество. «... Качество как *непосредственная* определенность есть первая определенность, и с него следует начинать»[57].

Раскрывая дальнейшее движение логических категорий, Гегель различает «нечто» и «другое», «для — себя — бытие» и «бытие — для — другого». Через категорию «для — себя — бытие» немецкий философ приходит к категории количества. Поскольку качество и количество связаны, то количественные изменения приводят к скачкообразным изменениям качества. Вместе с тем количественная определенность в отличие от качественной не тождественна бытию и при изменении в известных пределах не ведет к изменениям качества. Единство качества и количества образует меру. Качество, количество и мера, согласно Гегелю, представляют собой различные состояния некоторого субстрата. Например, пар, вода и лед есть состояния одного и того же вещества. Это вещество, некий пребывающий субстрат, и есть не что иное, как сущность.

«Истина бытия есть сущность» — этим положением, заключающим в себе все предыдущее развитие, начинает Гегель вторую часть своей «Логики». Сущность как снятое бытие в своем развитии порождает ряд других категорий (форма и содержание, возможность и действительность, случайность и необходимость и т. д.). Сущность развивается в ходе разрешения противоречий в основания (абсолютное основание, определенное основание и условия). Лишь при известных условиях реальное основание (как сторона определенного основания) производит следствие. Если имеются все условия какой-нибудь вещи, она вступает в существование. Из категории существования немецкий мыслитель выводит категорию вещи. Вещь в процессе взаимодействия с другими предметами раскрывается, обнаруживается в свойствах. Согласно Гегелю, вещам присущи определенные свойства, но обнаруживаются они лишь при соотношении с другими вещами.

---

[56] Там же, с. 209.
[57] Там же, с. 137.

Итак, в цепочке развития от «чистого бытия» к «вещи» в «Логике» Гегеля собственно качество возникает в самом начале познания, в момент, когда «чистое бытие» в процессе становления приобретает некоторую определенность и переходит в «наличное бытие». Эта определенность или качество рассматриваются как существенный момент «наличного бытия». Возникновением свойства завершается эта цепочка развития, поскольку категория свойства выводится из категории вещи. Таким образом, Гегель четко различает качество и свойство по их месту в системе категорий «Логики», а следовательно, и по их содержанию, поскольку, согласно гегелевскому диалектическому методу, каждая категория заключает в себе итог, результат всего предшествующего пути развития.

Наличное бытие, или сущая определенность, связана с конечностью и границей. Качество оказывается связанным внутри этой цепочки развития с системой категорий «определенность» («первая», «сущая», «непосредственная»), «ограниченность», «бытие — для — себя», «бытие — для — другого». Мы уже приводили слова Гегеля о том, что качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество. Такое определение качества встречается в трудах немецкого философа неоднократно: «Так, например, в царстве природы так называемые простые вещи (кислород, углерод и т. д.) должны рассматриваться как существующие качества» [58].

Считается, что в этом получившем наибольшую известность определении Гегель называет качеством целостную вещь (объект, предмет и т. п.). Однако ряд соображений вызывает сомнения в таком толковании идей немецкого философа. Во-первых, сам Гегель далеко не всегда опирался на это определение. К примеру, все свое исследование определенности меры Гегель строит на анализе таких сторон и характеристик предмета, как температура, теплоемкость, удельный вес, притяжение и отталкивание, чувственность и раздражительность, без каких-либо оговорок называя их качествами. Так, рассматривая сущность специфической меры, Ге-

[58] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974, с. 229.

гель говорит: «Чтобы привести пример, укажем на температуру; она такое качество, в котором различаются эти обе стороны...»[59]. В других местах он уточняет, в каком именно смысле надо понимать качество в данном случае. Анализируя «меру как ряд отношений мер», Гегель поясняет, что качество вещи есть единица, находящая выражение в ряде специфических «качественных показателей», каждый из которых выражает некоторое отдельное отношение к другим[60].

Качествами Гегель называет также пространство и время, т. е. атрибутивные свойства материи, а качественной основой меры считает законы природы[61]. Относительно духовных качеств и их отличия от качеств природных Гегель пишет: «Напротив, в царстве духа качество встречается лишь в виде чего-то подчиненного, и им исчерпывается какой-нибудь определенный образ... духа. Рассматривая, например, субъективный дух, составляющий предмет психологии, мы можем, правда, сказать, что то, что называется *характером,* есть по своему логическому значению качество, но это не следует понимать так, что характер есть такая же насквозь проникающая душу и непосредственно тождественная с ней определенность, как это имеет место с вышеозначенными простыми веществами в царстве природы»[62].

Во-вторых, Гегель неоднократно говорит о том, что природной вещи присуще множество качеств. Этот факт служит ему, в частности, основанием для построения субординации мерных субстанций. «Напротив, такая количественная определенность абстрактно материального нарушается множественностью и, значит, конфликтом между качествами уже в *физическом,* а еще больше в *органическом*»[63].

Сказанное наводит на мысль, что отмеченное многообразие значений категории качества имеет свое объективное основание и потому не может рассматриваться ни как простое смешение понятий, ни как случайная омонимия, т. е. употребление одного и того же термина в различных смыслах.

---

[59] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1, с. 431.
[60] См. там же, с. 445—446.
[61] См. там же, с. 435—436.
[62] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 229.
[63] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1, с. 423.

Попытаемся эксплицировать основные понятия, вхо дящие в это гегелевское определение качества. Нас ин тересует главным образом содержание двух выражений составляющих, так сказать, сердцевину данного опреде ления. Во-первых, весьма важно знать, какой смыс вкладывал Гегель в выражение «нечто перестает быт тем, что оно есть» и, в частности, его понимание этог «нечто» как того, «что оно есть». Во-вторых, что озна чает, по Гегелю, выражение «качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность» и, кон кретнее, понимает ли немецкий философ под «определен ностью» нечто, присущее предмету в силу его природы или под ним подразумевается что-то иное.

Рассматривая в «Науке логики» содержание «абсо лютной идеи» как целостный процесс развертывания ло гических категорий и формулируя общие черты, раскры вающие форму этого процесса, Гегель пишет: «Предмет каков он без мышления и без понятия, есть некоторое представление или даже только название; лишь в опре делениях мышления и понятия он есть то, что́ он *есть*. Поэтому в действительности дело в них одних; они ис тинный предмет и содержание разума, и все то, что обычно понимают под предметом и содержанием в отли чие от них, имеет значение только через них и в них»[64]. «Простое чувственное сознание, — отмечает Гегель в другом месте, анализируя формы чувственного созна ния, — это непосредственная достоверность некоторого внешнего предмета. Выражением непосредственности та кого предмета является то, что он *есть* и притом есть предмет *этот,* существующий *теперь,* во времени, и *здесь,* в пространстве, совершенно отличный от всех остальных предметов и вполне определенный в себе самом»[65]. Чув ственное сознание, пишет Гегель, «есть прежде всего *непосредственное* сознание, его отношение к предмету есть поэтому простая, непосредственная достоверность его; поэтому и сам предмет точно так же определен прежде всего как непосредственный, как *сущий* и ре флектированный в самое себя, далее как непосредствен но-*единичный.* Чувственное сознание знает поэтому этот объект только как *сущее,* как *нечто,* как *существующую*

---

[64] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 298.

[65] *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет в двух томах, т. 2. М., 1971, с. 81.

вещь, как *единичное* и т. д. По содержанию оно является самым богатым, но по мыслям оно самое бедное»[66].

В начале познания, по Гегелю, мы имеем только совершенно общее, неразвитое определение предмета, а не то, что составляет его особенную природу. На этой первой стадии познания в нем не положено еще никакого отличия: «чистое бытие» только есть, но не имеет еще никакого наличного определенного бытия. «Ведь качественная определенность, равно как рефлективное определение по существу своему даны как *ограниченные* и через свой предел находятся в соотношении со своим *иным,* а тем самым в них заключена *необходимость* перехода и прехождения»[67]. Поэтому определенность мы получим только тогда, когда от одного переходим к другому, ибо наличное бытие содержит в себе одно и другое; но именно этого перехода в начале познания еще не сделано.

Таким образом, всякая определенность, согласно Гегелю, есть определенность только по сравнению с другой определенностью, отрицающей данную реальную определенность. Гегель считает «реальность» и «отрицание» двумя моментами, составляющими понятие наличного бытия. «Основа всякой определенности есть отрицание», — пишет он и ссылается при этом на утверждение Спинозы — всякое определение есть отрицание[68]. «Наличное бытие» как существующее налицо или «нечто» в такой степени непосредственно связано и сочетается с другим, что реальность и отрицание как нечто и иное суть нераздельные моменты наличного бытия.

Гегель называет также «реальность» и «отрицание» двумя моментами, составляющими понятие качества, поскольку оно заключает в себе и конечность, границу, отличие от другого качества. «Будучи ограничивающим, нечто, правда, низводится до того, что само оно оказывается ограничиваемым, однако его граница как прекращение иного в нем в то же время сама есть лишь бытие этого нечто: *благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в ней свое качество*»[69]. Понятие качественной гра-

---

[66] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 3. М., 1971, с. 225.

[67] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 3, с. 45.

[68] См. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1. М., 1974, с. 229.

[69] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1, с. 189.

ницы как отрицания неким нечто своего иного Гегель формулирует следующим образом: «Отрицание в наличном бытии еще непосредственно тождественно с бытием, и это отрицание есть то, что мы называем *границей*. *Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть* (курсив наш. — *И. Л.*). Нельзя, следовательно, рассматривать границу как лишь внешнее наличному бытию; она, наоборот, проникает все наличное бытие. Понимание границы как лишь внешнего определения наличного бытия основано на смешении качественной границы с количественной. Здесь речь идет пока о качественной границе. Если мы, например, рассматриваем участок земли величиной в три моргена, то это его количественная граница. Но этот участок земли есть, кроме того, луг, а не лес или пруд, и это составляет его качественную границу»[70].

В понятиях «наличного бытия», «качественной границы» Гегель толкует «наличность» и «границу» не в онтологическом, а в гносеологическом смысле, как известные, устанавливающие качественную границу признаки определенного бытия, некоторого «нечто». Это тождественное с бытием «нечто» и неотделимую от него определенность Гегель и называет качеством. «Качество, которое есть «в себе» в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом этого нечто, с *в-нем-бытием,* можно назвать его *определением...*»[71]

Рассматривая классификацию понятий (ясные и смутные, отчетливые и неотчетливые и т. д.), Гегель пишет: *«Отчетливое,* говорят, это такое понятие, *признаки* которого могут быть указаны. В таком случае оно, собственно говоря, есть *определенное понятие.* Признак (если уж верно понимать его) есть не что иное, как *определенность* или простое *содержание* понятия, поскольку это содержание отличают от формы всеобщности. Но *признак...* вовсе не обязательно имеет это более точное значение, он вообще лишь определение, посредством которого некий *третий* отмечает... для себя тот или иной предмет или понятие; поэтому признаком может служить весьма случайное обстоятельство»[72].

---

[70] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 230—231.

[71] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1, с. 185.

[72] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 3, с. 49.

Все изложенное с необходимостью приводит к выводу о том, что в принципе Гегель, подобно Аристотелю, понимал качество как некоторую сторону, характеристику предмета, как некоторый признак, присущий предмету, через который данный предмет получает качественное определение. Одно из важных обоснований вывода о том, что Гегель понимал качество не как целостный предмет познания, но лишь как некоторую его сторону или характеристику, мы видим в утверждении Гегеля, что категория качества указывает лишь на особого рода общее и различие в вещах и потому достаточно проста. «...*Качество,* — пишет Гегель, — нечто совершенно простое, непосредственное... Ввиду этой простоты нечего более сказать о качестве, как таковом» [73].

Свойство Гегель в ряде случаев, подобно Аристотелю, понимает как категорию более сложную, связанную с глубинными, сущностными сторонами предмета. Подчеркивая этот момент, Гегель говорит, что определенность вещи состоит в качествах, которые характеризуют ее сущность и характер и, принадлежа собственно ей, суть уже свойства, а не качества только. Качество, по Гегелю, есть преимущественно лишь с той стороны, с какой оно в некотором внешнем соотношении показывает себя имманентным определением. Под свойствами, например, трав понимают определения, которые не только вообще свойственны некоторому «нечто», а свойственны ему как раз постольку, поскольку это «нечто» через них своеобразно сохраняет себя в отношении к другим «нечто».

Однако качество и свойство, по Гегелю, — это не одно и то же, поскольку «вещь», хотя она также существует лишь постольку, поскольку она обладает свойствами, все же не связана неразрывно с тем или другим определенным свойством и, следовательно, может также и потерять его, не перестав из-за этого быть тем, что она есть [74]. В данном понимании свойство выступает уже в роли, которая приписывается Аристотелем тем «состояниям» предмета, подвижность, текучесть, изменчивость которых не сказывается на его сущности.

Таким образом, в одном случае Гегель отмечает, что свойства, как и качества, определяют сущность бытия, «нечто»; в другом — что они могут относиться к этому

---

[73] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики, т. 1, с. 172.

[74] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 290.

бытию равнодушно и утрачиваться без ущерба для него. Философ сам отмечает это противоречие и видит выход в делении свойств на существенные и несущественные. Существенные — это свойства, которые принадлежат вещи как таковой, или «самой по себе», и составляют ее «для себя — бытие». Несущественные — это свойства, которые зависят от ее отношения к другим вещам и составляют ее «бытие — для — другого».

Гегель не раскрывает в своих трудах истинное значение категории свойства, не показывает содержание той области действительности, которая обозначается данной категорией. Поэтому остается нерешенным и вопрос, как относится в самой природе единство предмета к множественности его свойств. Немецкий мыслитель лишь отмечает, что всякое свойство благодаря своей определенности отличается от других свойств и потому находится в ряду множества свойств; точно так же всякая вещь благодаря своей определенности отличается от других вещей и потому находится в ряду множества вещей. Следовательно, всякой вещи должны быть приписаны два противоположных вида бытия: «бытие — для — себя» и «бытие — для — другого».

Логическое содержание категории качества Гегелем также не раскрывается, поскольку ссылка на то, что качество — это то в наличном бытии, что делает его тем, что оно есть, не решает проблемы, хотя и указывает известным образом на принадлежность его к существенным сторонам этого бытия. В частности, в «Науке логики» Гегель, как мы могли убедиться, хотя и не явно, но вполне отчетливо проводит мысль, что качества — это стороны и характеристики предмета, через которые «наличное бытие» предмета определяется как данное, «это вот» наличное бытие, как то, «что оно есть».

Анализ достаточно отчетливо выявляет также, что категории «неопределенность» и «определенность» применяются Гегелем в их гносеологическом аспекте. «Неопределенность» понимается как гносеологическая категория, обозначающая в самом общем значении невыделенность, неразличимость предмета познания, или, говоря словами Гегеля, непосредственность «чистого бытия», или «ничто». В. И. Ленин в связи с этим отмечал: «...такая неопределенность, что бытие = небытию» [75]. Ука-

[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

занному значению неопределенности примерно соответствуют аристотелевская «первичная сущность» и кантовская «вещь в себе». Близко этому значению и содержание локковской «реальной сущности», с той только разницей, что неопределенность «реальной сущности» Локка — это неопределенность не вещи «самой по себе», а внутренней «сущности» (структуры) этой вещи, о чем мы говорили выше. Соответственно гносеологическая категория определенности обозначает различимость предмета познания, возможность тем или иным способом выделить предмет познания из других предметов окружающей действительности. Определенность этого рода совпадает с «наличным бытием», «нечто» Гегеля, о котором В. И. Ленин заметил: «Нечто? — значит, *не то,* что другое»[76].

«Сущая определенность», «наличное бытие» или «нечто» — суть первый шаг познания окружающего мира в историческом процессе перехода от животного к человеку и формирования его как «человека разумного». Вторым этапом познавательного процесса является установление качественной определенности предмета. Он предшествует всем другим этапам познания человеком окружающей действительности (познания количества, меры, сущности и т. д.) и является важнейшим его моментом, поскольку позволяет уже не просто выделить данный предмет среди других предметов окружающего мира, но и качественно определить его. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто,* — потом развиваются понятия качества... (определения вещи или явления) и *количества*»[77].

Подчеркивая, что в сознании, вышедшем за пределы чувственности, предмет представляет собой соединение чувственных и мысленных определений конкретных отношений и связей, Гегель пишет: «Тем самым тождество сознания с предметом не есть уже только абстрактное тождество *достоверности,* но тождество *определенное, — знание*»[78]. Понимание категорий неопределенности и определенности как категорий чисто гносеологических в данном случае не является с нашей стороны актом

---

[76] Там же.

[77] Там же, с. 301.

[78] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук, т. 3, с. 228.

субъективного, произвольного выбора; оно определяется всей логикой человеческого познания объективной реальности, которое всегда своим исходным пунктом имеет какую-то *«неопределенность»* и движется к *«определенности»*. Существо человеческого познания и заключается как раз в том, что в процессе познания неопределенность переходит в определенность.

Мы вынуждены были несколько задержаться на изложении довольно известных положений Аристотеля, Локка и Гегеля по той причине, что их взгляды относительно значения категорий качества и свойства являются по существу фундаментом, на котором в процессе развития философской мысли возникло и основывалось большинство решений этой проблемы; да и в современной марксистской философии большинство концепций в принципе продолжают оставаться в рамках сформулированной ими постановки вопроса, к тому же еще иногда не совсем правильно трактуемой.

Современные марксистские представления о категориях «качество» и «свойство»

Исследование сущности и соотношения категорий качества и свойства современными советскими философами опирается на методологические положения, разработанные в трудах классиков марксизма. Это, во-первых, материалистическое понимание истории общественного развития, утверждающее примат материального производства по отношению к производству духовному, и, во-вторых, положение об общественной практике как основе познания, раскрывающее неразрывную связь идеального отражения внешнего мира с его материальным преобразованием. Наиболее фундаментальное основание этих положений заключается в известном высказывании Ф. Энгельса, до настоящего времени сохраняющем свой методологический характер: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа, как таковая, и разум человека раз-

вивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[79].

В этом положении четко сформулирован диалектико-материалистический подход к анализу природы человеческого познания. Познание, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, начинается не с отражения объекта, пассивно данного человеку в его созерцании, а с отражения объекта, включенного в общественную практику: «Первый *исторический* акт... индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают *производить необходимые им средства к жизни*»[80]. Специфически человеческая познавательная деятельность возникает вместе с процессом труда и на его основе. «Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, — говорил К. Маркс, — труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм»[81]. Специфика труда и всей чувственно-предметной деятельности, возникающей на его базе, состоит в том, что в них процесс обмена веществ с природой совершается посредством орудий труда только коллективно, через совместную деятельность многих людей.

На заре своего развития человек начинал познание объективной действительности с восприятия предметов и явлений внешнего мира в процессе практического воздействия на них в рамках предметно-чувственного, наглядно-образного мышления. «... Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»[82]. Теоретическая познавательная деятельность при этом еще не выделялась из производственной деятельности, а была органически вплетена в нее, слита с ней. «Производство идей, представлений, сознания, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в

---

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 545.
[80] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 19.
[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 23.
[82] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 25.

материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей»[83].

Принципиально важными с методологической точки зрения являются также высказывания классиков марксизма-ленинизма о многокачественности предметов и явлений объективной действительности. Ф. Энгельс, отмечая, что качества не существуют безотносительно к самим предметам и явлениям, писал: «... существуют не качества, а только вещи, *обладающие* качествами, и притом бесконечно многими качествами»[84]. В. И. Ленин указывал, что каждый предмет имеет не одно какое-либо, а «бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром»[85]. Фундаментальной методологической основой анализа категории свойства является сформулированный Марксом в «Капитале» важный принцип взаимосвязи свойств и отношений вещей, суть которого заключается в том, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»[86].

Категория «свойство» в марксистской литературе большей частью рассматривается как соотносительная категориям вещи и отношения и обычно определяемая через них[87]. Содержание категории свойства раскрывается как то, что характеризует какую-либо сторону предмета и что выявлено во взаимоотношении данного предмета с другими предметами или явлениями, причем каждый предмет имеет множество различных свойств, совокупность которых составляет его качество[88]. Считается также, что свойство есть не что иное, как определенный тип взаимодействия, обусловленный природой взаимодействующих предметов[89].

---

[83] Там же, с. 24.

[84] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 547.

[85] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289.

[86] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 67.

[87] См. Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 569; Советский энциклопедический словарь. М., 1979, с. 1192.

[88] См. *Морозов В. В., Морозов В. Д.* Диалектика: системы и развитие. Минск, 1978, с. 77.

[89] См. *Кравченко Л. Г.* Проблема качества в философии. Историко-методологический очерк. Минск, 1971, с. 118.

В логике понятие «свойство» употребляется в весьма широком смысле, означая любой одноместный предикат[90]. Но поскольку всякая функция представляет собой некоторое отношение, то, следовательно, определение свойства с помощью понятия о предикате — это определение его через вещь и отношение: «Можно определить свойство как то, что, будучи отнесено к предмету, в отличие от отношения не образует нового предмета»[91].

Логиками высказывается также мысль, что свойство можно определить как то, что является общим множеству предметов, или как то, что различает предметы. Могут быть так называемые точечные свойства, т. е. свойства, не обладающие интенсивностью (количественной характеристикой) и которые, следовательно, нельзя измерить (например, «стеклянный», «электрический», «материальный» и т. д.), свойства одномерные или линейные, т. е. обладающие определенной интенсивностью, которая может быть измерена (например, «масса», «длина», «температура» и т. д.), и n-мерные свойства (например, «скорость» и пр.). Для некоторых представлений современной логики характерно так называемое экстенциональное понимание свойства, т. е. отождествление свойства с классом вещей. Например, свойство белизны считается тождественным классу всех белых предметов.

Относительно категории качества в марксистской философской литературе высказывается близкая к гегелевской точка зрения, согласно которой важным моментом качества является некоторая целостность, определенность предмета, тождественная с его бытием; теряя свое качество, предмет перестает быть тем, чем он является. В других вариантах определений высказывается мнение о том, что качество должно определяться через понятие свойства: как совокупность свойств, органическое единство свойств, определенное множество свойств, органически связанных между собой в единое целое[92].

---

[90] См. *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967, с. 139; Философская энциклопедия, т. 4, с. 569.

[91] См. *Агудов В. В.* Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики. М., 1979, с. 120; Основы марксистско-ленинской философии. М., 1980, с. 90.

[92] См. Методическое пособие по диалектическому и историческому материализму. М., 1979, с. 78—79; Материалистическая диалектика в пяти томах, т. 1. М., 1981, с. 145.

В книге А. И. Уемова, посвященной анализу категории вещи, свойства и отношения, говорится, что *«вещь — это система качеств. Различные вещи — это различные системы качеств. Одна и та же вещь — это одна и та же система качеств»* [93]. Качество же в этой книге определяется как «существенное свойство» [94], а свойство понимается «как *то, что обще всем вещам данного класса»* [95]. Наряду с этим свойство А. И. Уемов рассматривает как нечто, тождественное отношению, что можно заключить из следующего его высказывания: «Будем рассматривать отношение как свойство. В качестве свойства оно может иметь определенную интенсивность» [96].

Однако попытка определения качества через свойство приводит к целому ряду противоречий. В частности, возникает вполне закономерный вопрос: поскольку качество — это свойство, а свойство — это качество (или отношение), то не являются ли данные термины лишь различными словами для выражения одного и того же понятия?

Ряд авторов, обосновывая отрицательный ответ на этот вопрос, видят выход из создавшегося логического круга в разделении свойств на существенные и несущественные.

А. П. Шептулин отмечает, что «необходимо различать основное и неосновные качества рассматриваемой вещи. Так как взаимосвязи каждой вещи с другими явлениями действительности разнообразны, то в одно время, в одних отношениях вещь проявляет одни свои свойства, в другое время, в других отношениях — другие. Поэтому в одних условиях вещь будет проявлять одно конкретное неосновное качество, в других — другое. В каждом частном случае конкретным качеством будет выступать совокупность тех свойств, которые проявлялись у вещи в данных условиях, в данных отношениях... Но наряду со свойствами, которые проявляются в одних отношениях, в одних условиях и исчезают в других, вещь имеет такие свойства, которые присутствуют у нее всегда, в любых отношениях, в любых условиях. Совокупность этих свойств образует основное качество вещи.

---

[93] *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 21.
[94] См. там же, с. 39.
[95] Там же, с. 38.
[96] Там же, с. 115—116.

В отличие от неосновных качеств, которые характеризуют вещь лишь в определенных отношениях, основное качество характеризует ее во всех отношениях. Оно неотъемлемо от вещи, возникает вместе с ней и изменяется лишь в процессе изменения последней, превращения ее в другую вещь» [97].

Многие советские философы выступают против сближения категорий качества и свойства, которое граничит, а порой прямо переходит в их отождествление.

Утверждая необходимость различать свойство и качество, С. Г. Шляхтенко отмечает, что определение предметов путем указания внешнего свойства зачастую происходит на основе случайных обстоятельств или внешнего сходства и поэтому нередко приводит к ошибкам. Характерным свидетельством этого Шляхтенко считает историю классификации растительного и животного мира [98]. Если же указанное свойство выражает внутреннюю природу предмета, оно является необходимым и достаточным. Однако в любом случае такое определение через свойство либо опирается на предварительное знание внутренней природы предмета, либо случайно угадывается. Уже из этого, по мнению автора, следует необходимость различать свойство и качество [99]. «Категории свойства и качества, — полагает С. Г. Шляхтенко, — призваны прежде всего отразить диалектику внутреннего и внешнего. Внутреннее в отрыве от внешнего есть фикция... Внутреннее выражается во внешних проявлениях, т. е. через отношение к другим объектам. Качество в отношении к свойствам подчеркивает момент внутреннего, а свойство определяется как выражение данного качества в отношении к другим качествам. Очевидна теснейшая связь между свойством и отношением» [100]. Каждое свойство есть то или иное качество (основное или неосновное), а каждое качество — то или иное свойство (существенное или несущественное) — таков общий вывод, который можно сделать из рассмотренных рассуждений [101].

---

[97] *Шептулин А. П.* Философия марксизма-ленинизма. М., 1970, с. 176—177.

[98] См. *Шляхтенко С. Г.* Категории качества и количества, с. 11.

[99] См. там же, с. 11—12.

[100] Там же, с. 24.

[101] См. *Агудов В. В.* Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики. Автор отмечает, что «более

Вследствие того что качество понимается как определенность, последняя же рассматривается как нечто внутренне присущее предмету, возникает своеобразное сближение, а иногда и отождествление качества и сущности [102]. Критику подобного смешения категорий авторы отклоняют, поскольку, по их мнению, эти категории имеют общее: и категория качества, и категория сущности фиксируют специфику явлений, только в категории сущности данная специфика получает более полное выражение. В связи с изложенным авторы считают излишним педантизмом запрещать употребление термина «качество» в указанном смысле.

В последнее время получает распространение определение качества как единства элементов и структуры. В. И. Свидерский и Р. А. Зобов, уточняя смысл и различие понятий свойства и отношения, пишут: «Под свойством будет пониматься проявление данного качества в его соотношении с другими качествами. Качество же любого объекта будем представлять себе не только на уровне гегелевского его понимания как определенности предмета, тождественной с его (предмета) бытием, но и как конкретное единство элементов и структуры, создающее определенность, специфичность, целостность и устойчивость данного объекта» [103]. И. Л. Меняйло определяет качество как то́ в объекте, что обусловливает его свойства: как внутреннюю основу, прежде всего определенную структуру объекта и целостную взаимосвязь его сторон, обусловливающие его существование и функционирование как именно целого, т. е. также отождествляет качество с внутренней основой или структурой предмета [104].

конкретного определения «качеству» дать в настоящее время, исходя из сложившихся «традиционных» ее представлений, очевидно, невозможно (с. 120). ... В этих условиях возникает вполне естественное желание либо уточнить, конкретизировать понимание «качества», либо (что иногда кажется более заманчивым) заменить это понятие другим, более научным по своему содержанию. В последнем случае такая функция возлагается либо на категорию «свойство», либо на «структуру»» (с. 122).

[102] См., например, *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966, с. 21.

[103] *Свидерский В. И., Зобов Р. А.* Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970, с. 17.

[104] См. *Меняйло И. Л.* Основные законы материалистической диалектики, с. 77.

Против такого подхода высказываются следующие возражения: при понимании качества как единства элементов и структуры происходит подмена категории качества понятиями «элемент» и «структура», люди говорили о качестве и тогда, когда они еще не знали понятий «элемент» и «структура» [105].

Имеются также попытки отождествления качества с закономерностью. С. Г. Шляхтенко и Г. П. Шляхтенко, например, считают, что «качество — это устойчивая система связей разных сторон... свойств предмета», а критерием, позволяющим отделить одно качество от другого, является «наличие закономерностей определенного типа, которым подчиняется развитие или поведение данного явления, вещи» [106].

Стремление преодолеть противоречия, возникшие при определении категорий качества и свойства, проявляется в ряде работ, связанных с идеей многокачественности вещи [107].

Вопрос о том, обладает материальный объект одним или многими качествами, явился предметом оживленной дискуссии в нашей философской литературе. Сторонники идеи многокачественности, опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, исходят из того, что одно и то же внутреннее в различной форме, в различных взаимодействиях выступает как различные качества, т. е. предмет признается имеющим много определенностей или качеств. И. Л. Меняйло, например, пишет, что «не только разные вещи обладают разными качествами, но и каждый отдельный предмет, каждое явление имеет множество качеств в рамках этого предмета, явления» [108]. Противники идеи многокачественности, однако, считают, что у предмета не может быть несколько внутренних определенностей, а потому не может быть и многокачественности. В. П. Кузьмин, например, находит выход в том соображении, что качество объекта суть не-

---

[105] См. *Вислобоков А. Д.* О диалектике процесса познания природы и кибернетика. М., 1965, с. 75.

[106] Особенности действия законов диалектики в период перехода к коммунизму. Л., 1963, с. 39.

[107] См. *Цанков Ц. В.* Новые проблемы диалектики (содержание, структура и типология качественных изменений при социализме). София, 1976; см. Общественные науки за рубежом, 1977, № 5, с. 11.

[108] *Меняйло И. Л.* Основные законы материалистической диалектики, с. 78.

которое единство его внутренних и внешних факторов
что, когда говорят о многокачественности, это означает
что у объекта имеется много свойств, т. е. фактически
речь идет о «многосвойственности».Таким образом, на его
взгляд, если содержание категории качества отождествить со свойством, то против идеи многокачественности
трудно что-либо возразить [109].

Проблема вещи как носителя известных качеств и
свойств и их проявления (обнаружения) во взаимодействиях не может быть снята изменениями в терминологии, а требует содержательного объяснения. Из того, что
каждое явление во всей своей конкретности должно
рассматриваться как многокачественное, отмечает
В. П. Кузьмин, отнюдь не следует отрицания, так сказать, «однокачественности», или, говоря точнее, отрицания качества, выражающего его единство, без которого
нельзя понять до конца ни одного явления, а тем более
превратить до конца это понимание в практическую
истину [110]. Поэтому В. П. Кузьмин определяет качество
как специфическое единство явления. В отличие от этого
определения качества, все другие объективно существующие моменты, выделяемые в процессе познания как нечто самостоятельное, по мнению автора, должны рассматриваться как качества-свойства, качества-состояния,
качества-стадии и т. п. каждый раз с обязательным определением их места и значения в системе рассматриваемого целостного явления [111].

Таким образом, в обширной литературе по данному
вопросу бесспорно, пожалуй, только то, что многочисленные варианты определений категорий качества и
свойства, хотя по содержанию и отличаются друг от
друга, имеют объективные основания. С точки зрения
объективности все варианты определений этих категорий
равносильны, т. е. каждое из них опирается на ту или
иную черту или сторону существующей вне и независимо
от человека объективной действительности. Однако, когда возникает вопрос об их специфике, выясняется, что
различные подходы в разной степени позволяют размежеваться с другими аспектами анализа свойства и ка-

---

[109] См. *Кузьмин В. П.* Категория меры в марксистской диалектике, с. 34.
[110] См. там же.
[111] См. там же.

чества как предметов познания, приводят к их отождествлению, логическим затруднениям и в целом обедняют систему категорий материалистической диалектики.

Сложность определения категорий свойств и качеств объясняется в первую очередь современным состоянием философских исследований проблемы. Масштаб затруднений виден уже из того, что по-разному понимаются не только категории свойства и качества, но и другие важные для данных категорий понятия, такие, например, как «существенность», «определенность», «структура» и некоторые другие. Многообразие существующих точек зрения служит помехой в теоретических исследованиях, так как в данном случае речь идет не о терминологических различиях, а об определенном выражении теоретического понимания сущности этих категорий как специфических предметов познания.

Один из серьезных недостатков состоит, на наш взгляд, в том, что существующие теоретические взгляды не дают достаточного представления о реальности, которую отражают категории свойства и качества, в связи с чем неясным остается и их взаимоотношение. Неточные определения содержания и соотношения этих категорий в ряде случаев приводят авторов к выводам и заключениям, с которыми трудно согласиться. Поэтому тщательный философско-логический анализ категорий качества и свойства имеет важное значение, причем не только для успешного решения ряда современных философских и естественнонаучных проблем, но и для обогащения самой материалистической диалектики.

Во многих работах отмечается, что категории свойства и качества содержат в себе целый спектр значений и их оттенков. Если исходить из того, что это обусловлено не случайной омонимией, а действительным богатством их содержания, возникает задача исследования общего смысла этих категорий, лежащего в основе этого разнообразия. Трудности и противоречия, с которыми исследователи сталкиваются при их использовании в самых различных областях науки, включая и диалектико-материалистическую философию, делают указанную задачу в настоящее время особенно актуальной.

ГЛАВА 2

КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО» И «СВОЙСТВО» И ИХ РОЛЬ В ПОЗНАНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В марксистской философской литературе, как было показано выше, категории свойства и качества нередко отождествляются. В случае если их различие не имеет существенного значения, это, разумеется, нельзя рассматривать как какое-нибудь серьезное нарушение или ошибку. Однако из того, что для обозначения какого-либо явления употребляются разные термины, следует, что они фиксируют в нем какие-то специфические, чем-то отличающиеся друг от друга стороны. Всякое различение в науке и в повседневной жизни имеет свое (пусть не всегда осознанное) основание, и не случайно в философии различаются категории свойства и качества. Мы ставим своей целью попытку определенным образом унифицировать их содержание, но, пока этот вопрос не решен, в интересах ясности анализа будем пользоваться пониманием свойства и качества как некоторых объективных специфических сторон реального предмета (специфика их проявляется, например, в том, что качество принадлежит самому предмету непосредственно, а свойство обнаруживается только в отношениях предметов).

Качество

Для того, чтобы жить, человек должен добывать себе пищу, иметь жилище, защищаться от врагов и т. п. Удовлетворение этих и других потребностей может совершаться только путем использования объективных предметов природы и их взаимосвязей. Обо всех предметах, с которыми человек сталкивается на ранних ступенях своего развития, он судил по тому, какую роль они играли в его жизни, как они были связаны с его потребностями. Эта связь, выделяемая в процессах практического взаимодействия человека с внешним миром, детер-

минировала и направление развития познания, и содержание обобщения его результатов.

Исторически первой формой человеческого производственно-практического освоения природы явилось, как известно, родовое по своей социальной форме материальное производство на основе применения примитивных орудий труда. Вместе со становлением этого осуществляемого только в рамках совместной деятельности всех членов рода производства происходило и формирование человеческого родового сознания как исторически первой формы абстрактного мышления, носящего еще донаучный характер. Это был практический способ производства знания, представляющий собой практическую деятельность по удовлетворению элементарных (главным образом биологических) потребностей, в процессе которой свойства предметов природы устанавливались путем отображения результатов их практического применения. На первых ступенях развития практическое познание целиком сводилось к знанию о предмете лишь как о средстве удовлетворения определенной органической потребности. Предмет внешнего мира, тем или иным способом вовлеченный в сферу человеческой практики, через этот способ и получает свое значение для человека. Все объективное многообразие сторон и свойств предмета сводилось человеком лишь к тем сторонам и свойствам, которые он выявлял в зависимости от своих потребностей и способов их удовлетворения с помощью данного предмета.

Процесс человеческого познания начинался с осознания собственных потребностей (в еде, защите, питье и т. п.) и отдельных предметов внешнего мира как некоторых «нечто», обладающих свойством удовлетворять эти потребности[1]. Процесс осознания предметов окружающего мира заключался в наименовании их, в обозначении их первоначально с помощью определенного звука, а затем, по мере развития языка, с помощью слова, поскольку о сознании человека можно говорить только как о «языковом сознании»[2].

[1] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 29—30.

[2] См., например, *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1956, с. 38. Этот факт достаточно ясно осознавали уже древнегреческие философы. Эпикур, например, писал: «Каждый предмет получает благодаря впервые ему присвоенному названию свою ясность, очевидность, отчетливость» (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 264).

Эти названия, первые слова человеческой речи, содержание (значение) которых выражало свойства класса предметов удовлетворять определенные практические потребности человека, и являются тем «общим», которое послужило основой становления и развития специфически человеческих форм мышления, тем «общим», через которое человек фиксирует выявленное тождество, а затем с помощью других слов осмысливает и различие, специфику тех или иных предметов как «особенное» проявление этого «общего». Однако сказанное отнюдь не означает, что данные названия, имена, охватывающие некоторую группу предметов, явлений в момент своего возникновения, уже были общими понятиями. На первоначальной стадии практического освоения и познания окружающего мира содержание названий было весьма абстрактным и бедным, поскольку в роли качественных признаков фиксировались не природные свойства предметов «самих по себе», но лишь их «социальные» (функциональные) свойства, способствующие удовлетворению тех или иных потребностей человека.

Рассмотрим этот очень важный для гносеологии вопрос несколько подробнее: на материале антропологии, археологии, языкознания и некоторых других наук, накопивших огромное количество достоверных фактов относительно времени и особенностей формирования людей, выявивших основные закономерности становления труда, техники и многих других сторон первобытного общества, попытаемся представить в самых общих чертах логику исторического развития мыслительной деятельности человека.

Мы привыкли говорить о мышлении, не связывая понятие о мыслительной деятельности во всех ее формах с конкретной предметной деятельностью человека, в результате дело выглядит так, будто между мыслью и действием существует отношение только одного рода: «подумал — сделал», т. е. действие есть следствие, результат мысли. Однако А. А. Леонтьев совершенно справедливо замечает, что ответить на вопрос, каким образом мысль могла «самозародиться» в голове питекантропа или неандертальца, если она всегда предваряет действия, не допуская некоего «самоозарения», некоего априоризма, невозможно[3].

[3] См. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.

Психология видит ответ на этот вопрос в том, что всякая мысль зарождается вне сознания человека и материальной внешней формы. С. Л. Рубинштейн по этому поводу писал: «Не подлежит сомнению, что генетически первичной интеллектуальной операцией было разумное действие, опиравшееся сначала на наглядное мышление, наглядно-действенное (или «сенсомоторное») мышление, точнее, наглядное или наглядно-ситуационное мышление, непосредственно включенное в практическое действие, не выделившееся еще из него в самостоятельную теоретическую деятельность»[4]. Причем между физическим материальным действием и его осознанием лежит ряд ступеней постепенного «выращивания» предметного действия в сознание, т. е. его интериоризация, превращение в мысль через ступень речевого действия[5]. Подобное «выращивание» осуществляется с помощью языка. Как писал Ф. Энгельс, «прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «В начале было дело»»[6]. Психологический ход эволюции от действия к мысли: от развернутого действия с предметами к действию, которое выполняется в идеальном плане с предметами, представленными в образцах, и в конце концов превращается в мысль[7].

Первоначальным эквивалентом мысли, способом, средством общественного воздействия на индивидуальное поведение были стихийно, неосознанно выработанные и также неосознанно, путем подражания передаваемые от одного члена первобытного человеческого «стада» к другому трудовые операции, опредмеченные, закрепленные в предметах труда. Человеческая практика первоначально расчленяла предметы и явления, с которыми человек встречался в процессе своей трудовой деятельности, по тем общим сторонам и свойствам, которые имели какое-то значение для его жизни. Как только предметы попадали в сферу практической деятельности человека и начинали удовлетворять какую-то его по-

---

[4] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946, с. 367.

[5] См., например: *Гальперин П. Я.* Формирование знаний и умений на основе теории поэтапного усвоения умственных действий. М., 1968; *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 303.

[7] См. *Розенгард-Пупко Т. Л.* Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М., 1948, с. 17.

требность, они приобретали в его сознании определенное качество, выступающее как свойство предметов удовлетворять данную потребность.

Замечая, что различные предметы в его практической деятельности выполняют одну и ту же функцию, удовлетворяют одну и ту же потребность, человек выделял это их свойство из всей массы других свойств. Оно становилось как бы представителем каждого из этих предметов. А сами предметы выступали как одинаковые, сходные, несмотря на то что у каждого из них было много специфических черт. Эта их тождественность для человека была обусловлена тем, что они выполняли одну и ту же роль в процессе производства и могли заменять друг друга. Особенное в них как бы отступало на задний план, ибо оно было безразличным, несущественным с точки зрения употребления предметов для данной цели, и, когда человек давал этим предметам общее имя, чтобы отличить их от других предметов, он связывал общее имя именно с этим общим свойством, ибо только благодаря ему и через него предметы выступали как одинаковые, равноценные, отличные от других предметов.

Из сказанного ясно, что всякое первоначально возникшее в истории развития человека общее представление включало в себя именно то, что делало данные предметы одинаковыми, равноценными, т. е. общее в них, но не особенное и не единичное.

Об этом наглядно свидетельствуют факты из истории отдельных языков. Так, по свидетельству Лумгольца[8], у гуичалов пшеница, олень и растение гикули назывались одним и тем же именем, т. е. считались одинаковыми, в известном смысле тождественными, и вся эта одинаковость, тождественность сводилась лишь к одному свойству, к способности всех их удовлетворять одну и ту же потребность — служить пищей. Именно на основе данного общего свойства, а не того, что в них есть особенного, и возникло у людей общее представление об этих весьма различных предметах. Именно оно и мыслилось в качестве содержания или значения данного общего слова.

Первобытные люди обычно называли незнакомый

---

[8] См. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930, с. 84.

предмет по имени предметов, которые выполняют ту или иную функцию в их практической деятельности, или, если он не мог быть использован для какой-нибудь практической цели, именем предметов, с которыми он имел определенное сходство, т. е. на основе тех или иных общих признаков, имеющихся у него с другими предметами. Описывая процесс называния незнакомых предметов индейцами бразильского племени бокаири, К. Штейнен отмечает быстроту, «с которой они связывали неизвестные им вещи с известными, причем... тотчас же без всяких ограничивающих дополнений давали неизвестным ранее вещам названия известных. Они обрезают волосы раковинами или зубами рыбы пираньи, и мои ножницы, предмет бесконечного восхищения, инструмент, который гладко и ровно обрезал волосы, они называли просто зубом пираньи. Зеркало оказалось водой. Покажи воду, кричали они, когда желали взглянуть в зеркало»[9]. Некоторые австралийские племена, увидев впервые книги, стали называть их ракушками, так как они раскрывались и закрывались подобно ракушкам[10].

Дети также обычно вырабатывают представление об окружающих их предметах по тому или иному общему признаку, оставляя при этом без внимания все специфическое, индивидуальное. В результате все предметы, обладающие данным общим свойством, относятся ими к одной и той же группе и называются одним и тем же именем, несмотря на то что эти предметы весьма различны. Причем в качестве общих свойств дети прежде всего выделяют свойства, которые так или иначе связаны с их жизнью, с удовлетворением их потребностей. Т. Л. Розенгард-Пупко пишет по этому поводу: «Ребенок переносит слово, например, «хлеб» на черный и белый, небольшой маленький кусок, на ломоть и на булку и т. д., т. е. он игнорирует все их различительные признаки — цвет, величину и форму. Он называет различные чашки — большие, маленькие, белые, зеленые — одним и тем же словом и т. д.. То же происходит при названии им предметов одежды, мебели... Ребенок на первых по-

---

[9] Цит. по: *Шептулин А. П.* Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973, с. 208.

[10] См. *Резников Л. О.* Образование понятий в свете истории языка. — Философские записки, 1946, № 2, с. 204.

рах часто называет многие предметы одним названием, если эти предметы имеют для него в практической жизни однозначное значение (например, чашка, тарелка, чайник и всякая другая посуда). Ребенок в этих условиях игнорирует различие наглядных признаков предметов, служащих для одной и той же цели» [11].

Индивидуальное сознание в своем развитии, по-видимому, воспроизводит в сокращенном виде основные ступени, исторически пройденные человеческим сознанием [12]. При этом, естественно, следует иметь в виду, что умственное развитие ребенка не является точной копией духовной эволюции человечества, поскольку условия формирования и развития умственной жизни современного ребенка существенно отличаются от условий, в которых протекала жизнь первобытного человека.

Многие авторы, считающие, что первичное движение познавательного процесса направлено от единичного к общему, обычно указывают в качестве примера на отсутствие в языках народностей, стоящих на сравнительно низкой ступени развития, общих абстрактных понятий о предметах и наличие массы общих представлений о них.

Однако общие свойства предметов и явлений удовлетворять какие-то потребности человека на этой стадии развития человеческого мышления воспринимаются через те или иные отдельные вещи, которые выступают в качестве представителей этого свойства, т. е. в роли общего, присущего всем предметам той или иной группы и являющегося признаком, по которому производится сравнение и объединение в особые группы всех других предметов, обладающих этим же признаком. Человек на ранней ступени филогенеза научился отличать растения от животных, камень от глины, глину от песка и т. д., но определений этим классам предметов (тем более с учетом их существенных сторон и характеристик) он дать, естественно, не мог. Отличие и отождествление на этом уровне познания производилось по внешним, наиболее броским чувственно воспринимаемым признакам, не отделявшимся от того предмета, которому они принадле-

---

[11] *Розенгард-Пупко Т. Л.* Речь и развитие восприятия в раннем возрасте, с. 87.

[12] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 20, с. 495.

жат. Так, тот или иной цвет мыслился через определенные предметы, всегда обладающие данным цветом.

Например, на архипелаге Бисмарка цвет всегда обозначается путем указания определенного предмета, цвет которого взят как бы за образец. Все, что является блестяще-черным, здесь называется словом «кот-кот» (ворона); словом «товаро» — черный цвет обугленного ореха мучного дерева; словом «лулута» — цвет грязи болота и зарослях манговых деревьев; словом «ден» — цвет черной краски, получаемой от сожжения смолы мангового дерева; словом «утур» обозначают цвет обугленных листьев бетеля, смешанных с маслом, и т. д.[13] Поэтому у неразвитых народностей образцом жесткости обычно является камень, круглости — луна, холодного — лед, теплоты — солнце: вместо «твердый» они говорят «как камень», вместо «круглый» — «как луна», вместо «теплый» — «как солнце», вместо «холодный» — «как лед»[14]. В русском языке большое количество слов, обозначающих цвета, произошли также от названия предметов, которым они присущи. Например, слова: «червонный» или «червленный» (от имени существительного «червь» — из одного вида червей добывалась красная краска), «золотистый», «телесный», «пепельный», «вишневый», «песочный», «янтарный» и т. д.

Когда обнаруживалось, что для выполнения той или иной практической цели или для удовлетворения той или иной потребности могут быть применены наряду с предметами, ранее использовавшимися для этой цели, и другие, иногда вовсе отличные от первых, то все эти предметы объединялись в общую группу и назывались одним общим именем, причем отличия, особенности новых предметов выделялись особым словом, присоединявшимся к старому имени, которое таким образом становилось общим словом. Так совершался переход от общего к особенному.

Следы этого движения мысли сохранились в языках ряда народностей. Например, адыгам вначале были известны только деревянные гвозди, которые они называли «Іу-н». Однако слово «Іу-н» обозначало не материал, из

---

[13] См. *Леонтьев А. А.* Возникновение и начальное развитие языка, с. 112—129.

[14] См. *Семенов С. А.* Первобытная техника. М.—Л., 1957, с. 73.

которого сделаны были гвозди, а ту функцию, которую они выполняли. Когда появились железные гвозди, деревянные гвозди стали называться «Іу-н», а железные — «гъучІы Іун», слово же «Іун» стало означать гвоздь вообще. Аналогичный пример из языка адыгов: слово «ку» первоначально обозначало повозку, в которую запрягались волы, с появлением лошадей и поездов слово «ку» стало обозначать повозку вообще; воловая повозка стала называться «цу-ку», лошадиная повозка — «шы-ку», поезд — «мэшІо-ку» (огненная арба) [15].

Группа предметов, включенных в систему потребностей, первоначально сравнительно узкая, по мере развития практической деятельности людей расширялась, включая в себя все большее число предметов, либо благодаря свойствам, которые можно было использовать для создания орудий труда, либо благодаря тому, что с усовершенствованием орудий труда эти предметы сами стали использоваться человеком в качестве пищи, для построения жилища, для приготовления одежды и т. д.

С расширением потребностей человека и способов их удовлетворения начинается дифференцирование самих предметов, в первую очередь по тому, какую конкретно потребность человека они удовлетворяют, затем по тому, каким способом они овладевают, а внутри этих групп предметы делятся по степени удовлетворения той или иной потребности, по трудности овладения ими и т. д. Каждая группа предметов обозначалась особым словом, которое и закрепляло выработанное о них общее представление. Таким образом, практическая деятельность людей выявляла общие свойства тех или иных предметов окружающего мира и соответственно практическому назначению этих свойств группировала эти предметы и обусловливала выработку общих вербализованных представлений о них.

Родовая сущность предметов, отраженных этими общими наглядно-чувственными представлениями, заключалась в их свойствах удовлетворять ту или иную потребность, а видовая — в специфике способов, сложности овладения предметами, степени удовлетворения потребности, которую обеспечивает данный предмет, и т. п., т. е. свидетельствовала о том комплексе производственных

---

[15] См. *Яковлев Н., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, с. 228—230.

операций, который нужно было совершить, чтобы удовлетворить ту или иную потребность с помощью данного предмета.

Этой формы мышления (так называемого чувственно-практического или синпрактического мышления) было достаточно, пока передаваемыми от поколения к поколению орудиями и трудовыми операциями исчерпывалась вся роль общества в жизни человека. Но когда первобытный человек становится «человеком разумным», в его жизни практически остается очень мало таких уголков, куда не «вторглось» бы общество. Эта неизмеримо возросшая роль общественной жизни является важным условием перехода от синпрактического мышления к силлогическому, от представления к понятию. Существенно изменяется и трудовая деятельность. Для нее становятся характерными многообразие и расчлененность форм. В частности, появляются такие виды труда, при которых результат отделен во времени от причины: посев зерновых весной — уборка его осенью и т. д. Теперь человеку приходится иметь дело с громадным количеством всякого рода знаний и обычаев, правил и норм. И если сначала для этого было достаточно общих чувственно-практических представлений, выраженных в слове, то со временем наступает момент, когда опыт человечества перестает в них укладываться. Происходит дальнейшее усложнение данной формы абстрактного мышления.

Развитие и усложнение практической деятельности по овладению и преобразованию внешнего мира привело к возникновению научного познания как такого специфического отражения природы через призму практики, которое может функционировать относительно независимо от текущих задач практического овладения природой ради непосредственного удовлетворения человеческих потребностей. Как только родовые производительные силы преобразуются в производительные силы первого классового, рабовладельческого общества, человеческое производственно-практическое овладение природой перестает быть однообразным, оно становится практическим открытием объективного многообразия природных свойств этих предметов. На этой основе практическое познание перестает быть сведéнием объективного многообразия объективных свойств предметов только к тем их свойствам, которые они обнаруживают в данном

фиксированном способе практического оперирования ними [16].

По мере вовлечения все большего количества предметов в сферу практики и усложнения в связи с этим самой практической деятельности, когда в ходе сравнения предметов человек вынужден устанавливать их сходство и различие по все большему числу разнообразных черт, сторон, свойств, начинают выявляться качественные характеристики, присущие непосредственно самим предметам, т. е. выделяются стороны, характеристики предметов, выступающие как их качественные признаки, через которые предмет как некоторое «нечто» получает «качественную определенность».

Обнаружив неизвестный ранее предмет, люди стремятся выявить те или иные качества (стороны, характеристики), которыми он сходен с одними предметами и отличается от других. Применение и особенно производство орудий труда основываются на фиксировании тех или иных конкретных, реально существующих свойств: твердости, упругости, гибкости, водонепроницаемости, вязкости и т. д. Выделение, сравнение и отбор предметов по тем или иным их сторонам или характеристиками становятся не только предпосылкой, но и целью трудовой деятельности людей. Складываются разнообразные трудовые рецепты, позволяющие использовать ранее установленные свойства предметов и их взаимодействия. Возникают знания о реально существующих предметах, явлениях, их свойствах и действиях с ними, руководствуясь которыми можно получать желаемые результаты в процессе труда.

Таким образом, на самых первых этапах своего развития человек выделял качественную сторону предметов, которая была связана с непосредственным удовлетворением тех или иных биологических его потребностей. Расширение практического взаимодействия с предметами внешнего мира, вовлечение в практику все большего количества разнообразных предметов природы привели к необходимости отличать их друг от друга по степени трудности, особенностям овладения ими и т. д. После того как сама практика разрывает неизбежное для первобытного мышления отождествление всякого предмета с той специфической функцией, которую он призван вы-

[16] См. Практика и познание. М., 1973, с. 101.

полнять в человеческой практике, коренным образом преобразуется и практическое познание природы человеком. Общие, нерасчлененные вербализованные наглядно-образные представления о предметах-функциях, предметах-свойствах преобразуются в абстрактные понятия о предметах как таковых и функциях и свойствах этих предметов как таковых. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «ведущее звено всякой мыслительной деятельности», «основной нерв процесса мышления» состоят в том, что «объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой стороной, в нем выявляются все новые свойства, которые фиксируются в новых понятийных характеристиках» [17].

В языках многих народов можно обнаружить следы переходного этапа от подобного нерасчлененного представления к выявлению свойств предметов. Так, имя прилагательное, обозначающее качественные характеристики предмета в большинстве языков, отмечает известный русский лингвист А. А. Потебня, возникло из имени существительного. Представление о качестве предмета вначале не отделялось от самого предмета и выражалось сочетанием двух существительных, например «зелень-трава», но не «зеленая трава» [18].

В процессе познания объективного мира, как уже отмечалось, осуществляется переход от неопределенности к определенности. Одним из важных исходных моментов преодоления неопределенности в знании о предметах является процедура выделения мыслью того или иного предмета познания. Изначальным моментом познания в этом смысле является установление качества, ибо без знания качества человек принципиально не может выделить предмет познания из всего многообразия окружающего мира, а на более высоких уровнях и определить его. В. И. Ленин, как уже отмечалось, по этому по-

[17] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 70—71. См. также: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972; *его же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности.

[18] См. *Потебня А.* Из записок по русской грамматике, т. 3. Харьков, 1899, с. 73.

воду писал: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто,* — потом развиваются понятия *качества*... (определения вещи или явления) и *количества*»[19]. Качественная определенность выясняется в процессах отождествления и различения предметов, которые осуществляются по-разному на различных уровнях познания, имеют разную познавательную направленность.

На уровне донаучного синпрактического мышления важнейшей стороной, характеристикой предмета выступают свойства предмета непосредственно удовлетворять те или иные биологические потребности человека, методы и сложность овладения предметом, способы действия с орудиями труда и другие элементы практической деятельности, направленной непосредственно на предмет[20]. Предметы выделяются из окружающей среды по наиболее характерным для них чувственным признакам, однако эти признаки самостоятельного значения не имеют, не мыслятся отдельно от предмета, но входят в качестве необходимого, неотделимого элемента в вербализованное обобщенное наглядно-чувственное представление о данном классе предметов.

На уровне силлогического мышления качественное определение предполагает применение многих приемов, среди которых существенную роль играют различные виды абстракции и обобщения, без которых невозможно познание отдельных признаков предмета. Процесс силлогического, понятийного мышления начинается там и тогда, где и когда происходит выделение отдельных признаков, свойств предметов, явлений материального мира, образование элементарных абстракций. Абстракция возникает сначала именно как мысль о свойстве или признаке предмета. Но уже для первоначальных, самых простых абстракций характерно отнесение выделяемого свойства или признака к какому-либо предмету[21]. На этом уровне переход от неопределенности к качественной определенности связан с выделением существенных сторон самого предмета, выступающих в роли качественных признаков (качеств) в процессе отождествления и различения. К. Маркс в своей докторской диссертации, отмечая, что Эпикур дает определения качествам атомов

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

[20] См., например, *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973, с. 181.

[21] См. там же, стр. 170—171.

таким образом, что они сами себе противоречат, писал: «Тем не менее *логически необходимо* наделить их таковыми. Ибо многочисленные атомы... необходимо должны *непосредственно отличаться друг от друга*... обладать качествами»[22].

Специфика качественного определения предмета заключается в том, что всякий признак предмета (его сторона, характеристика), использующийся в процессах сравнения, рассматривается целостно, неделимо. Целостность рассмотрения при качественном определении, как отмечается в литературе, состоит в отвлечении от степеней проявленности, от уровня интенсивности признака, участвующего в процессах отождествления и различения[23]. При отвлечении, например, от различных степеней протяженности предметов вырабатывается представление о длине, при отвлечении от интенсивности давления предметов на опору (или при падении тел на землю) вырабатывается представление о тяжести, а на более высоком уровне познания — о гравитации. Таким же путем целостного рассмотрения любой общей для многих предметов стороны или характеристики и отвлечения от степени интенсивности ее проявления у разных предметов образуется общее представление об этой стороне (характеристике) как о качественном признаке (качестве) предметов. Только будучи познанными в своей целостности, стороны и характеристики могут быть использованы в роли специфических признаков (качеств) при определении того или иного класса предметов.

Принцип целостного рассмотрения предметов обязателен при определении предметов, как материальных, так и идеальных, абстрактных. В формальной логике, например, при разделении суждений на два класса — утвердительные и отрицательные — отвлекаются от того факта, что среди тех и других имеются суждения разной степени общности. Точно так же качественно однородными считаются логические структуры, если они имеют одинаковые правила вывода или построены на основе одинаковых аксиоматических систем. При этом отвлекаются от степени развитости сравниваемых теорий. В математике качественные методы применяются там и тогда, где

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 46.

[23] См. *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М., 1972, с. 17.

и когда абстрактные математические предметы любого порядка должны быть осмыслены принципиально, в отношении их качественной стороны, без учета количественной стороны и численных значений. «Отдельное число, — писал Ф. Энгельс, — получает некоторое качество уже в числовой системе и сообразно тому, какова эта система... Основание числовой системы определяет качество не только себя самого, но и всех прочих чисел»[24].

Таким образом, целостность рассмотрения признаков есть одна из важнейших характеристик качества как предмета познания. Качественная определенность — это такая определенность предмета, при которой устанавливается его отличие от других предметов окружающего мира посредством присущих только ему качеств (признаков, сторон, характеристик). Отсюда тесная взаимосвязь категорий «качество» и «предмет»: качество мыслится как признак (сторона или характеристика) предмета, а предмет невозможно представить без качественных признаков. Если качественная определенность устанавливается через какой-либо признак, то с изменением (исчезновением) этого признака предмет, не исчезая сам по себе, вместе с тем перестает быть тем, «что он есть».

И. С. Тимофеев определяет категорию качества следующим образом: «Качество в методологическом плане есть определенность предмета познания, устанавливаемая в отношениях тождества и различия с другими предметами при целостном рассмотрении признаков»[25]. Не возражая против такого определения в общем плане, мы тем не менее считаем, что оно нуждается в существенном уточнении. Дело в том, что при такой формулировке «качество» выступает как видовое понятие, родовым для которого является понятие «определенность». Однако, как было выше установлено, сама «определенность» получает свое существование (как «качественная определенность») только через качество. Выяснение же сути понятия «определенность» через «качество», а понятия «качество» через «определенность» есть не что иное, как логический круг.

С учетом изложенного мы считаем логически более правильным следующее определение категории «качество»: *«качество» — это философская категория, обозна-*

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 574.

[25] *Тимофеев И. С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество», с. 18.

чающая какую-либо сторону предмета познания, рассматриваемую как целостный его признак в процессах сравнения с другими предметами. В роли качественных признаков (качеств) предмета могут выступать любые его стороны, характеристики, любые его свойства (на вопросах соотношения категорий качества и свойства в этом смысле мы остановимся ниже) при непременном условии целостности их рассмотрения. Этим положением совершенно однозначно решается проблема «многокачественности» предмета: поскольку предмет обладает бесконечным количеством сторон и характеристик, постольку он имеет столь же бесконечное количество «качеств» (при обязательном условии, что эти стороны и характеристики познаны в своей целостности и выступают в роли качественных признаков этого предмета).

В литературе нередко высказывается мнение, что содержание категории качества можно анализировать только в неразрывном единстве с категорией количества[26]. Такое заявление представляется излишне категоричным и по существу противоречащим фактической истории развития человеческого познания. При этом смешиваются роль и значение качества в познании исторического развития объективной действительности, фиксируемые системой категорий «качество — количество», с ролью и значением категории качества в познании окружающей действительности в ее устойчивости как таковой, фиксируемыми системой категорий «неопределенность—качество—качественная определенность». Всякий вновь открываемый в процессе познания окружающего мира предмет прежде всего познается с качественной стороны, а затем, при более глубоком его изучении, осуществляется переход к познанию количественных и других характеристик. Поэтому категория «качество» в системе категорий «неопределенность — качество — качественная определенность» может проявить свое методологическое значение вне и независимо от системы категорий «качество — количество», в частности, тогда, когда предмет познан качественно и на этом по каким-либо соображениям процесс познания останавливается. Например, в химии и в других науках очень часто ограничиваются только качественным анализом.

---

[26] См., например, *Шляхтенко С. Г.* Категории качества и количества, с. 17.

Природа никогда не предстает перед познающим субъектом «полностью» в «ее «непосредственной цельности»»[27]. Каждый предмет и явление объективно может вступать в бесконечное количество взаимосвязей и взаимодействий с другими предметами и явлениями окружающей действительности. Однако эта бесконечность не является актуальной. Предмет или явление никогда не находятся сразу во всех возможных для них связях: для этого было бы необходимо одновременное наличие всех возможных условий существования, что в принципе невыполнимо. Поэтому в каждом конкретном случае предмет имеет возможность вступить лишь в ограниченное, конечное число связей и взаимодействий.

В свою очередь человек, вступая во взаимодействие с предметами внешнего мира, познает на основе практической деятельности лишь отдельные их стороны, части, фрагменты. Практическая деятельность при этом определяет ход взаимодействия человека с вещами и его объективное содержание, т. е. тот «угол зрения», под которым вещи «поворачиваются» к человеку и становятся доступными для познания. Именно в процессе практического освоения окружающего мира человек вычленяет из него различные предметы и явления и превращает их в предметы практического и научного познания. Поэтому практика в известном смысле «устанавливает» предмет познания. Предмет познания как бы очерчивается практикой, которая входит в определение предмета познания в том смысле, что обусловливает характер и меру проникновения в него, т. е. его способ бытия для человека.

На первых этапах своего становления человек из повседневного и исторически накопленного опыта знал лишь одно объективное свойство животных и растений — непосредственно удовлетворять потребность в пище. Собирательство, охотничья добыча дикаря, а следовательно, и условия его существования в этот период находятся в подавляющей зависимости от стихийных сил природы, определяются, например, результатом прямой физической борьбы между животными и человеком, в которой на сторону человека становится новая, но еще толь-

[27] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.

ко зарождающаяся сила — трудовой коллектив и первые орудия труда и охоты. Отношения между первобытным человеком и окружающей средой были бедными и односторонними, направленными на прямое и непосредственное удовлетворение его биологических потребностей за счет «готовых» предметов природы.

В процессе дальнейшего развития человеческого общества внешний мир стал представляться человеку уже не простым набором возможных вариантов непосредственного удовлетворения его биологических потребностей: человек начал различать в нем предметы, обладающие и своими собственными объективными свойствами. Например, производя орудия труда, человек должен был воздействовать одним предметом на другой и, следовательно, учитывать естественные свойства того или иного материала. Отмечая эту важную особенность человеческой производственной деятельности, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению»[28].

Таким образом, осуществляя даже простейшие производственные операции, человек уже ориентировался на некоторые объективные результаты взаимосвязей и взаимодействий между предметами, рассматривал и оценивал предметы не только в отношении к своим потребностям, но и по их объективным свойствам, обнаруживающимся во взаимодействиях с другими предметами объективной действительности. Это означает, что развитие деятельности человека, возросшая социальная роль предметов труда вызывают необходимость и открывают возможность познания объективных связей, закономерностей самого предметного мира.

Продолжая наблюдения над объективными свойствами растений и животных, человек постепенно устанавливал новый тип связи с природой. Приручая животных и используя их для самых разнообразных целей (лошадь в качестве тягловой силы, крупный рогатый скот для получения молока и мяса, собак для охраны стад и т. д.), возделывая растения, он не только применял знание ранее известных свойств, но и открывал новые. Практическая деятельность человека приводила к установлению

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 19.

отношений и взаимодействий, прежде не существовавших между ним и природными вещами, а также между самими вещами. В этих новых отношениях и взаимодействиях предметы обнаруживали новые свойства. Постепенно человек открыл и научился использовать многообразную деятельность микроорганизмов и грибков, определенные их свойства для получения хлеба, вина, уксуса, сыра, спирта и т. д.; свойство ветра приводить в движение парусные суда, свойство падающей воды вращать колеса водяной мельницы и т. п.

Таким образом, в ходе практического освоения окружающей действительности человек приходил к заключению, что предметы внешнего мира обладают способностями, вступая в определенные отношения, взаимодействуя с другими предметами, обнаруживать некоторые специфические стороны и характеристики, необходимые для удовлетворения тех или иных потребностей. Многократно повторяясь, эти способности фиксировались человеком как определенные свойства данных предметов. Причем свойства предметов уже на первых этапах человеческой практической деятельности познаются как способности предметов обнаруживать те или иные имеющие практическую ценность стороны и характеристики только в определенных отношениях и взаимодействиях с другими предметами.

Например, в процессах взаимодействия дерева (как материала) с воском дерево обнаруживает определенную сторону или характеристику, которую человек квалифицирует как «твердое». В процессах взаимодействия дерева с железом, напротив, обнаруживается та его сторона или характеристика, которую человек обозначает как «мягкое». Человек постепенно узнавал, что способность предметов обнаруживать те или иные стороны или характеристики присуща не только природе, но и обществу, и мышлению. Не имея возможности детально рассматривать здесь этот сложный и интересный вопрос, ограничимся примером: такое социальное свойство личности, как «храбрость» (т. е. способность «быть храбрым»), обнаруживается далеко не всегда, но только в соответствующих условиях, необходимо включающих определенные отношения.

В процессе исторического развития человек установил также, что многие свойства предметов обнаруживаются только при известных, строго определенных усло-

виях. Искусственно создавая те или иные условия, человек начинает вызывать определенные явления, т. е. использует знание свойств предметов для практического преобразования окружающего мира: в процессе трудовой деятельности человек ставит предметы природы в определенные отношения друг к другу, заставляет их взаимодействовать, в результате чего они раскрывают то одну, то другую из своих сторон. Замечая новые свойства, человек обогащает свое представление о данных предметах: последнее приводит к совершенствованию производственного процесса, к вовлечению в производство новых предметов, а это в свою очередь обеспечивает обнаружение в них все новых и новых свойств. На основе новых знаний вносятся коррективы в производственные процессы, совершенствуются старые и изобретаются новые орудия труда, возникают новые трудовые операции, а вместе с ними обнаруживаются и новые, ранее неизвестные свойства предметов окружающего мира и т. д.

В ходе дальнейшего развития познания выявляется, что свойства предметов, т. е. их способность обнаруживать те или иные стороны и характеристики в процессах взаимосвязи и взаимодействия, обусловливаются их внутренней природой, строением, структурой. Наиболее отчетливо выраженные примеры зависимости свойств, других качественных сторон и характеристик предмета от его структуры дает химия. Отмечая влияние структурных различий на качественные показатели химических молекул, Ф. Энгельс писал: «Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»[29]. Обусловленность химических свойств веществ их структурой наиболее полно раскрывается в теории химического строения А. М. Бутлерова. «...Химическая натура сложной частицы, — говорит Бутлеров, — определяется натурой элементарных составных частей, количеством их и химическим строением»[30].

Центральная задача современной химической науки — изучение процессов превращения веществ, при которых из молекул одних веществ путем соединения и перегруппировки входящих в них атомов образуются

---

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 387.

[30] *Бутлеров А. М.* Избранные работы по органической химии. М., 1951, с. 72.

молекулы других веществ, т. е. разработка методов управления химическими процессами, способствующих созданию вещества с заданным комплексом физических, механических, биологических и других свойств. Эффективность этого направления исследований хорошо иллюстрируют такие разделы химии, как химия высокомолекулярных и элементоорганических соединений: созданы различные синтетические каучуки со специфическими свойствами, разнообразные пластмассы и полимерные пленочные материалы с широким диапазоном физических свойств, синтетические волокна, превосходящие по определенным свойствам натуральные, кремнийорганические электроизоляционные и теплостойкие материалы, новые эффективные моющие средства, фармацевтические препараты, средства борьбы с вредителями растений и сорняками и т. д.

Вместе с тем специфика познания свойств заключается в том, что человек и в практике, и в познании первоначально всегда идет от действительности к возможности. Лишь в повторяющихся неоднократно процессах труда, приводя во взаимодействие (ставя в определенные отношения) те или иные предметы и обнаруживая появление у взаимодействующих предметов новых сторон и характеристик, человек делает заключение о том, что данный предмет, взаимодействуя с другими предметами (или в известных условиях), обладает свойством обнаруживать определенные стороны и характеристики. Поскольку эти стороны и характеристики, как правило, представляют известную ценность для удовлетворения тех или иных потребностей человека, данное свойство становится одним из существенных признаков предмета, выделяющих, отличающих его среди других предметов окружающей действительности, т. е. качественным признаком, одним из многих качеств предмета.

Следовательно, общее между качеством и свойством заключается в том, что свойство может выступать в роли качества (качественного признака, существенного или несущественного), т. е. качество — категория более широкая, включающая в себя и свойство. Различие же между этими категориями заключается в том, что в роли качества, при определенных условиях, могут выступать любые стороны и характеристики предметов, существующие как актуально (например, форма, окраска и т. п.), так и потенциально (свойства как реальные возможнос-

ти). Свойство же — категория, отображающая лишь одну специфическую область объективной реальности — ее способность обнаруживать те или иные стороны в процессах взаимосвязи и взаимодействия. Поэтому отношения обратимости между категориями качества и свойства односторонние, а не двусторонние: всякое свойство может быть использовано в роли качественного признака, т. е. качества предмета, но далеко не всякое качество предмета оказывается его свойством (что достаточно ясно, как мы видели, осознавал уже Аристотель, выделявший в ряду всех качеств, присущих предмету, свойства).

Особенно отчетливо внутреннее содержание, сущность категории свойства выявляется, таким образом, при соотнесении его с категориями возможности и действительности. Известно, что важнейшей диалектической идеей в аристотелевском учении о форме и материи является понимание взаимоотношения материи и формы (в его онтологическом аспекте) как возможности и действительности. И хотя примат в этом взаимоотношении Стагирит отдает форме, сама мысль о становлении бытия, о возможности любого бытия стать иным: зерна — колосом, меди — статуей, дерева — кроватью и т. д., мысль о потенциальной способности бытия превращаться из одного состояния в другое гениальна и носит глубоко диалектический характер.

Определяя материю как возможность или потенцию, Аристотель связывал изменение бытия с внутренними условиями его существования, подробно исследуя возможность развития в смысле предрасположения бытия к другим состояниям, зарождения в нем новых черт, в смысле способности его к изменению и т. д. При этом возможность часто приобретает столь объективную значимость, что без ее наличия, без потенции и объективного предрасположения предмета к изменению философ не считал возможным признать развитие.

Однако возможность существует лишь как некоторая предпосылка, свойство действительности, но не как сама действительность. Для того чтобы свойство, выражающее предпосылку будущей действительности, реализовалось, необходим ряд процессов, действий, преобразований, требуется наличие соответствующих условий и т. д. Каждый предмет обладает многочисленными свойствами и поэтому содержит различные возможности, которые мо-

гут реализоваться лишь в соответствующих условиях. «Так как каждая вещь обладает многочисленными свойствами и потому пригодна для различных способов использования, — пишет К. Маркс, — то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда» [31].

Свойство как возможность существует в виде потенциальной действительности, а актуальная действительность есть реализовавшаяся возможность. Категория свойства, таким образом, имеет некоторые общие черты с категорией возможности, выражающие определенную способность предметов и явлений объективной действительности.

Вместе с тем между свойством и возможностью имеется существенное различие, собственно и определившее необходимость существования этих двух категорий. Категории свойства и возможности, имея в принципе одно и то же объективное содержание, отображают его с разных сторон: категория свойства относится непосредственно к самому предмету в целом, направлена на предмет, фиксирует внутренне присущую ему способность обнаруживать ту или иную сторону в процессах взаимосвязи и взаимодействия; категория возможности относится непосредственно к данной стороне этого предмета, характеризуя ее способность при определенных условиях переходить из существующей потенциально в существующую актуально. Последнее означает, что, будучи возможностью реальной, она необходимо связана с объективными условиями, обеспечивающими переход действительности из потенциальной в актуальную; вне этих условий возможность переходит в свою противоположность, т. е. становится невозможностью. Свойство предмета как внутренне присущая ему способность в этом случае может сохраняться, и при появлении соответствующих условий создается реальная возможность его актуализации.

Таким образом, будучи в определенных аспектах связанной с реальной возможностью, категория свойства является в известной степени выражением всеобщности и необходимости, потому что материальной основой ее реализации являются объективные законы природы, в связи с чем свойство обнаруживается только в опреде-

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 193.

ленных условиях. Отсюда следует, что человек тем успешнее достигает своих целей, чем более они соответствуют действительным возможностям, т. е. объективным свойствам природных объектов и законам природы. Необходимость познания, изучения законов природы прямо и непосредственно вырастает из задач практической деятельности. Ведь именно в практической деятельности обнаруживаются те свойства, закономерности вещей, которые не только служат основой использования и преобразования предметов природы, но и не могут быть восприняты сами по себе вне практического к ним отношения. Именно в труде люди получили первые сведения об объективных свойствах камня. И если сегодня человек, взглянув на предмет, может судить о его свойствах (природных и социальных), это происходит только потому, что за плечами каждого человека долгая история общественного овладения этим предметом.

В связи с изложенным необходимо в общих чертах рассмотреть такую существенную особенность человеческой деятельности, как ее целенаправленность В любом своем действии человек всегда реализует какую-то цель, т. е. стремится достигнуть результата, который существует пока только в воображении человека как идеальный образ. Однако для того чтобы цель преобразования действительности могла быть реализована, необходимо, чтобы это преобразование было возможным. Реальность цели заключается в том, что она должна отражать объективные свойства как реальные возможности, заложенные в самой действительности, поскольку «законы внешнего мира, природы... суть основы *целесообразной* деятельности человека» [32].

Таким образом, человек может вызвать к жизни, т. е. получить в действительности, только то, что внутренне, потенциально содержится в самом внешнем мире, ибо то, что не соответствует закономерностям объективного мира, не может быть создано человеческой деятельностью, поскольку это невозможно. Цели человека, не опирающиеся на обусловленные законами реальные возможности, неосуществимы. Отсюда, чем лучше знает человек реальные возможности, соответствующие его потребностям, а следовательно, и пути их превращения в действительность, тем более конкретные цели он ставит. На-

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 169.

пример, до тех пор, пока пролетариат не сформировался как класс и пока рабочее движение не было соединено с научным социализмом (а в современных условиях — с научным коммунизмом), он не мог правильно поставить свою цель и увидеть средства ее осуществления. Марксистско-ленинская теория впервые раскрыла конкретные цели революционной борьбы пролетариата и определила пути и способы достижений этих целей, т. е. реальную возможность их осуществления.

Задача человека при выработке цели, следовательно, состоит в том, чтобы максимально точно и полно вскрыть объективные свойства как реальные возможности, заключающиеся в наличной действительности, и сделать своей целью выделение тех возможностей, которые наиболее соответствуют потребности. Следовательно, не цели порождают возможности, как утверждают прагматики, а, наоборот, реальные цели исходят из объективных возможностей, заключенных в самой действительности. На деле, писал В. И. Ленин, «цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»[33].

Конечно, человек может создавать и новые возможности в соответствии с поставленной целью, когда он создает, например, новые, необычные для природы структуры предметов или, скажем, ставит предметы в новые, необычные отношения, новые условия и т. п. Познавая все новые и новые свойства предметов, явлений материального мира как их потенции, их способности обнаруживать те или иные стороны в процессах взаимосвязи и взаимодействия, и условия, при которых эти стороны переходят из существующих потенциально в существующие актуально, т. е. познавая их в качестве реальных возможностей, человек отражает действительность не только такой, какова она есть сейчас, но и такой, какой она может быть для его общественных потребностей. Познавательная деятельность человека в этих случаях, будучи с самого начала нацеленной на удовлетворение его практических нужд, создает образы таких предметов, которые в природе не наблюдались, но должны и могут быть реализуемы на практике. Однако и в этом случае

---

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

он не выходит за границы материальной действительности и заложенных в ней объективных свойств и возможностей, не создает из «ничего» что-то новое, не заключающееся в материальном мире.

Таким образом, реальная цель отражает, с одной стороны, исторически обусловленные потребности человека, а с другой — свойства как реальные возможности, заложенные в объективной действительности. Возможность отражает тенденции предметов действительности, их объективные свойства как потенциальное будущее предмета, его сторон, характеристик в настоящей его действительности. С этой стороны свойства предметов выступают в качестве некоторого потенциального бытия. Процесс реализации цели суть процесс обнаружения свойств, познание их как реальных возможностей и превращение в действительность в ходе целенаправленной общественной деятельности человека. Из сказанного следует, что определяющей основой целенаправленной деятельности человека является не только его стремление (хотя оно и очень важно), но и наличие множества разнообразных объективных свойств у данного предмета в данное время, получающих при наличии соответствующих условий реальную возможность превращения в действительность.

Знание объективных свойств предметов является основой использования опыта, накопленного человечеством в процессе своего тысячелетнего развития и проверенного на практике, освобождает человека от необходимости каждый раз вновь «открывать» давно известные вещи. Человек в ходе практического освоения мира вначале неосознанно, а затем и сознательно устанавливает и использует свойства предметов, таящиеся в них возможности. Но подчинить себе природу, реализовать ее свойства нельзя иначе, как познав свойства как реальные возможности, т. е. нельзя, игнорируя законы ее движения, изменения, и в первую очередь не познав значение объективных условий как одного из решающих факторов движения, изменения именно в этом, а не в другом направлении. Значение знания свойств предметов в данном смысле отмечал Ф. Энгельс: «Мы знаем, что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв; а раз мы это знаем, то мы знаем также, что это происходит *всегда* и *повсюду,* где

имеются налицо вышеуказанные условия, и совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз и на скольких небесных телах. Форма всеобщности в природе — это *закон...»* [34]

Только деятельность, учитывающая свойства как реальные возможности, объективные условия и законы природы, может привести к успеху, достигает целей. Пользуясь механическими, физическими и химическими свойствами предметов природы, человек заставляет их действовать в соответствии со своей целью и достигает результата, которого все эти процессы в их природной форме дать не могут [35]. Заставить предметы природы взаимодействовать по их собственным законам и в то же время достигнуть своих целей, т. е., как писал Ф. Бэкон, подчиняясь природе, властвовать над ней [36], — в этом смысл на первых порах неосознанной, а затем сознательной деятельности людей.

Познав все те свойства, которые заложены в предметах окружающей действительности, и условия, при которых они становятся реальными возможностями, человек может превратить потенциально бесконечное богатство возможностей в действительность, в нечто доступное человеку и служащее для удовлетворения тех или иных его потребностей. Следовательно, для нужд практической деятельности необходимо не просто отобразить, познать вещь, но и постичь содержащиеся в ней свойства как реальные возможности, как то, чем она может стать в силу закономерного необходимого развития.

Отражение действительности в потенциальной необходимости, т. е. в знании ее реальных возможностей, является не только самым глубоким, но и самым полным, всесторонним. Постижение реальных возможностей действительности означает познание многообразия не только существующих актуально вещей и их свойств, но и возможных, т. е. тех, которые возникают в силу их закономерного движения.

Поскольку отображение окружающей действительности, ее знание существует не само по себе и не для себя, а для практики людей, постольку на основе этого знания создаются теории, в которых выражаются отношения человека к окружающей действительности, его

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 549.
[35] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 190.
[36] См. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1972, с. 81.

цели и стремления, ви́дение мира не только таким, каков он есть, но и таким, каким он может быть. В теории бесконечное многообразие свойств объекта унифицируется и становится обозримым. На теоретическом уровне становится возможным указать те условия, при которых исследуемый объект обнаруживает свойства, наиболее интересные и ценные с точки зрения практических приложений, т. е. открытие необходимых человеку свойств перестает быть делом случая и превращается в целенаправленную деятельность.

И именно в этом — в умении предвидеть и предсказывать ход событий — сила и неодолимость самой прогрессивной теории современности — марксистско-ленинской теории.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующее определение категории «свойство»: *свойство есть философская категория для обозначения внутренне присущей объективной реальности способности обнаруживать те или иные стороны в процессах взаимосвязи и взаимодействия.* Категория «свойство» раскрывается, следовательно, через систему абстракций: «внутреннее», «присущее», «объективная реальность», «способность», «обнаруживать», «сторона», «процесс», «взаимодействие», «взаимосвязь». Смысл этих абстракций, относящихся к философскому уровню познания, различен и в основном хорошо известен, так что дополнительного определения они не требуют, за исключением понятия «способность», формы употребления которого в некоторых научных исследованиях выявляют необходимость известного уточнения его смысла [37].

---

[37] Т. Гоббс в главе VIII «О теле и акциденции (свойстве)» своего главного философского произведения «О теле» формулирует следующее определение понятия акциденции (которую, как следует из самого заглавия данной главы, он отождествляет со свойством): «...акциденция есть определенная способность тела, благодаря которой оно (тело. — *И. Л.*) вызывает у нас представления о себе» (*Гоббс Т.* Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1964, с. 135). Конечно, такое определение несостоятельно, в известной мере идеалистично, и с ним нельзя согласиться, во-первых, потому, что (и это специально подчеркивает сам автор) оно не дает ответа на вопрос: что такое акциденция (свойство)? Во-вторых, в данном определении английский философ фактически специфическим образом раскрывает понятие не свойства, а качества (см. выше наш анализ категории «качество»). И в-третьих, свойство раскрывается здесь не как нечто объективно принадлежащее самому телу, но как «способ нашего восприятия тела» (см. там же, с. 136).

В ряде работ, хотя и не очень отчетливо, высказывается мысль, что свойство имеет нечто общее со способностью. Эта особенность, как следует из сформулированного определения, является действительно объективно существующей и весьма важной для решения проблемы, хотя она и требует объяснений, которых, как правило, в литературе не дается или дается недостаточно. В. И. Столяров, например, следующим образом характеризует содержание категории свойства: 1) предмет имеет свойства («способности») вызывать определенные изменения в другом предмете при взаимодействии с ним (например, свойство катализатора ускорять реакцию, свойство некоторых жидкостей растворять твердые вещества и т. п.); 2) предмет имеет свойства претерпевать определенные изменения при взаимодействии с другими предметами (например, такие свойства веществ, как горючесть, растворимость, плавкость и другие, являются как раз свойствами данного типа) [38].

Не останавливаясь подробно на некоторых неудачно сформулированных примерах (так, в первом случае должно рассматриваться не «свойство катализатора ускорять реакцию», а «свойство предмета быть катализатором, ускоряющим реакцию»), мы видим в рассуждениях автора два уязвимых момента, существенным образом влияющие на ценность данного представления о сущности, внутреннем содержании категории свойства.

Во-первых, содержание этой категории необоснованно ограничивается, сводится к представлению о ней лишь как о способности природного предмета изменять другие предметы (или изменяться самому) в процессах взаимодействия с ними. Процессы изменения действительно занимают большое место в той области действительности, которая отображается категорией «свойство», но не исчерпывают ее целиком. Это представление охватывает только часть природных свойств (свойств, принадлежащих предмету «самому по себе», как он есть, независимо от человека и человечества), но не включает в свой объем так называемые социальные (функциональные) свойства.

Вспомним ленинский пример со стаканом [39]. Каким образом изменяется сам стакан как предмет и что из-

[38] *Столяров В. И.* Изменение. — Категории диалектики как ступени познания. М., 1971, с. 72.

[39] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289—290.

меняет он, когда мы используем практически его свойства служить сосудом для питья, вазой для цветов, украшением (в случае особо красивой выделки) и т. д. и т. п.? Ни сам стакан, ни взаимодействующие с ним предметы никакому изменению при этом не подвергаются: изменяется только социальное (функциональное) назначение стакана, т. е. то, какие социально обусловленные потребности человека он в том или другом конкретном случае удовлетворяет. И таких предметов можно привести бесконечное множество. Мы не снимаем, конечно, со счетов тот факт, что указанная характеристика свойства связана с объектом, который автор исследует в указанной статье. В данном конкретном случае, в очерченных автором границах эта характеристика, конечно, верна и полностью соответствует своему назначению; мы хотим только отметить, что указанной характеристикой нельзя пользоваться как общим определением категории «свойство».

Во-вторых, автор без каких-либо объяснений отождествляет категории «свойство» и «способность» («предмет имеет свойства («способность»)»), что, как уже отмечалось, не отражает действительного положения дел.

Другие авторы понимают «способность» как то, что имеет внутреннюю основу в структуре данного предмета и что может проявиться только в процессах взаимодействия данного предмета с другими предметами, и в этом смысле утверждается ее сходство с категорией «свойство»[40]. Подобно свойству, отмечает А. С. Мамзин, способность характеризует действительность, как и свойство, неотделима от предмета и вместе с тем не совпадает непосредственно с предметом. Вместе с тем, по мнению автора, понятие «способность» имеет еще и иной смысловой оттенок, сближающий его с категорией возможности. Этот оттенок выявляется всякий раз, когда о способности говорят как об определенной тенденции, которая имеет основу в структуре данного объекта, но может осуществляться лишь при наступлении определенных условий, в ходе взаимодействия данного предмета и этих условий, характеризуя необходимость перехода определенной возможности в действительность[41]. Поня-

[40] См. *Мамзин А. С.* Возможность, действительность, структура и проблема возникновения и сущности жизни. — Проблема возможности и действительности. М. — Л., 1964, с. 84—95.

[41] См. там же, с. 84.

тие «способность», пишет автор, при этом характеризует не только саму действительность, но и скрытые в том или ином явлении возможности, реализующиеся в процессе взаимодействия предметов и явлений.

С мнением А. С. Мамзина о том, что способность, так же как и свойство, характеризует действительность и, будучи неотделимой от предмета, не совпадает с ним, нельзя не согласиться. Более того, это высказывание справедливо по отношению ко всем дальнейшим определениям предмета познания, т. е. по отношению ко всем понятиям, раскрывающим те или иные его стороны и характеристики. Однако понимание способности как тенденции, имеющей основу в структуре данного объекта, но могущей осуществляться лишь при наступлении определенных условий, фактически является отождествлением способности с реальной возможностью (поскольку имеются (или известны) условия реализации возможности в действительность), с чем согласиться трудно. Думается, что отождествление понятия «способность» с категориями «свойство», «возможность» и тем более «реальная возможность», раскрывая известную часть истины, в целом неверно.

Классики марксизма-ленинизма в ряде работ достаточно отчетливо различают понятия «способность» и «свойство». Ф. Энгельс, подчеркивая, что во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства каждый новый рычаг производства, даже такой могущественный, как разделение труда, необходимо превращать в новое средство порабощения производителей средствами производства, писал: «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности»[42]. В старом предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс указывал также, что «теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована...»[43].

Действительно, теоретическое мышление есть высшая форма особого отражательного свойства, присущего только человеку, — сознания, но оно не дается человеку с рождением; только что родившийся человек не обла-

---

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 303.
[43] Там же, с. 366.

дает не только теоретическим мышлением как высшей формой понятийного отражения действительности, но и свойством отображать действительность в обыденных понятиях и даже в представлениях: все это только заложено в нем в виде способностей, которые должны быть развиты и усовершенствованы. Врожденные функции высшей нервной деятельности являются простой способностью к формированию у него свойства вербального и понятийного отражения окружающей действительности. Однако эта способность получает возможность реального действительного существования как специфического свойства лишь при наличии определенных условий, важнейшим среди которых является социальное окружение. Под влиянием этого условия способность человеческого мозга к формированию функциональных динамических систем (А. Н. Леонтьев) разовьется, а в случае его отсутствия возможность появления сознания превратится в невозможность.

Как было показано выше, анализируемые категории свойства и возможности отображают именно *способность* реальности, но отображают ее специфически и с разных сторон: категория свойства относится к *предмету в целом,* характеризуя его как обладающего способностью обнаруживать те или иные стороны в определенных отношениях с другими предметами; категория возможности — к данной стороне предмета, характеризуя ее как потенциальную действительность, т. е. как обладающую способностью переходить при определенных условиях из существующей потенциально в существующую актуально.

Таким образом, понятие «способность», будучи тесно связанным с понятием свойства, не тождественно последнему, а имеет свое специфическое содержание, отображает определенную, присущую только ему сторону или область объективной реальности. Способность, на наш взгляд, есть некоторая предрасположенность предмета познания к чему-либо (например, к вступлению во взаимодействие, превращению при соответствующих условиях в то или иное свойство и т. д.). Как писал по этому поводу Г. Лейбниц, кроме способности объекта требуется некоторое предрасположение к этой способности, для того чтобы объект мог в конечном счете ею обладать.

Конечно, приведенная характеристика ни в коей мере не является логическим определением термина «способ-

ность», ее можно рассматривать лишь как попытку выразить некоторое обобщенное представление о нем. Мы ни в какой степени не претендуем на окончательное решение данного вопроса и руководствуемся при этом следующими соображениями.

При формулировании определения способности как некой предрасположенности возникает необходимость уточнения смысла термина «предрасположенность» — и мы оказываемся перед вопросом, представляющим непреодолимую трудность для любой дедуктивной системы: откуда возникают и как определяются исходные основания дедуктивного следования. Еще Аристотель ясно видел, что нельзя настаивать на необходимости доказательства всех без исключения предложений, так как в противном случае возникает так называемый «регресс в бесконечность». Отношение между операциями определения и доказательства описывается Аристотелем приблизительно в следующих выражениях: не для всего существуют доказательства, для чего имеются определения, и не для всего имеются определения, по отношению к чему имеют место доказательства [44]. Аналогичную мысль высказывал и Гегель [45].

Для устранения опасности «регресса в бесконечность» некоторые исходные понятия должны быть приняты без доказательства (в математике предложения такого рода называются аксиомами). Как отмечает А. А. Ветров, всеобщий наглядно-чувственный образ является последней смысловой данностью, в случае представления которого процесс осмысления не требует дальнейшего продолжения [46]. Разъясняя одни слова, можно всегда обращаться к другим словам, отмечает автор, так что процесс словесного определения в принципе бесконечен, в связи с чем использование только словесных определений не приводит к желаемой цели — раскрытию смысла слов. Необходимо в определенном месте разорвать цепь словесных определений и разъяснить смысл некоторых слов посредством не словесных, а остенсивных определений, связывающих со словами обобщенные наглядные образы-представления, поскольку слова с чувственным

---

[44] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 2. М., 1978, с. 318.

[45] См. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики в 3-х томах, т. 3, с. 264, 265, 292.

[46] См. *Ветров А. А.* Природа понятия и общественная практика. — Практика и познание. М., 1973, с. 307.

смысловым значением и образуют базис словесных определений.

В данном случае в качестве неопределяемого выступает слово «способность», содержание которого мы связываем с общим представлением о «предрасположенности предмета познания к чему-либо», надеясь, что тот, кто будет пользоваться данным определением категории «свойство», представляет себе обобщенный смысл слова «способность».

Особо следует остановиться на методологически важном положении К. Маркса о том, что свойства вещей не возникают из их отношений к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таких отношениях[47]. Этот принцип, как показал анализ, настолько существенен и значим, что без применения его совершенно немыслимо правильное понимание категории свойства. Однако в литературе предпринимаются попытки таких его интерпретаций, которые по существу сводятся к стремлению либо приписать ему прямо противоположный смысл, либо представить его как единичный частный случай, не имеющий всеобщего значения, т. е. не отражающий, как и всякое единичное, закономерность и необходимость.

Так, Л. М. Гутнер пишет, что «известный диалектический тезис, согласно которому свойства вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, не следует понимать упрощенно. Наряду с такими отношениями, которые следует считать субстанциальными для данного свойства, всегда существует неограниченное число отношений, от которых субстанциальная природа данного свойства не зависит, но в которых она проявляется. Именно такие отношения имел в виду К. Маркс, когда рассматривал различные формы проявления стоимости»[48]. С. Г. Шляхтенко считает, что по существу это высказывание К. Маркса упоминается всего в одной работе и в контексте оно связано с анализом стоимости. Действительно, соглашается автор, стоимость товара не создается меновыми отношениями, а лишь обнаруживается в них. Но это касается только стоимости товаров[49]. В других

---

[47] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 67.

[48] См. *Гутнер Л. М.* Методологические проблемы измерения. Л., 1972, с. 65.

[49] Это утверждение автора не соответствует действительности. Далее приводятся примеры из работы К. Маркса «Капитал», где ви-

случаях взаимосвязь свойства и отношения может быть различной, в частности, свойство может всецело создаваться отношениями, являясь их характеристикой [50].

В основе негативного отношения авторов к этому принципу лежит отождествление категорий свойства и качества, неявное представление о сторонах и характеристиках предметов, существующих лишь потенциально, в виде их объективного свойства (т. е. в возможности), как о существующих актуально (т. е. в действительности). Этот момент отмечал еще Аристотель, когда писал, что «об ощущающем мы говорим в двух значениях (а именно того, кто способен слышать и видеть, мы называем слышащим и видящим и тогда, когда ему случается спать, и тогда, когда он уже действительно слышит и видит), то и об ощущении говорится в двух значениях — об ощущении в возможности и об ощущении в действии...» [51].

Рассмотрим один из примеров, которые С. Г. Шляхтенко приводит в подтверждение выдвинутого им тезиса о том, что свойства создаются всецело отношениями: «Свойство женщины быть женой создается ее отношением к мужчине и в сущности есть квалификация такого отношения. Женщина может потерять это свойство без того, чтобы с ней произошли какие-то изменения» [52]. В нем заключена логическая ошибка, известная как «ложное основание» (т. е. тот случай, когда тезис обосновывается ложными аргументами, которые признаются истинными). Автор фактически смешивает свойство «быть женой», которое присуще женщине до вступления в брачные отношения с мужчиной, и новую качественную характеристику, новое качество — «жена», которое женщина приобретает после вступления в брак. Свойство «быть женой» и в данном случае не создается отношением, а только обнаруживается в нем. Если женщина расторгнет брачные отношения с данным мужчиной, то, потеряв такую характеристику, такое качество, как «жена», она вновь обретает свойство «быть женой» и может реализовать его при наличии соответствующих условий, т. е. вступив в брачные отношения с другим

сказанное им положение подтверждается фактами, взятыми и из многих других областей действительности.

[50] *Шляхтенко С. Г.* Категории качества и количества, с. 28—29.

[51] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1. М., 1976, с. 405.

[52] См. *Шляхтенко С. Г.* Категории качества и количества, с. 29.

мужчиной. Что касается заявления автора о том, что женщина может потерять свойство «быть женой» без того, чтобы с ней произошли какие-либо изменения, то сама жизнь опровергает этот довод. Практика показывает, что женщина теряет свойство «быть женой» только с таким кардинальным изменением, как утрата жизни, т. е. со смертью. Автор и здесь явно смешивает свойство «быть женой» с такой характеристикой или качеством, как «жена». Женщина действительно может перестать быть «женой», не потерпев никаких изменений, но в результате потери такого качества, как «жена», вновь приобретает права гражданства свойство женщины «быть женой».

Как известно, указанное выше положение формулируется Марксом в связи с аристотелевским анализом формы стоимости. Аристотелю, который, по словам К. Маркса, первым анализировал форму стоимости, было совершенно ясно, «что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре...» [53]. Приведя высказывание Аристотеля, в котором 5 ложе (кроватей) приравнивалось одному дому или «такому-то» количеству денег, К. Маркс пишет: «Он (Аристотель. — *И. Л.*) понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины» [54]. «Гений Аристотеля, — продолжает К. Маркс, — обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства» [55]. Маркс приводит высказывание Аристотеля о том, что обмен не может быть без равенства, а равенство без соизмеримости: «Однако в действительности невозможно, ...чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы...», и их приравнивание друг к другу следует рассматривать лишь «искусственным приемом для удовлетворения прак-

[53] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 69.
[54] Там же.
[55] Там же, с. 70.

тической потребности»[56], т. е. что свойства соизмеримости возникают в отношении обмена.

Аристотелем, таким образом, был поставлен вопрос: в чем заключается та общая субстанция, которая делает возможным выражение стоимости ложа в стоимости дома? Однако решить этот вопрос в том смысле, что дом противостоит ложу в качестве равного в том именно, что одинаково в них обоих, а это равное — затраченный абстрактный всеобщий человеческий труд, оказалось для Аристотеля непосильным. Маркс высоко оценил поиски Аристотелем общей субстанции соизмеримости обмениваемых предметов, но считал неверным его мнение о том, что свойства предметов возникают из их отношений. Именно с этим и связано высказанное Марксом положение.

Г. Д. Левин пишет по поводу приведенного высказывания Маркса: «Против этого положения возможно следующее возражение: свойства вещи не только проявляются, но и создаются в отношении к другим вещам, например, во всяком причинном отношении. Однако Маркс различает здесь отношение вещи и отношение к вещи. На этом основано у него различие относительной и эквивалентной форм стоимости. Свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, но отношением других вещей к ней, а свойства этих вещей создаются в свою очередь ее отношением к ним»[57]. Однако приписывание Марксу различения «отношения вещи» и «отношения к вещи» не отражает истинного положения дела и по существу означает попытку иным путем обосновать тезис, что свойства создаются только в отношениях вещей, ибо сам факт отношения одной вещи к другой означает отношение обеих вещей и нельзя сказать, что он касается только одной вещи: в таком случае факта отношения, как такового попросту бы не существовало.

На возражение Г. Д. Левина мы находим у К. Маркса не допускающий никаких разночтений ответ. «Голова сахара, — пишет К. Маркс в «Капитале», — как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому

[56] См. там же, с. 69.

[57] См. *Левин Г. Д.* Отношение. — Категории диалектики как ступени познания. М., 1971, с. 102—103.

несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощенные тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение... В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть...» [58]

Другой фрагмент. Рассматривая характер эквивалентной стоимости, К. Маркс указывает: «...она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает формой стоимости» [59]. «Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту...» [60]

И наконец, анализируя понимание стоимости, сформулированное Бейлем, К. Маркс отмечает: «Мы должны устранить еще другую западню и бессмыслицу. Перед нами двоякого рода выражения: «способность предмета обмениваться» и т. д. (так как слово «покупать» неправомерно и бессмысленно без понятия денег) и «*отношение, в каком* один предмет обменивается на другие». Если «способность» должна означать нечто другое, чем «отношение», то нельзя утверждать, что «способность обмениваться» есть «*только отношение*» и т. д. Если оба выражения должны означать *одно и то же,* то обозначение одного и того же двумя различными выражениями, не имеющими ничего общего между собой, способно лишь породить путаницу. *Отношение*

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 66, 67.
[59] Там же, с. 67.
[60] Там же, с. 105.

одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта способность остается «скрытой», пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты. Бейли делает здесь попытку изобразить стоимость «предмета» как нечто ему присущее и тем не менее существующее лишь как «отношение». Поэтому сперва он употребляет слово «способность», а затем слово «отношение»» [61].

Всеобщность указанного Марксом принципа действительно выявилась в процессе анализа только одной стороны социальной формы движения материи. Однако в истории науки нередки случаи, когда исследователь правильно познавал условия возникновения и существования явлений, законы их развития и функционирования, которые были знанием уже не просто повторяющегося общего, а необходимого общего, т. е. всеобщего. Для доказательства его истинности вовсе не обязательно рассматривать все случаи, в которых имеет место то или иное явление, вполне достаточно нескольких случаев или даже всего лишь одного. «Паровая машина, — писал по этому поводу Ф. Энгельс, — явилась убедительнейшим доказательством того, что из теплоты можно получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина...» [62]

---

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 143.
[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 543.

ГЛАВА 3

КАТЕГОРИЯ «СВОЙСТВО» — РОДОВОЕ ПОНЯТИЕ В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ МАТЕРИИ

Из сформулированного в предыдущей главе определения категории свойства следует, что познание сущности всеобщего свойства отражения означает необходимость раскрытия специфики той стороны объективной реальности, всеобщая форма объективного существования которой является объективным содержанием данной категории. Этот аспект разрешаемой проблемы заключается в нахождении такого специфического признака, который, раскрывая внутреннюю, наиболее глубокую сущность отражения, отличал бы вместе с тем данный предмет познания от всех остальных, выделяя его из более широкого родового класса.

Получить необходимые знания об отражении (в рассматриваемом плане), следовательно, можно только путем расширения сферы научного анализа, т. е. вовлечения в него данных о параллельно существующих видах того же рода, обладающих общими и отличительными чертами в сравнении с отражением. Поскольку речь идет о всеобщем свойстве, расширение сферы научного анализа здесь может быть достигнуто лишь путем рассмотрения отражения в системе других атрибутов материи. Взять «отражение» само по себе, вне его отношений с другими атрибутами материи, т. е. придать данной категории как бы самостоятельное значение и анализировать без определения ее места в общей системе других важнейших философских категорий, — значит превратить эту категорию в метафизический абсолют, лишить ее научности. В силу всеобщего характера отражения его определение оказывается возможным лишь в рамках диалектико-материалистической философии, через связь его с другими всеобщими свойствами материи.

Исследование сущности всеобщего отражательного свойства материи, таким образом, необходимо должно включать в себя анализ его соотношений с категориями

движения, пространства и времени. Последнее в свою очередь связано с необходимостью рассмотрения тех всеобщих свойств, которые обозначаются этими категориями: лишь раскрыв наиболее существенное содержание категорий движения, пространства и времени, мы можем приблизиться к пониманию их тождества и различия относительно категории отражения.

Категории движения, пространства, времени и отражения невозможно рассматривать отдельно от категории материи, поскольку они являются атрибутами, всеобщими свойствами материи, т. е. неразрывно связаны с ее существованием.

Диалектико-материалистическая трактовка материи состоит в понимании ее как единства всеобщего, особенного и единичного. Категория материи в системе диалектико-материалистического мировоззрения выступает в качестве всеобщей субстанции, но сама субстанция трактуется иначе, нежели в системе метафизического материализма. Субстанция диалектическим материализмом понимается не как неизменный абсолют, совокупность изначально существующих последних «кирпичиков» мироздания, рассматривается как вечно развивающаяся и находящаяся в вечном и бесконечном процессе изменения и качественного превращения, в ходе которого возникает ряд последовательно усложняющихся уровней ее организации, ряд ступеней развития, характеризующихся особенными, присущими только этим ступеням законами и свойствами.

Ф. Энгельс определяет материю как совокупность бесконечного множества различных чувственно воспринимаемых вещей и категорию материи рассматривает как сокращение, с помощью которого мы охватываем эти вещи согласно их общим свойствам[1]. Эти взгляды Ф. Энгельса легли в основу сформулированного В. И. Лениным определения понятия материи: «...понятие материи... не означает гносеологически *ничего иного,* кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им»[2]. Подчеркивая, что философское понятие материи больше ничего не означает, т. е. никаких особенных свойств не содержит, В. И. Ленин отмечает, что основа философско-

---

[1] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 570.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 276.

го материализма заключается, во-первых, в признании единственным свойством материи «свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания» и, во-вторых, в отличении «материализма метафизического от материализма диалектического»[3], ибо объективная реальность исторически изменяется и развивается.

Таким образом, материя в ее диалектико-материалистическом понимании есть не что иное, как объективная реальность, т. е. реальный, бесконечно многообразный и вечно движущийся чувственно воспринимаемый мир, к которому и относятся все ее атрибутивные свойства. Ленинское понимание материи не сводится лишь к признанию ее объективной реальностью, существующей независимо от нашего сознания и данной нам в ощущениях. В. И. Ленин развивает атрибутивное понимание материи таким образом, что после признания ее в качестве объективной реальности следует указать присущую ей систему важнейших атрибутивных свойств, таких, как движение, пространство, время, отражение и т. д. Понятие объективной реальности раскрывается, следовательно, через многообразие важнейших атрибутов и диалектических законов ее бытия[4].

Атрибуты субстанции, писал Спиноза, представляют собой потенции субстанции, так сказать, ее динамические возможности. Это коренные свойства субстанции, через которые она раскрывается в объективной действительности. Соотношение субстанции и ее атрибутов, подобно соотношению пространства и его основных протяженностей, через измерение которых оно раскрывается,— это связь не сущности и явления, а связь в рамках самой сущности[5].

Движение

Обобщенное определение материи как вечно движущейся и развивающейся объективной реальности внутренне содержит абстракцию движения. В истории философии и в науке давно установлено, что важнейшие особенности явлений окружающего нас мира следует объяснять исходя из представления о нем как о находящемся в

[3] Там же, с. 275.

[4] См. Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972, с. 161.

[5] См. *Нарский И. С.* Западноевропейская философия XVII века. М., 1974, с. 209—210.

процессе бесконечного, никогда не прекращающегося движения и изменения. Еще Аристотель писал: «Так как природа есть начало движения и изменения, а предмет нашего исследования — природа, то нельзя оставлять невыясненным, что такое движение: ведь незнание движения необходимо влечет за собой незнание природы»[6]. Не случайно поэтому Гераклит, Зеннон, Аристотель и другие представители древнегреческой философии — одни с материалистических, другие с идеалистических позиций — пытались разобраться в сущности движения.

Всеобщая связь и изменчивость материальных тел и процессов — одно из основных научных положений материалистической диалектики. «Когда мы, — писал Ф. Энгельс, — подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает»[7].

Человек в своей практической и научной деятельности постоянно сталкивается с самыми разнообразными процессами изменения. Многочисленные отрасли современной науки суть конкретные науки, специально изучающие те изменения, которые претерпевают предметы и явления реального мира. В физике, например, анализируются изменения положения сосуществующих макротел в пространстве, изменения различных полей, квантовые изменения. Химия занимается изучением изменений, претерпеваемых химическими веществами в тех или иных условиях. В биологии рассматриваются изменения веществ, связанных с жизнедеятельностью организмов, исследуются преобразования самих организмов в индивидуальном развитии (онтогенезе) и в процессе эволюции (филогенезе) видов. Геологи исследуют процессы образования и разрушения горных пород. Лингвисты изучают трансформации словарного и звукового состава языка, грамматического строя, изменения слов. Всевозможные изменения в структуре общества и отдельных составляющих его элементов являются предметом изу-

---

[6] *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах, т. 3, с. 103.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 20.

чений целого ряда общественных наук, наук о человеке и т. д.

Следовательно, категория «движение» — это такое определение объективной реальности, которое отображает ее всеобщую сторону, связанную с изменением. «Движение, в применении к материи, — писал Ф. Энгельс, — это *изменение вообще*»[8]. Но тогда возникает вопрос: что же такое изменение вообще?

Когда говорят о движении, изменении конкретных материальных образований, в этих случаях сравнивают их начальное и конечное состояния. В качестве критериев движения, изменения обычно выбираются какие-то чувственно фиксируемые признаки материальных тел и их состояний, поскольку без них невозможно констатировать, произошло изменение или нет. Каким же образом факт движения, изменения объективной реальности должен устанавливаться на философском уровне и в философских терминах? Думается, что для философского анализа с методологической точки зрения достаточно взять элементарный абстрактный акт движения (изменения) некоторого абстрактного предмета познания, поскольку в этом элементарном акте движения уже обнаруживаются все критерии сравнения первоначального и конечного состояния этого предмета. Естественно, что в философском анализе движения могут быть использованы лишь соответствующие абстрактные критерии: выбор конкретных критериев — задача не философии, а частных наук, исследующих те или иные конкретные формы движения материи.

Известно, что движение диалектично в самой своей основе, т. е. носит противоречивый характер. Диалектическая природа движения объясняется прежде всего тем, что оно всегда неразрывно связано с двумя противоположными моментами — с устойчивостью и изменчивостью, с относительным покоем и изменением. Понятие изменения (во всех случаях рассмотрения процессов движения) имеет смысл лишь как понятие изменения чего-то относительно устойчивого. Поэтому исходной точкой познания материальных предметов является знание какого-то относительно устойчивого целостного их состояния.

Формулируя категорию движения, изменения, материалистическая диалектика исходит из того, что измене-

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 563.

ется, движется всегда некоторое целостное явление, некоторый целостный, находящийся в относительно устойчивом состоянии предмет: микрочастица, атом, молекула, живой организм, общество, планета, звездная система и т. д. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят»[9]. В. И. Ленин, выдвигая требование всестороннего целостного подхода к изучаемому явлению, указывал, что целостность и всесторонность рассмотрения еще у Гегеля и Маркса были необходимыми и внутренне присущими научному познанию элементами диалектики[10]. Познание реального объекта как «вещи в самой себе», отмечал В. И. Ленин, выражается в стремлении понять объект как единое целое и связать все «фрагменты» действительности в единую объективную целостность. В качестве иллюстрации диалектического требования всесторонности рассмотрения В. И. Ленин приводит пример со стаканом, выступающим как вещь, которая обладает множеством разнообразных сторон, раскрывающихся при оперировании с этой вещью в различных отношениях. При этом познающий субъект не только открывает разнообразные стороны, но и относит их к одному и тому же целостному предмету[11].

В литературе указывается в качестве важного и необходимого составного элемента материалистической диалектики положение о том, что предметы не только постоянно изменяются, развиваются, но вместе с тем сохраняют относительную устойчивость, целостность, которая выражается, в частности, в сохранении в течение определенного времени некоторой постоянной структуры, устойчивых законов, связей, сохранении тождества[12]. В диалектике специально формулируются категории, обозначающие особенности предметов, такие, например, как «тождество», «покой», «структура», «относительная устойчивость» и т. д. В ряде работ советских философов и логиков, вышедших в последние годы, эти вопросы специально анализируются, и тем самым восполняется

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 303.

[10] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 178, 202, 203.

[11] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289—290.

[12] См. История марксистской диалектики. Ленинский этап. М., 1973, с. 414.

пробел, который до недавнего времени существовал в анализе данной проблематики в рамках диалектической логики [13].

Общим для всех форм движения материи является то, что в результате взаимодействия целостных, находящихся в относительно устойчивом состоянии предметов их некоторые старые черты, стороны, характеристики, их качества и свойства уничтожаются, исчезают, а какие-то новые черты, стороны, характеристики, качества и свойства образуются, возникают, в связи с чем предметы переходят в другое относительно устойчивое целостное состояние [14].

Абстрагируясь от всех особенностей и специфических черт движения конкретных материальных образований и всех конкретных форм движения, можно сформулировать следующее обобщенное определение категории движения: *движение есть философская категория для обозначения внутренне присущего объективной реальности свойства переходить из одного относительно устойчивого целостного состояния в другое относительно устойчивое целостное состояние.* В этом определении подчеркивается, что любой процесс изменения всегда неразрывно связан с относительной устойчивостью, целостностью изменившихся предметов. Универсальный принцип движения представляет собой всеобщий закон. Поэтому в сформулированном определении отражаются не конкретные особенности бесконечно разнообразных форм и видов движения в различных сферах объективного мира, но лишь то общее, что имеется во всех отдельных проявлениях этого атрибутивного свойства объективной реальности, изучаемых естественными и общественными науками, а именно всеобщая форма его объективного существования.

Данное определение раскрывает и обосновывает неразрывную связь движения и материи, поскольку движение и есть переход материальных образований из одного относительно устойчивого целостного состояния

---

[13] См., например: Современные проблемы материалистической диалектики. М., 1971.

[14] Термин «целостное состояние» во всех рассуждениях автора понимается как такая характеристика предмета познания, которая позволяет говорить о нем как о «данном», «этом» предмете, обладающем специфическими качествами и свойствами.

в другое. Исходя из такого понимания сущности движения становится очевидной ложность любых форм «энергетизма» как концепции, стремящейся представить движение существующим независимо от материальных образований, которые совершают этот переход.

Таким образом, категория движения определяется при помощи следующих философских категорий: «всеобщее», «свойство», «относительный покой» (рассматриваемый как «относительно устойчивое целостное состояние»), «переходить», «состояние», смысл, которых известен и дополнительных пояснений не требует. Вместе с тем, подчеркивает Ф. Энгельс, «*движение есть способ существования материи,* следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство»[15]. Категория движения — категория сложная, включающая в свое содержание и те стороны объективной реальности, которые отображаются категориями пространства, времени и отражения. Попытаемся рассмотреть в общих чертах содержание этих категорий с общетеоретической точки зрения.

Пространство

Анализ соответствующей литературы показывает, что общепринятого философского определения категории пространства не имеется. Обычно представление о пространстве излагается следующим образом. Существовать в пространстве — это значит находиться в соседстве с другими объектами, занимать место среди них. Но для того чтобы занимать место, надо иметь объем, обладать протяженностью. Протяженность, порядок расположения сосуществующих материальных объектов, расстояние между ними и т. д. — все это, взятое в единстве, составляет пространство как специфическую форму существования материи и выражается в категории пространства. Таким образом, содержание категории пространства связывается с той стороной движения, которая характеризует относительно устойчивое целостное состояние, относительный покой.

Действительно, если мы обратимся к анализу движения какого-либо предмета, то увидим, что описать его движение — значит указать различия между исходным относительно устойчивым состоянием целостного пред-

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 631.

мета и относительно устойчивым состоянием предмета конечного, изменившегося, а также раскрыть те стадии, через которые прошел предмет в процессе изменения. Таким образом, и в начале и в конце того или иного акта движения имеют место относительно устойчивые состояния целостного предмета, без познания которых практически непознаваемо его движение: ведь движение (изменение) предмета — это в конечном счете и есть последовательность чем-то отличающихся друг от друга относительно устойчивых состояний данного предмета.

Ф. Энгельс указывает на абсолютность движения и относительность покоя как на закономерности, которые с необходимостью обусловливают дифференциацию материи, ее существование в виде конкретных индивидуальных материальных образований[16]. Абсолютное движение приводит к возникновению (образованию) того или иного конкретного материального предмета, внутренняя структура которого выступает в виде некоторой целостностной системы взаимодействующих элементов. Относительный покой через равновесие[17] противоположно направленных процессов изменения взаимодействующих элементов внутренней структуры закрепляет эту систему взаимодействия и некоторое время предохраняет данное материальное образование от разрушения. Однако абсолютное движение, совершающееся как внутри этого материального образования, так и вне его, рано или поздно нарушает равновесие и приводит к возникновению нового материального образования, которое так же закрепляется относительным покоем и существует некоторое время, после чего разрушается, как и первое, давая начало новым материальным образованиям. Таким образом, будучи вечным, абсолютное движение через относительный покой обусловливает вечное существование материи в виде отдельных, качественно обособленных материальных образований, т. е., будучи

---

[16] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 561.

[17] Необходимо подчеркнуть, что равновесие, рассматриваемое в указанном смысле, т. е. в качестве обусловливающего относительный покой как момент, сторону абсолютного движения, в принципе противоположно давно уже раскритикованной классиками марксизма-ленинизма антидиалектической «теории равновесия» Бухарина, являющейся методологической основой правооппортунистической теории мирного врастания капитализма в социализм, и другим подобным теориям.

бесконечной в своем движении, материя существует лишь через конечные, относительно устойчивые целостные предметы.

Внутренне присущая объективной реальности способность существовать в виде отдельных, относительно устойчивых целостных материальных образований и является самой глубокой сущностью, объективной материальной основой философской категории пространства. Все физические теории пространства описывают конкретные формы проявления этого всеобщего свойства объективной реальности, обусловленные объективными законами природы. Теория относительности, например рассматриваемая в данном плане, — это в основном теория метрических свойств пространства и времени, связанная с количественными аспектами протяженности и длительности.

Однако для определения пространства совершенно недостаточно сказать, каковы его метрические свойства (Эвклидово, Риманово и т. п.), ибо эти свойства, по меткому выражению М. Бунге, исчерпывают природу пространства не в большей степени, чем антропометрические данные характеризуют человека. Метрические свойства пространства не являются имманентно ему присущими и ни от чего не зависящими. Они зависят от «образующего» пространства материального содержания, а точнее, от форм, свойств и закономерностей движения как основного способа существования объективной реальности. Форма объективно существующего предмета, являющаяся материальной основой его метрических свойств, не есть нечто внешнее по отношению к нему, но внутренне принадлежит предмету и определяется им самим (если он не был отлит в эту форму посторонними ему силами, например деятельностью человека). Форма предметного существования объективной реальности — это внутренняя структура, определяемая коренными ее свойствами и объективными законами движения, а не нечто такое, во что объективная реальность как бы вложена.

Этот вывод в той или иной мере имплицитно содержится в высказываниях многих исследователей пространства-времени. «Существование предметов, — пишет, например, А. Эйнштейн,— которым в определенной сфере ощущений нельзя приписывать никаких изменений состояния, а только изменения положения (т. е. изменения

форм сосуществования целостных предметов, или предметов, обладающих относительно устойчивым целостным состоянием. — *И. Л.*), является фактом фундаментального значения для формирования понятия пространства (в определенной степени даже для обоснования понятия телесного объекта)»[18]. Название геометрии, отмечает далее Эйнштейн, указывает на то, что понятие пространства психологически связано с Землей как с неподвижным, относительно устойчивым целостным телом[19]. И если первоначальной основой формирования категории пространства являлась фиксация устойчивых целостных предметов и их положения по отношению к познающему субъекту и друг к другу, то впоследствии «понятие «пространство», предшествующее всей научной геометрии, превращает наше мысленное понятие соотношения положений предметов в понятие о положении этих телесных предметов в «пространстве»»[20]. Физические теории пространства, таким образом, выражают наши объективные знания о конкретных формах пространства как о проявлениях сущности всеобщей формы объективного существования этой стороны объективной реальности.

Последовательно защищая понимание пространства и времени как объективных реальностей, В. И. Ленин настаивал, исходя из диалектического учения об относительной и абсолютной истине, на необходимости и закономерности изменения конкретных научных представлений о проявлениях их сущности. Подчеркивая необходимость четкого различения относительности наших взглядов на пространство (и время) от абсолютного, в пределах гносеологии, противоположения материалистического и идеалистического подходов к этому вопросу, В. И. Ленин обращает внимание на то важное обстоятельство, что признание объективной реальности пространства (и времени) является органической частью целостного материалистического взгляда на природу[21].

Исходя из указанных соображений, мы предлагаем следующее определение категории пространства: *пространство — это философская категория, отображающая*

---

[18] *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965, с. 38.
[19] См. там же, с. 39.
[20] Там же.
[21] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 193.

всеобщее свойство объективной реальности относительно устойчиво сохранять некоторое целостное состояние в процессах взаимосвязи и взаимодействия.

Под относительно устойчивым состоянием здесь понимаются как внутренние (форма существования), так и внешние (порядок сосуществования) состояния предметов. Именно внутренне присущее материальным образованиям свойство относительно устойчиво сохранять некоторое целостное состояние в процессах взаимосвязи и взаимодействия и выступает как одно из наиболее важных и необходимых условий, определяющих форму объективно существующих предметов, которая и является материальной основой его пространственных характеристик. Это же свойство является необходимым условием формирования пространственных характеристик (и, следовательно, их измерения) объективно сосуществующих предметов. Например, для того чтобы измерить такую пространственную характеристику как расстояние до предмета, движущегося вне Земли (до ракеты, движущейся по направлению к Венере или Марсу, или, скажем, расстояние до далекой звезды), мы должны в какой-то точке пространства мысленно остановить их движение, представить как неподвижные, т. е. сохраняющие относительно устойчивое состояние по отношению к Земле, в противном случае процесс измерения становится неосуществимым.

Естественно, философская категория пространства может получить в разных областях научного знания различное значение, в том числе и такое, которое не будет иметь ни малейшего отношения к размерам, объемам материальных тел или к расстояниям между ними. Например, в физике нередко говорят о так называемом «пространстве сил», в психологии — о «пространстве восприятий» и т. п. Вопрос же о том, чему соответствуют характеристики этих пространств, всякий раз является предметом специального исследования, и ответ на него зависит от конкретных явлений и их интерпретаций, в которых философская категория пространства выступает как всеобщее, а данное конкретное пространство как особенное проявление этого всеобщего. На этом требовании, вытекающем из философских посылок диалектического материализма, фактически основано использование категории пространства во всей системе естественных и социальных наук.

Время

Как известно, проблема времени представляет собой довольно сложный комплекс вопросов. В их числе можно назвать вопросы об «объективности», «течении», «направленности», «универсальности», «размерности», «прерывности» и «непрерывности» времени и многие другие. Мы рассмотрим более или менее подробно только философский аспект проблемы: вопрос об объективном значении категории времени, т. е. установление того, какое всеобщее свойство объективной реальности она обозначает. Остальные вопросы будут затрагиваться лишь в той мере и постольку, в какой и поскольку это явится необходимым для решения главной задачи — понимания природы, сущности той стороны объективной реальности, всеобщая форма объективного существования которой обозначается категорией времени.

Начиная с глубокой древности, проблема времени стояла в центре внимания философских размышлений. По вопросам природы, сущности и общих характеристик времени в истории развития философской и естественнонаучной мысли давались различные, часто противоречивые ответы. Весьма остро, например, ставился вопрос об объективности времени. Некоторыми философами она отрицалась, причем не только идеалистами, но и материалистами, такими, как Гоббс, Спиноза и Локк, некоторыми признавалась (также не только материалистами, но и некоторыми идеалистами, особенно религиозного толка, которые, однако, наделяли временными свойствами лишь «бренное», «земное», «неистинное» бытие и провозглашали неподвластным течению времени «истинное», «божественное» бытие) [22].

В современных представлениях о природе и сущности времени имеется еще много неясного, порождающего многочисленные дискуссии ученых. В связи с этим возрождаются такие интерпретации проблемы времени, которые отрицают его реальность и рассматривают как иллюзию человеческого сознания. Многочисленные попытки дать теоретическое обоснование природы и свойств времени наталкиваются на весьма серьезные трудности. Считается, что время (по крайней мере мак-

---

[22] См. *Молчанов Ю. Б.* Проблемы времени и диалектика. — Вопросы философии, 1975, № 8, с. 81.

роскопическое) одномерно, линейно упорядоченно и однонаправленно, т. е. необратимо. Однако, как отмечается в литературе, на вопрос: «Почему время асимметрично и течет от прошлого через настоящее к будущему?»— до сих пор не получено однозначного и окончательного ответа.

На противоречивый характер «течения» времени обратил внимание еще Аристотель: «Что время или совсем не существует, или едва [существует], будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая — будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию»[23]. Вместе с тем Аристотель не делает вывода о нереальности времени, но считает, что время обладает иным статусом существования, нежели статус существования вещей: «...для всякой делимой вещи, если только она существует, необходимо, чтобы, пока она существует, существовали бы или все ее части, или некоторые, а у времени, которое [также] делимо, одни части уже были, другие — будут, и ничто не существует»[24].

Основная причина неоднозначности истолкования природы и сущности времени, на наш взгляд, заключается в неправильной постановке самой проблемы времени. Как правило, анализируя вопрос о том, что такое время, т. е. каков его онтологический статус, исследователи рассматривают время в качестве некоторого объективного явления, чего-то существующего «само по себе», вне и независимо от человека и его сознания. Здесь и допускается главная ошибка, которая явилась предпосылкой существующего многообразия мнений. Думается, правильнее ставить вопрос не о том, что такое «время», рассматриваемое «само по себе», т. е. не об объективности самого времени, существующего вне и независимо от человека и его сознания, а об объективной основе категории «время».

Естественно, материалистическая точка зрения на сущность категорий «время» может состоять только в том, что последняя является обозначением всеобщей

---

[23] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 3, с. 145.
[24] Там же.

формы объективного существования определенной стороны объективной реальности. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин, конспектируя «Лекции о сущности религии» Л. Фейербаха, делает пометку на полях: «Время вне временных вещей=бог»[25]. В литературе справедливо отмечается, что «бессмысленно говорить о времени в отрыве от материальных объектов, развивающихся в определенной последовательности»[26]. Методологической основой нашего исследования является известная трактовка времени К. Марксом как количественного бытия движения: «Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть *рабочее время*»[27].

Аристотель отмечал, что категория времени производна от категории движения, ибо время есть не что иное, как «число движения»[28]. «Мы не только измеряем движение временем, — писал он, — но и время движением вследствие того, что они определяются друг другом, ибо время определяет движение, будучи его числом, а движение — время»[29]. Поэтому «временем определенного движения измеряется количество и движения и времени»[30]. А так как время сопровождает движение, то мы «тогда говорим, что протекло время, когда воспринимаем чувствами предыдущее и последующее в движении»[31]. Аристотель указывает также, что «время и движение всегда существуют совместно как в возможности, так и в действительности»[32], и в связи с этим, поскольку «время — мера движения, то оно будет и мерой покоя»[33].

Таким образом, Аристотель отмечает, что время как таковое — это количественная определенность, содержащаяся в движении, поскольку там, где человек не воспринимает никакого изменения, ему кажется, что

---

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 50.

[26] См. *Берг А. И., Бирюков Б. В., Новик И. Б.* Общенаучное значение принципа отражения. — Ленинская теория отражения и современная наука. Кн. 2. Теория отражения и естествознание. София, 1973, с. 105.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 16.

[28] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 3, с. 150.

[29] Там же, с. 151.

[30] Там же, с. 158.

[31] Там же, с. 148.

[32] Там же, с. 157.

[33] Там же, с. 153.

никакого времени не было[34]. При этом высказывает мысль, что время не есть нечто отдельно существующее, а является неотъемлемой стороной («свойством», по выражению Аристотеля) движения. Об этом великий греческий мыслитель пишет самым недвусмысленным образом: «Время, будучи числом, есть какое-то состояние или свойство движения»[35]. Материалистическая направленность высказываний Аристотеля о времени состоит в признании неразрывной связи материи с движением, а движения — с временем: объективность времени, по Аристотелю, заключается в том, что его источником является объективно существующее движение.

Современное состояние научного знания позволяет конкретизировать связь категорий движения и времени. На основе общего представления о времени можно попытаться найти обозначаемую этой категорией сторону реальности в сфере того содержания, которое заключается в понятии «процесс изменения». При этом необходимо сразу указать на то, что категории «время» и «процесс изменения», имея нечто общее, не являются, однако, синонимами, т. е. полностью не совпадают.

В чем заключается сущность процесса изменения, его внутреннее содержание? Внешне, как уже отмечалось, это означает, что у предмета познания в результате взаимодействия с другими предметами появляются некоторые новые стороны и характеристики, а некоторые ранее присущие ему стороны и характеристики исчезают. При этом направление, механизмы и конечные результаты изменения предметов определяются внутренними особенностями взаимодействующих предметов и объективными законами их взаимодействия, не входящими в содержание категории времени.

Известно, например, что в основе современной химической промышленности стоят три фактора: большие и малые давления, высокие и низкие температуры, катализаторы. Давление, в частности, играет чрезвычайно важную роль во всех природных химических процессах и еще большую — в искусственных химических реакциях. В своей практической деятельности человек во много раз увеличил силу давления и благодаря этому добил-

---

[34] См. там же, с. 147.
[35] Там же, с. 157.

ся значительного ускорения химических процессов. Некоторые химические реакции, имеющие при нормальном атмосферном давлении сравнительно большую продолжительность, при высоких давлениях протекают очень быстро. Так, газообразный этилен при давлении 1500 атмосфер сразу превращается в пластическую массу. Водород и азот при давлении 4—5 тыс. атмосфер соединяются в аммиак без применения катализаторов, причем в дело идет даже неочищенное сырье. Сокращения продолжительности протекания некоторых химических реакций человек также добивается путем либо повышения температуры среды, либо применения катализаторов. Однако независимо от продолжительности протекания реакций их направление и конечные результаты остаются теми же самыми; в этом, собственно, и заключается смысл и значение использования указанных факторов.

Категория времени, следовательно, отображает какую-то особую, специфическую сторону изменения, не связанную ни с его направлением, ни с его механизмами, ни с его результатами. Такой стороной, характеристикой, необходимо присущей любому процессу изменения, является длительность изменения, собственно и позволяющая рассматривать изменение как процесс. Это, в частности, следует из содержания самой процедуры количественного измерения времени, которая, как известно, заключается в сравнении длительности процесса изменения какого-либо предмета познания (либо длительности его относительно устойчивого состояния, что в конечном счете то же самое) с длительностью процесса изменения некоего предмета — эталона, условно принимаемого за единицу времени.

«Любое измерение времени, — пишет канадский физик-теоретик Ф. Кемпфер, — основано на периодически повторяющемся процессе конечной длительности, так что промежуток времени между началом и концом процесса может быть использован в качестве стандартной единицы времени»[36]. Ф. Кемпфер отмечает, что «очень трудно (если вообще возможно) представить себе прибор для измерения времени, не опирающийся на постоянство некоторого физического процесса, положен-

---

[36] *Кемпфер Ф.* Путь в современную физику. М., 1972, с. 24.

ного в основу действия прибора»[37]. Например, за эталонный период времени (точнее, за эталон длительности некоторого процесса), который мы называем секундой, принят интервал, в течение которого совершается 9 192 631 770 колебаний атома цезия, точнее, его изотопа с массовым числом 133 (*C* 133), в основном состоянии $2^1/_2$ и переход между тонкими уровнями ($F=4$ и $F=3/M=0$), соответствующий излучению с частотой = =9 192 631 770 гц.

Понятие времени отображает, следовательно, процессуальную сторону изменения, его длительность и может быть определено следующим образом: *время — это философская категория, отображающая количественную характеристику такой стороны процессов изменения объективной реальности, как длительность перехода из одного относительно устойчивого целостного состояния в другое относительно устойчивое целостное состояние в процессах взаимосвязи и взаимодействия.*

В ходе исторического развития философской и естественнонаучной мысли многие материалистически мыслящие ученые связывали объективность времени с материальным движением и именно с той характеристикой движения, которая определяется как его длительность. Так, Т. Гоббс писал, что у времени есть свои прообразы — отдельные длительности движения[38]. Декарт абсолютизирует длительность движения в применении ко времени как к модусу мышления. Время, согласно Декарту, есть не объективно существующая реальность, не свойство вещей, а способ мыслить (modus vivendi), состоящий в измерении продолжительности движения вещей в сравнении с равномерными движениями Солнца и Луны. «Но одни качества или атрибуты даны в самих вещах, — пишет Р. Декарт, — другие же — только в нашем мышлении. Так, время, которое мы отличаем от длительности, взятой вообще, и называем числом движения, есть лишь известный способ, каким мы эту длительность мыслим, ибо мы не предполагаем в вещах движущихся иного рода длительности, чем в неподвижных... А чтобы обнять длительность всякой вещи одной мерой, мы обычно пользуемся длительностью известных

---

[37] Там же, с. 25.

[38] См. *Гоббс Т.* Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1964, с. 128, 141, 168.

равномерных движений, каковы дни и годы, и эту длительность, сравнив ее таким образом, мы называем временем, хотя в действительности то, что мы так называем, есть не что иное, как способ мыслить истинную длительность вещей»[39].

В этой связи необходимо отметить, что Аристотель в завершение своего исследования категории времени проводит мысль о зависимости времени как величины считаемой от свойств человеческой души как величины считающей. Стагирит пишет по этому поводу: «Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствии души существовать время или нет? Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, а следовательно, ясно, что [не может быть] и числа, так как число есть или сосчитанное, или считаемое. Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время...»[40]

В литературе нередко высказывается мнение о том, что эта мысль великого древнегреческого философа (так же как и мысль Декарта) идеалистична по своему содержанию, с чем полностью согласиться нельзя. Ниже мы остановимся на этом вопросе более подробно, здесь же отметим, что эти мысли Аристотеля и Декарта имеют определенное позитивное содержание, позволяющее полнее раскрыть природу времени.

Спиноза также отмечает, что вещам присуща не вечность существования, а, как подчеркивал еще Суарез, его длительность[41]. Противопоставляя абсолютность бытия субстанции относительности бытия любой единичной вещи, Спиноза говорил, что бесконечные изменения многочисленного мира вещей, существование которых определяется их зависимостью друг от друга, совершаются в реальном, непрерывно изменяющемся времени, которое нидерландский мыслитель обычно именует длительностью. Длительность же определяется им как «неопределенная непрерывность существования»[42]. Отличие

---

[39] *Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950, с. 451.

[40] См. *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 3, с. 157.

[41] См. *Нарский И. С.* Западноевропейская философия XVII века, с. 199.

[42] См. *Спиноза Б.* Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1957, с. 403.

длительности существования единичных вещей от вечности существования субстанции, модусами которой они являются, по мнению Спинозы, суть отличие бесконечности потенциальной от бесконечности актуальной. Поэтому категория времени применима только к миру единичных вещей и не имеет никакой силы по отношению к целостной субстанции [43].

Гердер критикует учение Канта об априорности времени и пространства с позиций эмпиризма, приближающегося к материализму. Время, по Гердеру, — это не врожденная форма созерцания, как утверждает Кант, а понятие, выведенное из опыта, из изменений, происходящих вокруг нас. Как категория, подчеркивает Гердер, время существует не априорно; она возникла исторически и развивается в ходе освоения человеком природы. Гердер представлял развитие понятия времени следующим образом. Первоначально человек не мог измерять длительность процессов, происходящих вокруг него, вследствии чего для человека не существовало еще и понятия времени. «Но природа шла вперед великой поступью своих перемен и учила его *замечать время*. Восходящее и заходящее, поднимающееся и опускающееся солнце указывало ему время *дня,* луна — время *месяца* и *года,* последние с их различием в погоде... принуждали человека к различным занятиям и вознаграждали его за это различнейшими дарами, плодами *ежедневного* и *годового труда*... Таким образом, постепенно у человеческого рода появилось «созерцание» времени, но не априори и не для метафизических спекуляций, а из наблюдений, предназначенных для практических целей» [44].

Действительно, так называемая субстанциальная концепция времени, наиболее отчетливо выраженная Ньютоном, отражает социальное происхождение понятия времени [45] как общественно обусловленной потребности

---

[43] См. там же, с. 375.

[44] Цит. по: *Гулыга А.* Гердер. М., 1975, с. 113.

[45] О социальном происхождении представлений о времени писали еще представители французской социологической школы (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс и др.). При решении проблемы этногенеза, например, выделяются семь типов отсчета времени и отношения к нему: атемпоральность, фенологический и циклический календари, живая хронология и линейный счет, квантование и релятивизация времени (см. *Гумилев Л. Н.* Этнос и категория времени.—Доклады Географического общества СССР, вып. 15. Л., 1970, с. 155).

измерять длительность процессов изменения и стремление в связи с этим найти такой «эталон» времени, т. е. такой цикл процесса изменения, длительность которого оставалась бы постоянной, устойчивой в различных условиях. Только в этом случае его можно было бы использовать в качестве стандартной единицы времени.

Физически мы измеряем время тем или иным циклическим процессом изменения: истечением песка или воды, качаниями маятника, процессом вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, осцилляцией кристаллов, колебаниями молекул и т. д. Всякий процесс изменения, длительность (время) которого мы хотим измерить, мы сравниваем с избранной нами в виде исходного «эталона» длительностью того или иного циклического процесса изменения. Поскольку же длительность процесса изменения любого конкретного физического объекта зависит самым непосредственным образом от окружающих условий и взаимодействий, естественно, ни о какой абсолютной «неизменности» времени речи быть не может.

Например, время, измеряемое по видимому движению звезд (так называемое сидерическое время), отличается от времени, измеряемого по Солнцу, не только потому, что сидерических дней в году на один больше, чем солнечных, но и потому, что соотношение между обеими разновидностями дня пусть незначительно, но изменяется в зависимости от времени года. В этом смысле весьма характерен также следующий пример. В 1962 г. Ж. Рише во время астрономической экспедиции проводил ряд работ в Кайене и в Южной Америке. При этом он обнаружил, что привезенные им из Парижа маятниковые часы на Кайене идут неверно. В Кайене маятник этих часов стал качаться медленнее, и для того, чтобы часы показывали время правильно, его пришлось укоротить на вполне заметную величину: на несколько миллиметров. Когда же Рише вернулся с этими часами в Париж, то обнаружилось, что они спешат.

По сути дела часы — это устройство, показывающее, как часто совершается определенный цикл (процесс) изменения фиксированной длительности. При этом предполагается, что длительность циклов этого процесса всегда одинакова. В пользу данного предположения говорит то обстоятельство, что можно отыскать много разных способов измерения времени, которые дают оди-

наковые результаты. Поэтому-то Ньютона и беспокоил вопрос, как выбрать правильный эталон времени.

Субстанциальная концепция времени, представленная ньютоновской концепцией абсолютного времени, позволяет теоретически установить для всей Вселенной единую систему отсчета, относительно которой все события Вселенной могут быть упорядочены во времени. С точки зрения Ньютона, необходимо проводить различие между истинным, математическим временем (или абсолютным временем), которое не зависит от каких бы то ни было материальных процессов и представляет собой некую самое себя определяющую сущность, и относительным или обыденным временем, которое выражается посредством различных материальных движений и является лишь кажимостью абсолютного времени. Ньютон писал: *«Абсолютное истинное математическое время* само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или *обыденное время* есть или точная, или изменчивая постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год»[46].

Математическое время Ньютона не зависит ни от характера, ни от интенсивности изменений, происходящих в материальных системах. Поэтому его можно рассматривать в качестве универсальной шкалы отсчета, относительно которой все события Вселенной занимают вполне определенное, раз и навсегда данное положение. «Абсолютное время, — отмечал Ньютон, — различается в астрономии от обыденного солнечного времени уравнениями времени. Ибо естественные солнечные сутки, принимаемые при обыденном времени за равные, на самом деле между собой не равны. Это неравенство и исправляется астрономами, чтобы при движении небесных тел применять более правильное время. Возможно, что не существует (в природе) такого равномерного движения, которым время могло бы измеряться с совершенной точностью. Все движения могут ускоряться или замед-

---

[46] *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. — Собрание трудов акад. А. Н. Крылова, т. VIII. М. — Л., 1936, с. 30.

ляться, течение же абсолютного времени изменяться не может»[47].

Фактически абсолютное, истинное математическое время Ньютона — это продукт идеализации, такой же, как, например, «абсолютно твердое тело», «абсолютно несжимаемая жидкость», «абсолютно черное тело» и т. д. По существу это мысленный переход к предельному случаю развития относительной устойчивости, постоянства длительности циклов некоторых процессов изменения, лежащих в основе измерения времени. Располагая такие процессы в ряд соответственно увеличению их устойчивости, постоянства, можно мысленно продолжить этот ряд и в его конце представить такой процесс изменения, длительность цикла которого остается постоянной при любых условиях.

Как известно, правомерность идеализации доказывается применимостью на практике той теории, которая создана на основе этой идеализации. Если теория в целом правильно описывает реальные явления, то правомерны и положенные в ее основу идеализации. При этом любая идеализация правомерна лишь в определенных пределах и служит для научного решения только определенных проблем.

Так обстояло дело и с ньютоновскими идеализациями «абсолютного пространства» и «абсолютного времени». Согласно концепции Ньютона, можно выработать довольно приемлемую материальную модель абсолютного времени и способ измерения длительности одних процессов изменения с помощью подсчета равномерно повторяющихся циклов другого, «эталонного» процесса изменения. Часы, в частности, по отношению к сопоставляемым с ними процессам изменения, длительность которых измеряется, являются идеализированным аналогом «абсолютного времени», так как по отношению к этим процессам изменения часы существуют «сами по себе» и их показания меняются «безотносительно к чему-либо внешнему», если под этим «внешним» подразумевать сопоставляемые с их показаниями измеряемые длительности процессов изменения. Постулируемое субстанциальной концепцией и необходимое для теоретической физики «абсолютное время» (так же как и «идеальный газ», «абсолютно твердое тело» и т. д.) устанавливается

[47] Там же, с. 31—32.

только мысленно, т. е. в нашем сознании, и ему ничто непосредственно не соответствует в действительности. В силу этой своей специфики субстанциальная концепция времени, удовлетворительно отражая такую сторону движения, как длительность процессов изменения объективной реальности, и составляя теоретическую основу эмпирических операций по измерению временны́х промежутков, возводится тем самым, по выражению А. Эйнштейна, на «недосягаемые высоты априорности» [48].

Таким образом, в классической ньютоновской картине мира существование абсолютного времени и его свойств не было связано с какими-либо физическими взаимодействиями или их свойствами; оно просто постулировалось. Время в представлении Ньютона — это поток чистой длительности, течение которого равномерно, непрерывно и характеризуется однонаправленностью — от прошлого к будущему. Время однородно в том смысле, что законы движения не меняют своего вида с течением времени. Точно так же оно изотропно в том смысле, что законы движения инвариантны при обращении течения времени.

Однако в ходе дальнейшего развития научной мысли и всей практики человечества был сделан вывод о том, что в природе как таковой нет никаких преимущественных систем отсчета, а следовательно, не может быть абсолютного времени. Физика рассталась с абсолютным пространством и временем и ввела относительное пространство и время в теории относительности. Следует, однако, отметить, что в теории относительности А. Эйнштейна главный упор делается не на обоснование времени как объективно существующего в реальности, а на доказательство относительного характера одновременности, относительности величин временны́х и пространственных параметров исходя из анализа таких физических операций, как синхронизация часов, измерение времени и длины, и из восприятия результатов этих операций «наблюдателями», связанными с различными системами отсчета.

«Чтобы придать понятию времени физический смысл, — писал А. Эйнштейн, — нужны какие-то процессы, которые бы дали возможность установить связь

---

[48] См. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов, т. II. М., 1966, с. 6.

между различными точками пространства. Какого рода процессы выбираются при таком определении времени, несущественно... Пространственные и временны́е данные имеют не фиктивное, а физическое реальное значение»[49]. Когда журналисты спросили Эйнштейна о том, как сказывается относительность времени на законах природы, он ответил, что они не изменяются в зависимости от времени, так как временно́й параметр входит «внутрь» самих законов. И. С. Нарский, интерпретируя это высказывание Эйнштейна, справедливо замечает, что «внутрь» физических процессов, а следовательно, и «внутрь» отвлекаемых от них законов их взаимодействия входит не время, а длительность[50].

Построенная на основе теории относительности так называемая реляционная концепция времени рассматривает время как такое явление, которое не является «само по себе существующим», ни от чего не зависящим, а суть такого рода характеристика движущейся материи, которая не имеет самостоятельного существования, выступает как результат взаимодействия и движения материальных предметов, тел, вещей[51].

Необходимо отметить, что субстанциальная и реляционная концепция времени фактически нисколько не исключают и тем более не отрицают друг друга, как это нередко представляется в литературе, так как они раскрывают различные стороны объекта познания, который обозначается категорией «время». Реляционная концепция времени не отрицает, что в основу измерения времени должны быть положены определенные процессы изменения, но подчеркивает зависимость длительности всех процессов изменения от окружающих условий, т. е. рассматривает объективную основу категории времени. Субстанциальная концепция в свою очередь не отрицает того факта, что реальные процессы изменения как объективная основа времени не являются постоянными и зависят от окружающих условий. Учитывая именно этот момент, субстанциальная концепция вводит идеализацию абсолютного математического времени, на основе

---

[49] *Эйнштейн А.* Сущность теории относительности, с. 29.

[50] См. *Нарский И. С.* Западноевропейская философия XVII века, с. 200.

[51] Подробнее об этом см.: *Молчанов Ю. Б.* Проблема синтеза различных концепций времени. — Синтез современного научного знания. М., 1973, с. 588—593.

которой только и могут быть построены известные разделы теоретической физики. В современной науке субстанциальная концепция времени возрождается, например, в рамках единой теории поля и геометродинамики, которая возникла как специфическое направление развития общей теории относительности.

Таким образом, категория времени обозначает не какое-то особое всеобщее свойство, имманентно присущее объективной реальности до человека и без человека (таким свойством является длительность процессов изменения), но является особым, присущим только человеку способом измерения длительности процессов изменения предметов познания и практики. В основе этого способа познания лежит соотношение, сравнение двух объективно реальных процессов изменения конечной длительности, один из которых является эталоном длительности изменения и рассматривается как единица времени (секунда, час, сутки, месяц, год и т. д.).

Известное ленинское положение о том, что материя существует в пространстве и во времени, вполне корректно, ибо оно по существу является конкретизацией известного положения диалектико-материалистической философии о том, что нет материи без движения, как и движения без материи. Поэтому вполне правомерно и выражение «предмет существует во времени», если, конечно, не забывать того, что категория времени выступает как обозначение объективно реального отношения двух длительностей процессов изменения, один из которых выступает в качестве единицы измерения, а само измерение может совершаться только человеком[52]. Вообще любая измерительная процедура всегда «замыкается» на человеке, поскольку знания о количественных характеристиках любых физических явлений, происходящих в объективной действительности, мы получаем в конечном счете только через наши органы чувств, сравнивая два однокачественных явления или процесса, один из которых выступает произвольно выбранной единицей измерения.

---

[52] В этом смысле были правы и Аристотель, и Р. Декарт, поскольку время в их понимании не субъективно, ибо в основе его лежит соотношение двух длительностей объективных процессов движения (изменения) — измеряемого и единицы измерения, причем выбор последней в известной степени произволен.

Имеется и другое понимание сущности, внутреннего объективного содержания категории времени. Время определяется как «последовательность существования сменяющих друг друга явлений»[53]. Думается, что между пониманием сущности времени как «длительности процесса изменения» и пониманием его как «последовательности существования сменяющих друг друга явлений» имеются весьма существенные различия, главное из которых заключается, на наш взгляд, в том, что разное понимание существа категории времени, ее объективного содержания обуславливает различное решение таких, например, вопросов, как «направленность» и «обратимость» времени.

Вопрос о направленности и обратимости (необратимости) времени считается одним из кардинальных вопросов философии и естествознания. В последнее время в философской литературе проблеме времени посвящено значительное число теоретических исследований (Я. Ф. Аскин, А. М. Мостепаненко, М. В. Мостепаненко, Рейхенбах, Уитроу и др.), в которых анализируются такие свойства времени, как одномерность (А. М. Мостепаненко и М. В. Мостепаненко), временная упорядоченность и изотропность (Рейхенбах), необратимость (Я. Ф. Аскин, Уитроу) и т. д.

Однако необходимо подчеркнуть, что в первом случае, как уже отмечалось, сама по себе длительность процесса изменения не определяет ни направления, ни механизмов, ни результатов изменения (а следовательно, и такой характеристики, как «обратимость» или «необратимость»). Определение направленности процесса изменения — это прерогатива системы объективных законов движения предметов в целом, т. е. законов взаимодействия, причинности, воздействия окружающих условий и т. д., в основе которых лежит фундаментальный принцип

---

[53] См. Пространство, время, движение. М., 1971, с. 57; *Молчанов Ю. Б.* Развитие и время. — Вопросы философии, 1979, № 2, с. 61—72.

Наиболее сильное выражение такое понимание сущности категории «время» находит в следующем высказывании: «Отношение порядка, присущее времени, позволяет применять геометрию к познанию времени, которое в определенных моделях удается представить, «вытянуть» в последовательность точек «одна после другой» *(Казарян В. П.* Понятие времени в структуре научного знания. М., 1980, с. 72).

сохранения материи и движения, подлинно универсальный и абсолютный философский принцип сохранения, содержание которого раскрывается не одним только физическим законом сохранения и превращения массы и энергии, а всей совокупностью известных к настоящему времени конкретных законов сохранения. Определение необратимости процесса изменения — это прерогатива принципа развития, согласно которому процессы развития необратимы. Поэтому направление процесса изменения, его содержание и его результат могут быть только такими, которые не противоречат действующей в каждом конкретном случае системе объективных законов природы. Вместе с тем сам процесс изменения протекает только в одном направлении — в направлении перехода из одного относительно устойчивого целостного состояния предмета в другое относительно устойчивое целостное его состояние.

Понятие «время», фиксируя только одну сторону этого процесса перехода — его длительность, в принципе не может уловить ни «направленности», ни «обратимости» или «необратимости» последнего. Длительность — это такая характеристика процесса изменения, которая присуща любому процессу изменения, независимо от того, совершается он в «прямом» или «обратном» направлении (например, превращается вода в пар или пар в воду и т. п.). Однако для того, чтобы такой переход состоялся (независимо от его направления и скорости, с которой он протекает, даже если допустить, что она может превышать скорость света), безусловно, необходимо действие объективных законов природы. Этот факт отмечал Фейербах: «... не вещи предполагают существование пространства и времени, а, наоборот, пространство и время предполагают наличность вещей, ибо пространство, или протяженность, предполагает наличность чего-то, что протяженно, и время — движение: ведь время — лишь понятие, производное от движения,— предполагает наличность чего-то, что движется». С этой точки зрения, пишет далее Фейербах: «Все — пространственно и временно...»[54]

Во втором случае, когда сущность времени видят только в «последовательности существования сменяющих друг друга явлений» (или, как говорят физики и

[54] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 50.

логики, «событий»), предполагается, что сама эта последовательность определяет и направление времени, и возможность его обратимости (или необратимости)[55]. Действительно, если видеть сущность времени в последовательной смене одного явления другим, а объективную причину направленности времени в том, что явление А сменяется явлением В, а явление В сменяется явлением С и т. д., то вполне допустимо (и теоретически, и практически), что явление В может сменить явление С, а явление А — явление В, то есть, что порядок последовательности существования сменяющих друг друга явлений может быть обратным. Отсюда, исходя из данного понимания сущности времени, можно предполагать, что возможно и обратное течение времени, что следствие может предварять свою причину и т. п. Как известно, такие «возможности» вполне серьезно обсуждаются в современной квантовой механике.

На наш взгляд, ошибочность понимания времени как «последовательности существования сменяющих друг друга явлений» определяется в частности тем, что понятие времени, призванное выражать процессуальную сторону изменения, выступающую как некоторая длительность процесса изменения, перехода предмета из одного относительно устойчивого целостного состояния в другое, пытаются выразить системой понятий, характеризующих только относительно устойчивые результаты процесса изменения. При последовательном проведении такое понимание неизбежно приводит к выводу, что предметы и явления лишь различны в разные моменты, а сущность времени сводится к последовательности существования сменяющих друг друга различных предметов и явлений.

Подобное понимание, отмечал В. И. Ленин, «... *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*...»[56]. Замечание В. И. Ленина высказано в другой связи: при рассмотре-

[55] Мы не рассматриваем здесь известную неопределенность этой дефиниции, не исключающую случайность последовательности существования сменяющих друг друга явлений, возможность которой вообще ставит под сомнение корректность такого определения времени.

[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 232.

нии диалектически противоречивого содержания движения как единства изменчивости и относительной устойчивости (покоя). Однако оно является самой глубокой характеристикой и рассматриваемого вопроса, поскольку в понимании времени как «последовательности существования сменяющих друг друга явлений» не улавливается, не отражается «само движение», количественной характеристикой которого, по словам К. Маркса, время, собственно, и является.

Некоторые авторы, оправдывая понимание времени как «последовательности существования сменяющих друг друга явлений», ссылаются на высказывания Ф. Энгельса, якобы подтверждающие эту точку зрения[57]. Думается, однако, что для подобных выводов нет оснований.

Ф. Энгельс, рассматривая проникновение идеи развития в науку о природе, придавал в этом смысле, как известно, большое значение космогонической теории Канта. Именно вместе с этой теорией, подчеркивал Ф. Энгельс, начала входить в естествознание идея о развитии, а вместе с нею представление об истории во времени, о становлении во времени: «Вопрос о первом толчке был устранен; Земля и вся солнечная система предстали как нечто *ставшее* во времени... в открытии Канта заключалась отправная точка всего дальнейшего движения вперед. Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также ее теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности одного после другого»[58].

В приведенном высказывании Ф. Энгельс не дает определения ни пространства, ни времени, но подчеркивает, что развитие Земли во всех аспектах имеет историю не только в пространстве, т. е. как историческое сосуществование (расположение) в пространстве одного подле другого, но и во времени, т. е. как последовательность существования изменяющихся, развивающихся явлений одного после другого. Однако именно тот факт,

---

[57] См. Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971, с. 319.

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 351.

что «история во времени» характеризует объективную действительность как изменяющуюся, развивающуюся, как «последовательность одного после другого», свидетельствует о том, что это явления разного порядка, поскольку то, что́ характеризует («время» как базовое основание «истории»), должно отличаться от того, что характеризуется как ставшее во времени и, следовательно, измеряющееся временем («последовательность одного после другого»).

Этот момент отмечал еще Кант: «Последовательность не порождает понятия времени, а только указывает на него. Вот почему понятие времени совершенно неправильно определяют как ряд действительных [событий], существующих одно *после* другого... Дело в том, что я не понимаю, что обозначает слово *после,* если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно *после* другого есть то, что существует *в разное время,* так же как существовать *совместно* — значит существовать *в одно и то же время*»[59]. Справедливое кантовское высказывание отнюдь не становится ложным только от того, что используется для обоснования неправильного, идеалистического положения о том, что идея времени не возникает из чувств, но a priori предполагается ими.

Следует отметить также, что в данном положении отражено действительное, но односторонне раздутое и превращенное в абсолют явление. Кантовское рассуждение основывается на неверной посылке, что исторически человеческое мышление начинается с такой формы, как понятие. В соответствии с данными современной науки понятие есть высшая, не первоначальная форма человеческого мышления. Исторически первой формой абстрактного мышления начинающего осознавать себя и окружающий мир человека была мыслительная деятельность, функционирующая в формах обобщенных наглядно-образных вербализованных (т. е. выраженных в слове) представлений или, как их называет С. Н. Смирнов,— «коллективных представлений»[60]. Лишь в итоге длительного исторического развития человеческого мышления, в результате коренного преобразования ограниченной прак-

---

[59] *Кант И.* Сочинения в шести томах, т. 2. М., 1964, с. 398.

[60] См. *Смирнов С. Н.* Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974, с. 270.

тики первобытного общества, в ходе развития производительных сил совершается переход от мышления человека вербализованными общими представлениями к понятийному мышлению в его современном понимании.

Далее, для того, чтобы «что-то» было осознано человеком, т. е. вербализовано, выражено в слове, это «что-то» уже должно существовать в голове человека в форме чувственного обобщенного представления. В этом смысле уже высшие животные биологически и практически отличают лето от зимы, день от ночи и т. п., поскольку с этими периодами необходимым образом связаны формы их жизнедеятельности. Тем более важным практическое различие этих периодов, их длительности и последовательности явилось для формировавшегося человека, еще не осознавшего их чувственного представления как представления времени, но необходимо использовавшего его в своей практике.

Развитие общественной практики, появление таких форм трудовой деятельности, как животноводство и земледелие, с необходимостью привели к тому, что суточные, месячные, годичные циклы длительностей природных изменений, связанных с условиями и формами жизнедеятельности человека, были осознаны как временные, т. е. вербализованы, выражены в слове «время». Именно тот факт, что формирование категории времени является результатом длительного развития общественно-исторической практики человечества, тогда как человек (и с точки зрения филогенеза, и с точки зрения онтогенеза) с первых шагов своего становления практически (но еще неосознанно) осуществляет все формы своей жизнедеятельности во «времени» и в «пространстве», и послужил объективной основой формирования представления о времени и пространстве как о понятиях чистого созерцания, данных человеку a priori.

Основоположники марксизма-ленинизма, преодолевая недостатки, слабости и пороки предшествующей философии в понимании объективного содержания категории времени, подчеркивали, что принципиальное значение при исследовании этой проблемы имеют не детали временной структуры бытия, а решение вопроса о том, каков источник данной категории, откуда она черпает свое содержание. Именно и только этим фундаментальным принципом определяется диалектико-материалистический подход к философскому исследованию проблемы времени.

В этом смысле ленинский анализ махизма как определенного течения субъективно-идеалистической философии, свойственного и множеству направлений и направленьиц современной буржуазной философии, до сих пор остается непревзойденным образцом критической философской работы, написанной с позиций диалектического материализма. Э. Мах, как известно, отвергал идею Канта об априорном характере философского понятия времени и подчеркивал опытный характер временных представлений[61]. Если рассматривать махистское представление о происхождении и сущности категории времени в отрыве от принципиальной философской позиции Маха, оно выглядит материалистическим, поскольку источником содержания этой категории считается «опыт». Но дело в том, что сам «опыт» Мах понимает субъективно-идеалистически. Принципиальные философские положения Маха и делают его концепцию времени субъективно-идеалистической. В. И. Ленин говорит, что представления Маха о времени — «явная идеалистическая бессмыслица, неизбежно вытекающая из учения, что тела суть комплексы ощущений»[62].

Гносеологические корни идеалистической позиции Маха в вопросе о времени — это абсолютизация чувственного момента познания, понимание ощущений не как «звена», которое связывает субъекта познания с вне и независимо от него существующим миром, а как «первичного элемента», некоего «кирпичика» самого бытия. Утверждая, что его анализ времени является анализом бытия, Мах фактически анализирует лишь определенное знание этого бытия, первичным материалом которого действительно являются чувственные данные, и в первую очередь ощущения. Однако, если позицию Маха проводить последовательно, она необходимо приведет к признанию того, что единственное «действительное время» есть совокупность ощущений времени. «Если тела суть «комплексы ощущений... — писал В. И. Ленин, — то из этого неизбежно следует, что весь мир есть только мое

---

[61] Учитывая, что в данном параграфе рассматривается философское содержание категории «время», основное внимание здесь уделяется именно этой стороне махистской концепции. Однако автор считает необходимым отметить, что все сказанное об этой категории целиком относится и к махистскому толкованию категории пространства.

[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 184.

представление... Никакие увертки, никакие софизмы... не устранят того ясного и неоспоримого факта, что учение Э. Маха о вещах, как комплексах ощущений, есть субъективный идеализм...»[63] За подобные же идеалистические «вывихи» В. И. Ленин критикует и известного французского ученого-физика А. Пуанкаре: «Гносеологические выводы автора... мы уже видели: «не природа дает (или навязывает) нам понятия пространства и времени, а мы даем их природе»; «все, что не есть мысль, есть чистейшее ничто». Это — выводы идеалистические»[64].

Значительное внимание философским проблемам времени уделял виднейший представитель интуитивистского течения в философии А. Бергсон. Однако для того, чтобы правильно оценить концепцию времени А. Бергсона, следует иметь в виду, что в его трудах рассматривается время как «чистая длительность», так сказать, действительное время мира (вспомним И. Ньютона!) и время в конструкциях науки, способ представить длительность средствами, имеющимися в распоряжении ученого. Интеллект, разум, по мнению А. Бергсона, в принципе не способен схватить, адекватно отобразить, понять длительность, эволюцию и связанные с ними качества — индивидуальность, неповторимость и прочее. В сущность эволюции, в сущность длительности, заключает Бергсон, способна проникнуть только интуиция.

Естественно, что А. Бергсон, уделявший столь значительное внимание проблеме времени, живо откликнулся на появление и принял активное участие в обсуждении философских основ теории относительности А. Эйнштейна, где проблемы пространства и времени рассматриваются непосредственно. Он решительно отверг предположение, что теория относительности как физическая теория проникает в сущность длительности, считая, что А. Эйнштейн лишь по-иному излагает проблему измерения длительности, т. е. отображения длительности средствами науки. Сама аналогия между временем и пространством, использованная в математической части теории относительности, по мнению Бергсона, препятствует тому, чтобы подойти к длительности самой по себе. Временные точки четырехмерного мира Г. Минковского — это простые отметки нашего рассудка, потенциальные

[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 35.
[64] Там же, с. 267.

остановки сознаваемой нами длительности и реального движения.

Если резюмировать воззрение А. Бергсона на время, нельзя не отметить, что он признает независимость длительности как объективной основы времени. Но было бы опрометчивым и в корне неверным делать на этом основании вывод, что А. Бергсон признает временну́ю характеристику объективной характеристикой материального мира. Подобно Э. Маху, А. Бергсон пытается представить свою концепцию стоящей выше противоположности материализма и идеализма. Однако в действительности она является объективно-идеалистической, что особенно отчетливо проявилось в его понимании времени. Характеристика временности, по Бергсону, присуща объективному миру только как инициированная «сверхсознанием», «жизнью», «творческим порывом». Другая существенная черта этой концепции — иррационалистический агностицизм: действительные временны́е характеристики не раскрываются разумом и наукой, но лишь «символизируются» ими, а «схвачены» они могут быть только интуицией.

Таким образом, основной вопрос философского исследования концепций времени, отправная точка и центральная ось такого исследования — выявление принципиальной философской позиции автора, характера его ответа на основной вопрос философии. При всей относительности, изменчивости конкретного содержания научных знаний о временны́х (и пространственных) характеристиках бытия[65] противопоставление точки зрения материализма и идеализма в этом вопросе остается абсолютным. Ленинская критика махистской концепции учит нас прежде всего умению выделять эту философско-гносеологическую позицию независимо от того, содержится она непосредственно, явно в концепции того или иного философа, естествоиспытателя или не содержится.

Последовательно защищая понимание времени и пространства как объективных реальностей, В. И. Ленин настаивал, исходя из диалектического учения об относительной и абсолютной истине, на необходимости и закономерности изменения конкретных научных пред-

---

[65] См., например: *Жог В. И., Канке В. А.* Проблема реальности и статуса форм времени и пространства. — Философские науки, 1981, № 2, с. 34—42; *Казарян В. П.* К философскому анализу природы времени. — Философские науки, 1981, № 3, с. 71—78.

ставлений о проявлениях их сущности. Подчеркивая необходимость четкого различения относительности наших взглядов на время (и пространство) и абсолютности, в пределах гносеологии, противоположения материалистического и идеалистического подходов к этому вопросу, В. И. Ленин обращает внимание на то важное обстоятельство, что признание объективной реальности времени и пространства является неотъемлемой частью целостного материалистического взгляда на природу. Ленинская философская критика идеалистических взглядов на сущность времени и пространства, органично сочетающая в себе партийную принципиальность и научную объективность, сохраняет непреходящее методологическое и идеологическое значение и для современной науки.

Материалистическая сущность сформулированного нами определения категории «время» заключается в том, что оно является устанавливаемой в точно определенных соотношениях количественной характеристикой той всеобщей стороны объективной реальности, которая выступает как длительность процессов ее изменения.

Отражение

Направление исследований сущности отражения определяется общепризнанным представлением об отражении как о результате взаимодействия и сводится к выяснению того, что это за результат.

В проведенном выше анализе движения содержится важное методологическое положение о том, что движение — это сложное явление, с необходимостью предполагающее взаимодействие относительно устойчивых целостных предметов, а также процесс их изменения, неразрывно связанный со своей противоположностью, целостностью изменившихся предметов. Таким образом, при рассмотрении в общем плане категория движения включает в свое содержание три основных момента: исходный момент — какое-то начальное относительно устойчивое состояние целостных предметов познания; промежуточный момент — взаимодействие предметов и процесс их изменения; конечный момент — результат взаимодействия, относительно устойчивое целостное состояние изменившихся предметов. Следовательно, решение проблемы отражения связывается с анализом существа третьего, конечного момента движения. Однако, чтобы яснее пред-

ставить себе внутреннее содержание, суть этого момента движения, необходимо более глубоко рассмотреть существо первых двух моментов.

Как уже отмечалось, внешне изменения взаимодействующих предметов познания обнаруживаются в том, что некоторые ранее присущие им черты, стороны, характеристики уничтожаются, исчезают, а некоторые новые черты, стороны, характеристики образуются, возникают. Однако выявить сущность изменения, его глубинное содержание можно, лишь вскрыв за внешне наблюдаемыми и чувственно фиксируемыми изменениями черт, сторон, характеристик предмета те внутренние изменения, внешней формой проявления которых они являются. «...Задача науки,— писал по этому поводу К. Маркс,— заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»[66] В другом месте К. Маркс отмечает, что «видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение»[67].

Согласно данным современной науки, выявление наиболее глубоких внутренних, невоспринимаемых непосредственно материальных основ процесса изменения связано с понятием структуры взаимодействующих и изменяющихся предметов. Мы не ставим своей задачей всесторонний анализ многочисленных интерпретаций этой категории. Отметим лишь, что в данном исследовании под структурой понимается целостное единство взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (так называемая материализованная структура).

Как уже отмечалось, относительная устойчивость предмета как целого обусловливается тем, что внутренняя структура предмета суть такая организация взаимодействующих элементов, при которой разнонаправленные внутренние изменения взаимно уравновешивают друг друга. Именно относительная устойчивость внутренней структуры предмета позволяет говорить о нем как о «данном», «этом» предмете, существующем в течение некоторого времени. Другими словами, целостность, самостоятельность, относительная устойчивость предмета есть следствие определенного «перевеса» (в пределах ме-

[66] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 1, с. 343.
[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 327.

ры) внутренних связей над внешними. Существование же предмета в его проявлениях — результат единства двух сторон, моментов «полной» структуры и предмета: внутренней структуры как единства взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, основы выделенности, целостности предмета и внешней структуры, в которой данный предмет выступает элементом более широкой структуры, при этом связи с другими ее элементами для данного предмета являются внешними. Именно эти внешние связи обусловливают характер и форму проявления предмета, то, каким он выступает для познающего субъекта. Поэтому изучение качественных реакций предмета на внешние воздействия и исследование процессов становления и развития самого предмета невозможно без специального анализа определенных сторон внешнего мира и их роли в этих процессах.

Эту сторону процесса изменения мы рассматривать не будем, ограничимся только констатацией факта ее существования. Однако в дальнейшем рассмотрении мы будем исходить из того, что сохранение внутренней структуры в процессах взаимодействия предмета с другими предметами окружающей действительности составляет самую глубокую материальную основу целостности предмета.

Понятие структуры выражает, таким образом, момент относительной устойчивости в движении материальных процессов и явлений объективной реальности. Распад или перестройка той или иной структуры, на первый взгляд даже самая незначительная, во всех без исключения случаях ведут либо к изменению какой-то стороны или характеристики предмета, либо к изменению самого предмета как такового и превращению его в иной предмет. При этом качественные изменения могут совершаться только путем количественного изменения в рамках всеобщего закона сохранения материи и движения, а конкретная форма перехода количества в качество определяется природой изменяющихся предметов. Отсюда, следовательно, содержание второго, промежуточного момента движения заключается во взаимодействии предметов, относительно устойчивое целостное состояние которых характеризуется определенной внутренней структурой, и в изменении структуры взаимодействующих предметов. Категория изменения в этом случае фиксирует процесс появления различий в структуре взаимодействующих

предметов: какие-то старые элементы уничтожаются, какие-то новые элементы возникают, разрушаются одни взаимосвязи и взаимодействия элементов и устанавливаются иные взаимосвязи и взаимодействия и т. п.

Такое изменение, например, претерпевает кусочек воска, когда на нем делается оттиск печати: именно относительно устойчивое сохранение изменившейся структуры того участка воска, который непосредственно взаимодействовал с печатью, позволяет человеку устанавливать, что это оттиск печати и какой печати именно. На сохранении изменившейся в результате взаимодействия структуры определенных веществ основаны, в частности, такие отрасли промышленности, как фотография и кинематография, производство грампластинок и т. п.

В ряде случаев изменение структуры приводит к более серьезным изменениям предмета познания, переходу предмета из одного состояния в другое. Такое изменение претерпевает, например, капиталистическое общество, когда домонополистический капитализм преобразуется в империализм. В процессе этого изменения сохраняются основная структура общества и главные закономерности общественного развития, позволяющие квалифицировать его именно как общество капиталистическое. Вместе с тем появляются относительно устойчиво сохраняющиеся структурные изменения некоторых сторон этого общества, таких, например, как переход от сравнительно небольших, свободно конкурирующих капиталистических предприятий к крупным монополистическим объединениям со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также изменения в структуре капитала в сторону возрастания объемов и значения финансового капитала и т. д., собственно и характеризующие империализм как фазу развития капиталистического общества.

Изменения могут затронуть и основные, наиболее существенные элементы структуры предмета, привести к коренному преобразованию всех его главных связей и закономерностей, в результате чего данный предмет преобразуется в предмет, обладающий качественно иной структурой, специфическими закономерностями, другой сущностью. Так, атомы изотопа лития Li^7 при воздействии на них дейтеронами преобразуются в атомы другого изотопа лития: ${}_3Li^7 + {}_1D^2 \rightarrow {}_3Li^8 + {}_1H^1$.

Но в соответствующих условиях направление реакции

может измениться, в результате чего литий превращается в совершенно иной элемент, например в бериллий: ${}_3Li^7 + {}_1D^2 \rightarrow {}_4Be^9$.

Однако во всех рассмотренных случаях само существование новых сторон, характеристик изменившихся предметов определяется относительно устойчивым сохранением изменений их структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия независимо от того, касаются эти изменения отдельных ее элементов, отдельных связей этих элементов или глубокого преобразования всей структуры в целом. Исходя из изложенного, мы предлагаем следующую формулировку определения категории «отражение»: *отражение есть философская категория для обозначения внутренне присущего объективной реальности свойства относительно устойчиво сохранять изменения структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия.*

Категория отражения, таким образом, раскрывается посредством системы категорий «свойство», «объективная реальность», «относительная устойчивость», «сохранение», «изменение», «структура», «процесс», «взаимосвязь», «взаимодействие», философский статус которых (за исключением понятия структуры, на котором мы остановимся ниже) не вызывает сомнений. Что касается вопроса о правомерности придания понятию структуры категориального, философского статуса, на наш взгляд, на этот вопрос можно ответить положительно.

Основные требования, которым должны удовлетворять понятия конкретных наук, для того чтобы они могли быть переведены в ранг философских категорий, заключаются в том, что эти понятия должны: (1) найти свое специфически философское содержание, связанное с существенно обобщенным их значением; (2) попав в иную систему мышления (в данном случае — в философскую систему), отвечать внутренней логике этой системы, а также связям, в которые они неизбежно вступают с другими категориями данной системы; (3) иметь свое, специфическое содержание, не выражаемое другими категориями философии. Думается, что категория структуры полностью отвечает этим требованиям. Структура — целостное единство взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, такая существенная сторона всех без исключения предметов объективной реальности (природы, общества и мышления), которая составляет необхо-

димое внутреннее условие их стабильности, относительного покоя, относительной устойчивости, выделенности как данных, «этих» предметов. Являясь внутренней материальной основой целостности предметов, обладающих специфическими, только им присущими сторонами и свойствами, структура поэтому является внутренней материальной основой и изменений предметов, как несущественных, так и связанных с их коренным преобразованием.

Указанное понимание структуры было предвосхищено в атомистической онтологии Демокрита, о которой Аристотель писал: «...Левкипп и Демокрит утверждают, что отличия [атомов] суть причины всего остального. А этих отличий они указывают три очертания, порядок и положение. Ибо сущее, говорят они, различается лишь «строем», «соприкосновением» и «поворотом»; из них «строй» — это очертание, «соприкосновение» — порядок, «поворот» — положение; а именно *A* отличается от *N* очертаниями, *AN* от *NA* — порядком, *Z* от *N*—положением»[68]. Именно о структуре (в современном ее понимании) фактически говорил Локк, утверждая, что «реальная сущность», определяющая все качества и свойства тел, суть строение составляющих ее реальных частиц. Понятие структуры было удачно применено К. Марксом для анализа социальных явлений (экономическая и классовая структуры). В наши дни диалектико-материалистическое исследование понятия структуры продолжено совместными усилиями естествоиспытателей и философов[69]. Думается, тот факт, что категория структуры органически вписалась, вошла в качестве необходимого элемента в определение всеобщего свойства отражения, раскрывая его наиболее существенное содержание и отличая отражение от других атрибутов, является еще одним свидетельством в пользу ее философского статуса.

Рассмотренное выше важное методологическое положение о том, что движение — это сложная категория, внутренне включающая в свое содержание содержание тех сторон объективной реальности, которые обозначаются категориями пространства и времени, дополняется, таким образом, положением об отражении как о третьей специфической стороне движущейся объектив-

[68] *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах, т. 1, с. 75.

[69] См., например: Структура и формы материи. М., 1967; *Аршинов В. В.* Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики. М., 1979, и др.

ной реальности, которая характеризуется способностью относительно устойчиво сохранять изменения структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия.

Правомерность данного определения категории отражения и его философский статус вытекают из того, что оно удовлетворяет основным логическим требованиям к процессу и результату определения атрибутивных категорий, поскольку:

1) способность материальных образований относительно устойчиво сохранять изменения структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия есть реально существующий, наличный признак, принадлежащий самому предмету познания, т. е. отражению;

2) этот признак есть признак всеобщий, непрерывно существующий, свидетельствующий о том, что отражение суть свойство, принадлежащее всему классу предметов, всем без исключения материальным образованиям, объективной реальности в целом;

3) это основной, наиболее существенный признак, характеризующий тот уровень, до которого дошло познание на данной ступени развития;

4) это не только основной, наиболее существенный, но и специфический признак, отличающий отражение как всеобщее свойство материи от других ее атрибутов;

5) выделенный признак формирует такое содержание категории отражения, которое показывает, что она с необходимостью относится ко всем известным нам атрибутам материи и неразрывно связана с ними;

6) категория отражения в данной ее формулировке выражает такое содержание, для которого не существует другой категории;

7) будучи философской, всеобщей категорией, она раскрывает только всеобщую форму объективного существования той стороны объективной реальности, обозначением которой является.

Что касается последнего из основных логических требований к определению категориального содержания отражения — способности служить родовым понятием при выявлении родо-видовых отношений его особенных (видовых) форм, то оно должно быть подтверждено исследованием исторического развития всеобщего свойства отражения — от элементарных его форм в неорганической природе до высшей формы психического отражения — человеческого сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги рассмотрению сущностного содержания категории свойства, представляется необходимым обратить внимание на следующие моменты. Исследование категорий качества и свойства в философских системах Аристотеля, Локка и Гегеля показало, что в них не содержится четкого определения этих категорий, т. е. однозначно не раскрываются отражаемые ими объективно-реальные стороны, области объективной действительности, или, говоря иначе, их субстанциальное, онтологическое содержание.

Сущность категории свойства впервые была уловлена (к сожалению, без осознания этого факта) формальной логикой в учении о так называемых диспозиционных предикатах. Специфика «диспозиционных предикатов» была выявлена при анализе эмпирического уровня описания внешних свойств исследуемого предмета. Слово «внешний» здесь указывает на то обстоятельство, что свойства предмета определяются либо по отношению к аппарату чувственного восприятия человека (красный, гладкий, горячий, тяжелый и т. п.), либо в отношении какой-либо внешней ситуации. В последнем случае, отмечается в литературе, диспозиционность предиката определяется по следующей схеме. Имеется внешняя ситуация Q либо возникшая естественным путем, либо созданная искусственно. В такой ситуации говорят, что объект S обладает свойством P_q, если включение S в Q влечет за собой эмпирический эффект P. Это и есть так называемые диспозиционные предикаты: растворимость, электропроводность, твердость, вязкость и т. д.[1] В формальной логике свойства вообще понимаются как одноместные предикаты. При этом авторы, рассматривая диспозиционные предикаты лишь как некоторые специфические свойства, не смогли уловить, что понятие диспозиционного предиката на уровне логики фактически раскрывает саму сущность категории «свойство».

[1] См. *Рубашкин В. Ш.* Познание и язык. — Вопросы философии, 1970, № 9, с. 54.

Одной из важнейших проблем, которая затрагивалась в процессе рассмотрения качества и свойства, является проблема соотношения категорий «качество», «сущность», «структура», «система» и т. д. Представляется необходимым отметить несколько специфических аспектов этой проблемы.

Во-первых, употребление понятия «сущность» не способствует выявлению специфики качества уже потому, что при этом неизбежно отождествление сущности и явления, что противоречит основам материалистической диалектики. Под сущностью в марксистско-ленинской философии понимаются, как известно, внутренние, глубинные стороны и взаимосвязи предметов, познаваемые с помощью мышления; под явлением — внешние, доступные непосредственному чувственному познанию проявления сущности. Последовательно сводить качество к сущности нельзя уже потому, что это противоречит практике обыденного и научного познания и мышления, свидетельствующих о том, что в роли качественных признаков (качества) нередко используются внешние стороны и характеристики предметов, не играющие существенной роли для бытия предметов как таковых.

Во-вторых, во многих исследованиях категория «сущность» понимается только лишь как «природная сущность» предмета, т. е. сущность предмета «самого по себе», вне и независимо от человека и его сознания, и игнорируется необъятная область «социальных» (функциональных) сущностей. Однако в человеческой практике «внутреннее» содержание предмета, в частности его структура, имеет значение лишь постольку, поскольку обусловленные ею свойства при соответствующей внешней форме позволяют удовлетворять те или иные социальные потребности. Сущность предмета как раз и заключается в способности удовлетворять эти потребности.

Действительно, любой предмет всегда предстает перед субъектом познания (или субъектом действия) как некоторая качественная определенность, т. е. единство качеств, наиболее существенных с точки зрения производственных, бытовых, эстетических и других социально обусловленных требований. Одно из важных объективных условий отождествления качества и сущности как раз и заключается в том, что категория «качество» сближается с категорией «существенность», а последняя понима-

ется только как относящаяся к предмету познания «самому по себе», каков он есть вне и независимо от человека и человечества.

«Существенное — несущественное» — важные категории материалистической диалектики, необходимые для различения в мире явлений того, что относится к сущности, от того, что к ней не относится. Чаще всего они употребляются для обозначения результатов познания признаков предметов и используются как логические основания различения признаков по их значимости для рассматриваемых предметов. Все признаки, столь важные для предмета, что без них предмет как таковой существовать не может, относят к существенным, а признаки, без которых предмет может существовать как «этот» предмет, относят к несущественным. Однако здесь следует иметь в виду то важное обстоятельство, что *сущность предмета,* каков он есть сам по себе, и *существенность его признаков* отнюдь не совпадают. Необходимо различать по крайней мере два смысла понятия «существенный признак» в зависимости от того, что именно выясняется.

При определении природной сущности предмета, т. е. сущности, раскрывающей предмет познания таким, каков он «сам по себе» независимо от человека и его сознания, существенность признаков заключается в том, что они должны определять характер, природу и направление развития предмета, безотносительно к тому, какое значение имеет этот признак для других предметов. Существенный признак этого рода (или признаки, вместе взятые, если их несколько) должен быть достаточным для выражения сущности предмета, а каждый в отдельности необходим для нее. Так, например, самая глубокая сущность предмета, который называется «вода», заключается в его внутреннем строении или структуре, в том, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода — H_2O. Данная структура и ее изменения являются необходимой материальной основой всех качеств и свойств воды и всех их изменений.

При определении «социальной» (функциональной) сущности предмета существенность отличительного признака связана с его важностью, значимостью для удовлетворения тех или иных социально обусловленных потребностей человека. Поэтому социальная существен

ность признака, во-первых, ограничивается тем местом, которое этот признак занимает в осуществлении предметом функциональной роли в жизнедеятельности человека. Например, существенный признак предмета, который мы называем часами, заключается в его функции — в измерении времени. По своему материальному содержанию и принципу действия это могут быть самые разнообразные предметы: солнечные, водяные, песочные, механические, атомные и т. д., сделанные из металла, дерева и т. п. Ни материал, ни форма, ни принцип действия не определяют сущность этого предмета именно как часов. Во-вторых, социальная существенность признака суть существенность относительная, поскольку в одном объективном отношении при удовлетворении одних потребностей существенны одни стороны и характеристики предметов, рассматриваемые как их качественные признаки, в другом — другие, в третьем — третьи и т. д. (вспомним классический ленинский пример со стаканом).

В определениях понятий отображается реальный предмет, но отображается так, как он осознается человеком в его практической деятельности. Сведение специфики содержания категории «качество», рассматриваемой в широком философском смысле, лишь к «существенному» или «существенным свойствам» искажает понимание специфики самих этих категорий, поскольку, как показал анализ, каждая из них отражает специфическую область реальной действительности, т. е. их различие является не терминологическим, а категориальным и, следовательно, содержательным. Это приводит к неоправданному ограничению универсальности указанных категорий и в методологическом плане обедняет систему категорий материалистической диалектики в целом.

Категория качества в познании применяется до различения понятий «существенное — несущественное» и независимо от него. Поэтому ошибочными являются и утверждения о том, что содержание категорий «качество» и «сущность» тождественно, и утверждения о том, что совпадение качества и сущности вообще невозможно. Поскольку в процессах сравнения предметов в роли качественных признаков могут использоваться любые их стороны, как существенные, так и несущественные, постольку предмет познается тем глубже, чем существеннее то качество, которое выступает как отличительный его признак. Следовательно, объективно в основе представления

о тождестве категорий «качество», «сущность», «система», «структура» и т. д. лежат действительные черты реальных процессов познания: качество действительно может выражать не только внешнее проявление сущности, но и самую глубокую сущность предмета, а структура и система, как и любые другие стороны предмета, могут выступать в роли отличительных его признаков в процессах сравнения. Существо же ошибочности указанных представлений заключается в одностороннем рассмотрении, абсолютизации этих действительных, но выражающих лишь частицу целостного процесса познания явлений и понимания их как всеобщих.

Еще один недостаток многих определений качества заключается в том, что в них определяется только качество вещи и этому частному содержанию категории явно или неявно придается всеобщее значение в материалистической диалектике. Между тем всеобщим в методологическом плане может быть лишь такое содержание, которое обобщает качественные стороны и характеристики, имеющиеся у всех без исключения предметов познания, т. е. и у материальных и у идеальных абстрактных предметов.

В общефилософском плане основное значение категории качества должно быть определено таким образом, чтобы ее частное применение не противоречило общему определению. Думается, что сформулированное нами определение категории качества удовлетворяет этому требованию. Как показал анализ, качества могут быть существенными и несущественными, с различной глубиной раскрывать сущность предмета и его существование, причем в роли качественных признаков могут выступать наличные, существующие актуально стороны предмета, как внутренние (например, структура), так и внешние (например, форма), а также свойства предметов, т. е. их потенция, их способность обнаруживать те или иные стороны или характеристики в процессах взаимосвязи и взаимодействия. Что касается связей категорий «качество» и «отношение», а также «свойство» и «отношение», то их существо сводится к тому, что «само по себе» отношение не может быть ни качеством, ни свойством, а в роли качественного признака может выступать только свойство предмета, его способность вступать в те или иные отношения с другими предметами.

В принципе представления, лежащие в основе сфор-

мулированных нами определений категорий качества и свойства, не новы. Так, представления о сущности категории качества имплицитно уже содержались в философских учениях Аристотеля, Локка и Гегеля, а категории свойства — в учении Аристотеля о категории качества (2-й род качества — «способность или неспособность предмета к чему-либо»), в учении формальной логики о так называемых диспозиционных предикатах и в известном положении К. Маркса о том, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»[2–3]. Мы попытались только уточнить их содержание и выразить его в логической форме определений.

При этом еще раз подтверждается справедливость положения, установленного многовековой историей человеческого познания, что общепризнанность далеко не всегда является гарантом истинности, а изучение оснований той или иной теории (или науки) приводит подчас к неожиданным результатам: давно известные, кажущиеся тривиальными явления открывают возможность глубоких поисков и далеко не тривиальных выводов. Значимость сформулированных определений категорий «качество» и «свойство» автор усматривает в подтверждении методологически важного положения диалектической логики о том, что философские категории не являются синонимами, но, будучи теснейшим образом взаимосвязанными в самой своей основе, обозначают вместе с тем строго специфические для каждой из них стороны объективной реальности.

В различных областях современной науки много внимания уделяется проблемам атрибутивных свойств. В физике микрочастиц, например, в ряде случаев говорят о так называемых внепространственных и вневременных формах существования материи[4]. Это свидетельствует о недостаточности понимания пространства и времени только как форм существования материи. Актуальным остается вопрос о специфике внутреннего содержания каждой из этих форм. Поскольку речь идет о философском уровне рассмотрения, сказанное означает необходи-

---

[2–3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 67.

[4] См. *Барашенков В. С., Блохинцев Д. И.* Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике. — Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 176; *Барашенков В. С.* Пространство и время без материи? — Вопросы философии, 1977, № 9, с. 77—83.

мость выяснения сущности всеобщих форм объективного существования тех сторон объективной реальности, которые обозначаются категориями движения, пространства, времени и отражения.

Сформулированные в данной книге определения и являются попыткой такого рода. Подтверждается справедливость фундаментального положения диалектико-материалистической философии о том, что ни один из атрибутов материи не может быть утрачен[5]: понятие изменения во всех случаях рассмотрения процессов движения имеет смысл как понятие изменения чего-то относительно устойчивого (пространства), а само изменение любых предметов не может не иметь такой характеристики, как длительность (время), т. е. потерять свой процессуальный характер.

Важная положительная сторона этого раздела работы, на взгляд автора, заключается в том, что в нем показывается неверность известного представления о принципиальной невозможности логических определений философских категорий, сложившегося в процессе исторического развития домарксистской философской мысли, и на основе анализа сущностного содержания категорий качества, свойства, движения, пространства, времени и отражения характеризуются пути и методы разработок таких определений с позиции марксистско-ленинской методологии.

Определение категории «отражение», предложенное автором, отнюдь не претендует на абсолютное значение. Будучи относительным, оно может получить свою законченную форму только в составе теоретического рассмотрения всей совокупности явлений, которые охватываются категорией отражения. Понятие приобретает характер «законченной объективности», подчеркивал В. И. Ленин, лишь в процессе познания и действия[6]. В. И. Ленин ставил перед учеными задачу исследовать свойство отражения, лежащее «в фундаменте самого здания материи» и родственное ощущению (но, как добавляет Т. Павлов, не тождественное ему), как предпосылку и основу форм отражения, присущих живой природе. «...На деле остается еще исследовать и исследовать,— писал В. И. Ленин,— каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же ато-

[5] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 363.

[6] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.

мов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»[7].

Ответить на этот вопрос — значит в первую очередь раскрыть конкретные условия и механизмы возникновения органической формы движения материи, т. е. жизни, а также объяснить сущность биологических форм отражения и их высшей формы — сознания. Эта задача чрезвычайно сложна, и конкретные науки, занимающиеся исследованием этих вопросов, пока не могут дать на них удовлетворительный ответ. Можно высказать лишь некоторые общие предварительные соображения в общетеоретическом философском плане.

Хотя абстракция отражения раскрывает предмет познания не в таком виде, как он существует в действительности, своим содержанием она все же имеет то, что в действительности существует, имеется в каждом виде материи, в каждой форме ее движения. Естественно, что свойство отражения, содержащееся «в фундаменте самого здания материи», является физическим, материальным свойством. Однако, если наиболее развитые формы отражения в своей самой глубокой основе и содержат признаки, общие с элементарными, всеобщими его формами, «все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»[8]. Поэтому остановиться только на всеобщем содержании категории отражения, не раскрыть существо, специфику его дальнейшего развития означает, как отмечается в отношении аналогичных случаев в литературе, такой способ анализа, который вместо того, чтобы «анатомию человека» сделать ключом к «анатомии обезьяны», может привести к тому, что, образно выражаясь, человек сведется к обезьяне[9], т. е. собственно человеческие высшие формы отражения сведутся к самым элементарным его формам, присущим главным образом неорганической природе.

Некритическое распространение этого определения в обобщенной его форме, например, на сознание как на

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 40.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 21.

[9] См. *Элез И.* Категория практики в трудах К. Маркса.—Практика и познание. М., 1973, с. 32.

специфическую форму отражения, присущую только социальной форме движения материи без учета особенностей ее психического содержания, неизбежно приведет к метафизическому отождествлению идеального и материального. Ссылка на то, что сознание — это специфическая форма отражения, еще не решает проблемы, ибо она как раз в том и состоит, чтобы объяснить, в чем именно заключается специфичность данной формы отражения. А объяснить ее специфичность в первую очередь означает объяснить, каким образом идеальное связывается с материальным и в чем заключается сущность этой связи.

Ленинская идея о том, что отражение есть всеобщее свойство материи, раскрывает широкие горизонты для дальнейшей разработки сущности отражения в неорганической природе и проблемы возникновения ощущающей материи из неощущающей, дает возможность перекинуть действительный «мостик» между сознанием и материей, «в фундаменте самого здания» которой заложено родственное с ощущением свойство отражения. Исходным положением ленинской теории отражения является признание объективного существования материи и отображение ее человеческим мозгом. Свойство отражения, согласно В. И. Ленину, присуще всей материи. Оно закономерно развивается по мере восхождения материи к высшим уровням существования. Отражение в неживых телах, в мире растений, у высших животных и, наконец, отображение мира человеком — таковы основные этапы исторического развития всеобщего отражательного свойства материи.

Однако, думается, неверно связывать функции отражения только с восходящей прямой развития той его стороны, которая ведет к сознанию: это важная и весьма существенная его сторона, но на каждом из этапов своего развития функции отражения качественно различны и потому не должны отождествляться. Рассмотрение в общих и существенных чертах их особенностей обнаруживает объективную логику всемирно-исторического процесса развития всеобщего свойства отражения от элементарных частиц до человека.

Отражение, по нашему определению,— это философская категория, обозначающая всеобщее свойство объективной реальности относительно устойчиво сохранять изменения структуры в процессах взаимосвязи и взаимодействия. Первоначально, до появления высокоорганизован-

ной (органической) формы движения материи, т. е. жизни, осуществлялась только одна функция — служить фундаментом развития и преобразования вечно движущейся объективной реальности. Всеобщее свойство отражения является той фундаментальной базой, на которой зиждется развитие и преобразование природы и Вселенной в целом. Именно здесь выявляется плодотворность мысли Тодора Павлова о том, что отражение, возникшее как определенное внутреннее изменение предмета или явления, оказывает существенное влияние на его будущие взаимодействия с окружающей средой и тем самым выступает в качестве важнейшего условия развития[10]. С появлением органической формы движения преобразовывается, усложняется первая сторона, первая функция отражательного свойства, которая становится фундаментом не только развития, но и самосохранения живых организмов и жизни в целом. Вместе с тем в ходе дальнейшего развития и усложнения органической формы движения создаются условия для возникновения и проявления той стороны отражения, той специфической ее функции, которая ведет к венцу своего развития — общественному по своей природе человеческому сознанию.

Конкретную методологическую основу исследования специфики реального проявления указанных сторон, функций отражения дают частные науки, изучающие соответствующие формы движения материи. Вместе с тем важное предварительное условие эффективности этого исследования — выявление в определении категории отражения того содержания предмета познания, которое Ф. Энгельс называл его «сущностной природой». Эвристическая сила категорий и заключается в том, что, отображая «сущностную природу» предмета познания, они выступают в качестве своего рода «мерки»; где этой «мерки» нет, предмет познания вообще теряется из виду, а там, где она расплывчато, неадекватно отражает его «сущностную природу», возникает возможность «безрезультатного умничанья по поводу частностей»[11]. Исследование исторического развития всеобщего отражательного свойства материи в указанных направлениях должно явиться практической проверкой того, насколько глубоко

---

[10] См. *Павлов Т.* Избранные философские произведения, т. 3. М., 1962, с. 33—37.

[11] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 354.

в данном определении отражения схвачена его «сущностная природа».

Удовлетворительное с логической точки зрения определение атрибутивной категории, прежде всего, должно указывать пути для выявления отображаемого этой категорией свойства во всех конкретных случаях исследования. Поэтому, как и судьба всякого научного предположения, являющегося результатом теоретического анализа, судьба сформулированных в данной работе определений будет зависеть от того, в какой мере они окажутся способными служить методологической основой для дальнейших исследований, могущих либо опровергнуть их, либо конкретизировать и развить дальше.

В современных условиях, когда ленинская идея мирного сосуществования государств с различным социальным строем овладевает умами миллионов людей, особенную остроту приобретает борьба с позитивизмом. Позитивизм во всех его формах — прошлых и настоящих стремится ограничить роль философии, исключить из ее ведения мировоззренческие проблемы. Согласно позитивистским воззрениям, специальные науки сами, без помощи философии способны создавать единую стройную картину мира и определять положение человека в нем; философские категории в силу своей универсальности «бессодержательны», а философские проблемы (отношение духа к природе, мышления к бытию, вопрос об объективной реальности, об объективной истине и т. д.), имеющие мировоззренческое значение, «бессмысленны»; невозможно создать научную систему взглядов и представлений о мире в целом, о его субстанциальном основании и сущности (мир бесконечен, и поэтому он в целом никогда не был и никогда не может быть объектом познания, предметом философии являются не мировоззренческие проблемы, а анализ логических форм мышления, в частности анализ языка науки, и т. д.).

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXVI съезду партии отмечает: «...возросла активность пропагандистских средств классового противника, усилились его попытки оказывать разлагающее воздействие на сознание советских людей»[12].

Конечная цель, в частности, позитивистов просматри-

---

[12] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 75.

вается весьма отчетливо: лишить марксистско-ленинскую философию смысла, подорвать ее значение и роль в научном познании и преобразовании окружающего нас мира (природы и общества). Поэтому важным результатом данного исследования, имеющим принципиальное методологическое и гносеологическое значение, на наш взгляд, является идея о категориях диалектики как о такого рода логических формах мысли, содержанием которых являются всеобщие формы объективного существования тех или иных сторон объективной реальности, утверждающая статус всеобщности и универсальности категорий диалектики.

Логическое определение понятия «категория диалектики» однозначно раскрывает сущность его объективного содержания, являясь тем самым «критикой на деле» позитивистских утверждений о «бессодержательности» философских категорий и «ненаучности» марксистско-ленинской философии в целом, не имеющей якобы какого-либо значения для частнонаучных дисциплин. Формулирование однозначных, логически непротиворечивых, и, как нам представляется, раскрывающих наиболее существенное объективное содержание определений категорий «качество», «свойство», «движение», «пространство», «время» и «отражение» опровергает позитивистские по своей направленности утверждения о «постулативности», «бездоказательности», «гипотетичности» исходных положений диалектико-материалистической философии и подтверждает ее значение как фундаментальной теоретической основы коммунистического мировоззрения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
3

Глава 1
ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ КАЧЕСТВА И СВОЙСТВА
14

Аристотель
14

Локк
26

Гегель
30

Современные марксистские представления о категориях «качество» и «свойство»
40

Глава 2
КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО» И «СВОЙСТВО» И ИХ РОЛЬ В ПОЗНАНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
50

Качество
50

Свойство
66

Глава 3
КАТЕГОРИЯ «СВОЙСТВО» — РОДОВОЕ ПОНЯТИЕ В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ МАТЕРИИ
89

Движение
91

Пространство
96

Время
101

Отражение
124

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
131

Лукьянов И. Ф.
Л 84 Сущность категории «свойство».— М.: Мысль, 1982. — 143 с.
55 к.

В книге исследуются объективное содержание категории «свойство», ее роль и значение в качестве родового понятия в системе атрибутивных категорий, предпринимается попытка логического определения движения, пространства, времени и отражения как всеобщих форм существования материи.

Л $\frac{0302020100\text{-}039}{004(01)\text{-}82}$ 29-82

ББК 15.1
1М

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ЛУКЬЯНОВ

СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «СВОЙСТВО»

Заведующий редакцией Ю. И. АВЕРЬЯНОВ
Редактор И. Б. ЧИСТЯКОВА
Младший редактор С. Ц. ГНЕВАШЕВА
Оформление художника В. ЮРЧИКОВА
Художественный редактор Ш. Г. ДЖИОЕВ
Технический редактор М. Н. МАРТЫНОВА
Корректор В. С. МАТВЕЕВА

ИБ № 3096

Сдано в набор 30.11.81. Подписано в печать 05.02.82. А01026. Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Литературная гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 7,56. Учетно-издательских листов 7,99. Усл. краско-отт. 7,78. Тираж 14000 экз. Заказ № 1490. Цена 55 к

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103051. Москва, Цветной бульвар, 26.

55 к.

Издательство
·Мысль·